38/507

11
21

М. Н. ПЕТЕРСОН

38 / 507

РУССКИЙ ЯЗЫК

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА ДОПУЩЕНО КАК ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

1 — 5 тысяча

423/6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ГОСУД. РОССС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 30223
24-V-1925
БИБЛИОТЕКА.

Гиз № 7454. Главлит № 34888. Напеч. 5.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

38/507

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это „Пособие“ создалось из собеседований, которые мне не раз приходилось вести с преподавателями русского языка.

Задача „Пособия“ — дать преподавателю 1 ступени в возможно краткой и ясной форме те сведения, которые необходимы для проведения в школе „наблюдений над языком“. Сведения эти, конечно, обширнее тех, которые нужны и доступны ученикам, но у преподавателя и должен быть более широкий горизонт. Мне бы хотелось, чтобы это „Пособие“ послужило для преподавателя толчком для более углубленных занятий языком: учить других и не учиться самому — невозможно.

Сознавая всю ответственность, которая ложится на составителя подобного руководства, я с благодарностью приму все указания как представителей науки, так и деятелей школы.

М. Петерсон.

Москва, 15 февраля 1924 г.

ФОНЕТИКА.

Фонетика — отдел языковедения, содержащий учение о звуках языка.

Звуки языка — результат движения органов речи, поэтому в научном языковедении уже с давнего времени фонетика строится на основе физиологии органов речи. Так она излагается и здесь: как исходный пункт берется работа органоз речи, а затем уже следуют акустические результаты ее — звуки.

I. Органы речи и их функции.

1. **Дыхательный аппарат**: легкие, заключенные в грудной клетке и опирающиеся на грудобрюшную преграду (диафрагму), и дыхательное горло. Этот аппарат служит для вдыхания и выдыхания воздуха. Для речи важно выдыхание, которое и производит звуки.

Выдыхательные толчки далеко неравномерны: они то сильнее, то слабее. С этим связано то, что один из слогов слова выделяется среди других большей силой, что называется ударением. Если силу выдыхательного тока в ударяемом слоге условно обозначить цифрой *3*, то вторым по силе выдыхания будет предударный слог *(2)*, остальные слоги будут еще слабее *(1)*, напр.: Соловéй, дорóга, зóлото.
1 2 3 2 3 1 3 1 1
Необходимость вдыхания обусловливает речевые остановки.

2. **Гортань** — трубка, состоящая из системы хрящей: на узкую часть перстневидного хряща, обращенную вперед, опирается щитовидный хрящ (кадык, адамово яблоко). Оба эти хряща легко прощупать пальцем. На широкой части перстневидного хряща расположены два подвижных черпаловидных хряща. От угла щитовидного хряща к его стенкам и дальше, к выступам черпаловидных хрящей прикреплены горизонтально мускулы, носящие название голосовых связок. Благодаря подвижности черпаловидных хрящей

голосовые связки могут сближаться (натягиваться) и закрывать проход выдыхаемому воздуху. Воздух разрывает эту преграду, приводит в колебание голосовые связки, и так получается *голос* — музыкальный звук, образование которого является главной задачей гортани.

Голос участвует в образовании как гласных, так и многих согласных звуков. Есть согласные звуки, в которых голос даже преобладает; их называют сонорными: *м, н, р, л*. Остальные согласные шумные: в них преобладает шум, напр., *п, б, т, ж* и др. Некоторые из шумных согласных произносятся с участием голоса и называются звонкими, напр., *б, д, з, ж* и др. Те шумные согласные, при произнесении которых голос не принимает участия, называются глухими, напр., *п, т, с, ш*, и др.

Примечание. Участие голоса (колебание голосовых связок) легко воспринимается ухом. Еще яснее оно выступает, если, зажав уши, произносить: *а, э, м, р, д, ж, т, ш*; при последних двух голосовые связки не колеблются. Уловить колебание голосовых связок можно также, приложив палец к щитовидному хрящу (кадык).

3. **Надставная труба.** Так называют обыкновенно полость рта и полость носа. Полость носа служит только резонатором. Это бывает в том случае, если нёбная занавеска открывает проход в полость носа: ср. звуки *м, н*, которые, поэтому, и называются носовыми.

Полость рта 1) служит резонатором; величина и форма этого резонатора видоизменяются в зависимости, главным образом, от положения языка и губ. Чем меньше объем полости рта, тем собственный звук резонатора выше, и наоборот. От этих видоизменений резонатора и зависит различие качества гласных звуков. Если произнести шопотом *и — э — а — о — у*, то легко заметить, что собственный звук резонатора понижается, так как величина резонатора увеличивается.

При произнесении звуков *о* и *у* принимают участие губы,— они вытягиваются и округляются: эти звуки называются лабиализованными (лат. *labium* — „губа“). Звуки, произносимые без такого участия губ, называются нелабиализованными.

Различие в гласных звуках зависит также от положения языка. Язык может подниматься в своей передней части по направлению к переднему твердому нёбу; при этом получаются гласные переднего ряда: *и, э*. Если средняя часть языка поднимается к среднему нёбу (так условно называется граница между передним-твердым и и задним-мягким нёбом),— получаются гласные среднего ряда: *ы*.

При подъеме задней части языка по направлению к заднему-мягкому небу получаются гласные заднего ряда: *а, о, у*. Имеет значение и степень подъема языка; их различают три: верхний подъем (гласные *и, ы, у*), средний подъем (гласные *э, о*)-нижний подъем (гласный *а*). В русском языке есть еще звук среднего ряда среднего подъема, не имеющий особого обозначения в обычном правописании, в фонетической транскрипции (звуковое письмо, употребляющееся для научных целей) принято обозначать этот звук буквой *ъ*. Он звучит, напр., в первых слогах слов: соловéй, головá, дорогóй и близок на слух к звуку *ы*.

Деление гласных звуков на три ряда и три подъема условно. Могут быть гласные и более и менее передние, средние или задние, а также более или менее верхние, средние или нижние. Так и в русском языке есть звук передне-среднего ряда среднего подъема, который принято обозначать буквой *ь* (в обычном правописании он тоже не обозначается). Этот звук произносится, напр., в первом слоге слов — деловóй, рядовóй, пятачéк.

От различий в форме полости рта зависит также твердость и мягкость согласных. Если, при произнесении какого-нибудь согласного звука, передняя часть языка приподнимается по направлению к переднему твердому нёбу (занимает положение, необходимое для произнесения гласных переднего ряда), то получается оттенок, который обыкновенно называется мягкостью согласного; в противном случае согласные называются твердыми. Ясно, что различие в мягкости и твердости согласных является различием в высоте собственного звука резонатора: при произнесении мягких согласных он выше, при произнесении твердых—ниже. Ср., напр., *мять* и *мать*, *вёл* и *вол*, *нёс* и *нос*. Различие между парами приведенных слов только в твердости и мягкости начальных согласных. Если, как это принято, обозначить мягкость черточкой над согласной буквой, то первые из приведенных слов, с мягкими согласными, примут такой вид: *мя́ть, вёл, нёс*.

2) В полости рта, кроме того, образуются *преграды*, преодолевая которые выдыхаемый воздух производит шумы; они-то и являются согласными звуками.

В школьных учебниках обычно проводится взгляд, будто отличительный признак гласных звуков — присутствие голоса. Достаточно заговорить шепотом, чтобы убедиться в неправильности этого взгляда: голоса не будет, а различие между гласными и согласными останется. Кроме того, как мы убедились выше, голос участвует и в произношении многих согласных звуков. Физиологическое раз-

личие между гласными и согласными заключается в том, что при произнесении согласных создаются преграды, преодолеваемые выдыхаемым воздухом, а при произнесении гласных звуков таких преград нет [1]).

Преграды в полости рта бывают двоякого рода: 1) в виде *смыкнутых* органов речи, которые выдыхаемый воздух разрывает,— так происходят взрывные (или смычные) согласные, напр., *п*, *б*, *т*, *д*; 2) в виде тесно сближенных органов речи, о края которых происходит трение выдыхаемого воздуха; так получаются фрикативные согласные (от лат. fricare —„тереть“), напр., *с*, *з*, *ш*, *ж* [2]).

В зависимости от *места* преграды согласные подразделяются на

1. *Губные*, а именно губно-губные (смыкание губ), напр., *п*, *б*, *м* и губно-зубные (сближение нижней губы и верхних зубов), напр., *ф*, *в*.

2. *Зубные* (смыкание или сближение кончика языка и зубов), напр., *т*, *д*, *н*, *с*, *з*, *ш*, *ж*.

3. *Задне-нёбные* (смыкание или сближение задней части языка и заднего-мягкого нёба), напр., *к*, *г*, *х* в словах карта, город, хата. В редких случаях (в словах церковного происхождения) встречается в русском литературном языке задне-нёбный, фрикативный, *звонкий* согласный звук, не имеющий особого обозначения в обычном правописании (в фонетической транскрипции обозначается латинской буквой *h*), напр., в слове благодать.

4. *Средне-нёбные* (смыкание и сближение средней части языка и „среднего нёба“,— о котором см. выше, 6 стр.). Средне-небные согласные акустически близки к задне-небным и в обычной орфографии особого обозначения не имеют. В фонетической транскрипции их отличают полукружками над теми же знаками: $\widehat{к}$, $\widehat{г}$, $\widehat{х}$, (кегля, гиря, хитрый). Средне-небные согласные в русском языке — мягкие. К средне-небным согласным относится также не имеющий особого обозначения в орфографии звук *j* (йот) — фрикативный, звонкий, напр., в словах *ель* (jэ́л), *ёлка* (jо́лка), *я* (ja), *юг* (juk).

---

[1]) Это различие легко заметить, произнося, напр., *а* — *х* — *к* или *о* — *ф* — *п*. При произнесении *а* и *о* преград в полости рта нет; при произнесении *х*, *к*, *ф* и *п* выдыхаемый воздух преодолевает преграды; отчего происходит шум, и составляющий качество этих согласных звуков.

[2]) Есть также *слитные* согласные (аффрикаты), при произнесении которых непосредственно за взрывом следует трение, напр, *ц* (взрыв, как при *т*, и трение, как у *с* — $\widehat{тс}$), *ч* ($\widehat{тш}$).

II. Звуковой состав русского языка.

Исходя из анализа работы органов речи, мы уже познакомились с звуковым составом русского языка: примеры брались исключительно из него. Здесь необходимо рассмотреть этот звуковой состав, как систему, что удобнее всего сделать при помощи таблиц.

Основные деления даны в предыдущем очерке, так что будут понятны без дальнейших разъяснений.

1. Гласные звуки.

Ряды / Подъемы	Нелабиализованные				Лабиализованные		
	Передний	Передне-средний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний . . .	и		ы				у
Средний . . .	э	ь	ъ				о
Нижний . . .				а			

Примеры:

Нелабиализованные гласные: Переднего ряда:

Верхнего подъема (и), напр., *и́го, игла́, изби́рать, го́сти.*

Среднего подъема (э), напр., *э́тот, ре́па, де́нь.*

Передне-среднего ряда, *среднего подъема* (ь): *берегу́, зелене́ть, рябова́тый, во́семь, го́нят.*

Среднего ряда, *верхнего подъема* (ы): *ры́ба, пыла́ю, о́пыт;* *среднего подъема* (ъ): *старове́р, борода́, сделан, бо́роду, по́лный.*

Заднего ряда, *нижнего подъема* (а): *раба́, доро́га, отложи́ть, сло́во.*

Лабиализованные гласные: заднего ряда:

Верхнего подъема (у): *у́хо, уха́, душегре́йка, во́здух;* *среднего подъема* (о): *до́м, сто́л, го́род, ве́л (во́л), не́с (но́с).*

а) Зависимость качества гласных от положения их по отношению к ударению [1]):

Эту зависимость легко усмотреть по приведенным выше примерам. Еще яснее она выступает в следующей таблице. Я беру

[1]) Необходимо также заметить, что и *долгота* гласных звуков в русском языке зависит от положения их по отношению к ударению: под ударением — наиболее долгие гласные, перед ударением—несколько менее долгие, в остальных неударяемых слогах — краткие.

только четыре положения: во втором слоге перед ударением (1), перед ударением (2), под ударением (3), после ударения (4).

Звуки	1.	2.	3.	4.
и.	с*и*ломе́р	с*и*лко́м с*е*ло р*я*бо́й	си́ла	о́си
ы.	с*ы*новья́	с*ы*но́к	сы́н	па́сынок
у.	р*у*кави́ца	р*у*ка́	р*у́*ку	по́др*у*ку
а.	*а*брико́с *о*горо́д	с*а*ды́ д*о*ма́	с*а́*д	ро́з*а* де́л*о*
о.			до́м сё́ла	
э.			л*е́*то д*е́*нь	
ь.	с*е*ноко́з р*я*дово́й			о́с*е*нь ко́с*я*т
ъ.	п*а*рово́з г*о*вори́ть			дум*а*л гор*о*д

Из этой таблицы видно, что только гласные верхнего подъема (*и*, *ы*, *у*) могут быть в любом положении по отношению к ударению. Гласный звук *а* (нижнего подъема) может быть под ударением (са́д- и в предударном слоге (с*а*ды́, д*о*ма́). В предпредударном слоге *а* бывает только в начале слова не после согласной (*а*брико́с, *о*горо́д); в послеударном положении *а* может быть только в конечном *открытом* [1]) слоге (ро́з*а*, де́л*о*). Звуки среднего подъема—*о* и *э* встречаются

[1]) *Открытым* называется слог, оканчивающийся на гласный звук, *закрытым*—на согласный. В двух последних положениях (*а*брико́с, ро́з*а*) звук *а* более переднего образования, чем под ударением и перед ударением, но это я оставляю без обозначения.

в русском литературном языке только под ударением (дóм, дéнь). Звуки ъ и ь (они короче других и, кроме того, произносятся с ослабленным голосом) встречаются только в безударных слогах: в предпредударном (паровоз, сенокос) и в послеударном (гóрод, гóрода, óсень, óсени).

б) Дифтонги.

Чтобы закончить перечисление гласных русского языка, необходимо упомянуть о дифтонгах; для этого необходимо предварительно познакомиться с понятиями — *слог, слоговой* и *неслоговой* звук. *Слог*, это — часть произносимой речи, производимая одним выдыхательным толчком. В слоге, если он состоит не из одного звука, звуки обладают неодинаковой полнозвучностью [1]). Наиболее полнозвучный звук в слоге называется *слоговым*, остальные — *неслоговыми*. Обыкновенно слоговыми бывают гласные звуки, неслоговыми — согласные [2]). Однако слоговыми могут быть и согласные. В русском языке это бывает в быстрой небрежной речи. Я слышал, как кондуктор в трамвае кричал: Дргамúловская застава (=Дорогомиловская). Томсон („Общее языковедение", 220) приводит такие случаи: Ива́-н-на (Ивановна), фса́-м-деле (в самом деле), де́-л-ла (делала), но́-в-ва (нового), ко́-ш-чий (кошачий). В свою очередь, и гласные могут быть неслоговыми. В русском языке есть неслоговое *и* (в обычном письме обозначается через—*й*).

Сочетание слоговой и неслоговой гласных называется *дифтонгом*. В русском языке существуют следующие дифтонги:

ай: ма́*й*, сара́*й*, ла́*йка*, *тайко́м*.
ой: мо́*й*, злó*й*, дальнобо*йный*, зно*йный*.
эй: э́*й*, смеле́*й* (лэ́й), *лейка*, *шейка*.
уй: ду́*й*, бу́*йный*, Валу́*йки*.
ий: Ви́*й*, стихи*йный*, самости*йный*, Би*йск*.
ый; добры*й*, скользки*й*, русски*й*.

---

[1]) Полнозвучность связана с большим или меньшим раскрытием рта: гласные полнозвучнее согласных; из согласных сонорные полнозвучнее шумных; из шумных фрикативные полнозвучнее взрывных; из взрывных звонкие полнозвучнее глухих. Наиболее полнозвучный звук — *а*, наименее полнозвучны шумные глухие взрывные — *к, т, п*.

[2]) Слоговое свойство гласных звуков и неслоговое — согласных не обозначается в фонетической транскрипции. Слоговое свойство согласных обозначается кружком под буквой, напр., р̥ (р—слоговое), н̥ (н—слоговое). Неслоговое свойство гласных обозначается полукругом; напр., и̯ (*и*—неслоговое), у̯ (*у*—неслоговое).

2. Согласные звуки.

		Губные		Зубные		Средне-небные		Задне-небные	
		Глу-хие	Звон-кие	Глу-хие	Звон-кие	Глу-хие	Звон-ние	Глу-хие	Звон-кие
Шумные	Взрывные	п	б	т	д	к͡	г͡	к	г
	Фрикативные	ф	в	с, ш	з, ж [1]	х͡	j	х	h
	Аффрикаты			ц, ч					
Сонорные	Плавные			р, л					
	Носовые	м		н					

Примеры:

Губные согласные: *шумные* взрывные [2], *глухой* (*п*): *па́рус*; *пе́сня*; *звонкий* (б): *бу́ря*, *бе́рег*.

Фрикативные, [3] *глухой* (*ф*): *фа́брика*, *фи́ник*; *звонкий* (в) *во́лны*, *ве́тер*.

Сонорный, *носовой* (*м*): *мо́ре*, *ме́сяц*.

Зубные согласные:

Шумные: взрывные *глухой* (*т*): *топо́р*, *тя́жесть*; *звонкий* (*д*): *дорога*, *дятел*;

фрикативные, *глухие* (*с*, *ш*): *со́лнце*, *се́вер*, *шу́ба*, *ши́ло*, *звонкие* (*з*, *ж*): *за́рево*, *зима́*, *жа́лость*, *жи́знь*;

аффрикаты (*ц*, *ч*): *цыга́н*, *це́пь*, *ча́с*, *чере́муха*.

Сонорные: плавные (р, л): *рулево́й*, *ребе́нок*, *лу́ч*, *ле́бедь*; носовой (н): *наде́жда*, *нива*.

Средне-небные согласные:

Шумные: взрывные, *глухой* (к͡): *ке́др*, *ки́т*, *звонкий* (г͡): *ге́ний*; *ги́бель*;

фрикативные, *глухой* (х͡): *Херсо́н*, *хи́жина*, *звонкий* (j): *е́сть* (jэсть), *ёрш* (jо́рш), *я́ма* (jама), *ю́ноша* (jуноша).

---

[1]) Звуки—*с*, *з*, *ц*, по акустическому впечатлению, называются обыкновенно *свистящими*, а *ш*, *ж*, *ч* — *шипящими*.

[2]) *Губно-губные*. См. выше стр. 8.

[3]) *Губно-зубные*. См. выше. стр. 8.

Задне-небные согласные:

Шумные: взрывные, *глухой* (*к*); кольцо́, куку́шка; *звонкий* (*г*): го́лубь, гу́сли;

фрикативные, *глухой* (х): *х*олм, *ху́*тор; *звонкий* (*h*): благода́ть и в других еще, немногих, церковных словах.

а) Долгие и краткие согласные.

Согласные *сонорные* и *фрикативные* можно произносить с любой длительностью, так как выдыхаемый воздух все время имеет выход. Долгота их обыкновенно обозначается на письме удвоением буквы (в транскрипции — черточкой над буквой, напр., м̄).

Примеры:

Сонорные:

м̄: га*мм*а, су*мм*а, а*мм*иак.
н̄: воен*нн*ый, времен*нн*ый, племя*нн*ик, плен*нн*ик.
р̄: су*рр*огат, и*рр*ациональный, и*рр*игация, те*рр*итория.
л̄: ба*лл*ада, Э*лл*ада, бе*лл*етристика, ми*лл*ион.

Фрикативные:

ф̄ (очень редко): ди*фф*еренциал.
в̄: *вв*одить, *вв*озить, *вв*ерху, *вв*инчивать.
с̄: рас*сс*ада, ка*сс*а, рас*сс*елить, ми*сс*ия.
з̄: бе*зз*аботный, во*ззв*ание, и*ззя*бнуть, ра*ззе*ваться.
ш̄: рас*шш*алиться, *шш*ить, е*шш*е, за*шш*ита [1]).
ж̄: раз*жж*аловать, и*жж*ога, дро*жж*ди, зае*жж*ать.

Долгота взрывных согласных, а также аффрикат состоит в том, что смыкание может длиться довольно долго; между смыканием и взрывом в таком случае бывает остановка. На слух получается впечатление двойного звука.

Примеры:

Взрывные:

п̄: а*пп*арат (случаи очень редки).
б̄: а*бб*а́т (тоже).
т̄; о*тт*ого, бу*дт*о, о*тт*епель, о*тт*иск,
д̄: по*дд*увало, о*дд*ать, по*дд*ержать, по*дд*елка.
к̄: Ревекка, а*кк*лиматизация, э*кк*лезиаст.
г̄: па*кг*ауз, А*гг*ей (очень редко).

---

[1]) В последних двух и в других подобных примерах обыкновенно звучит *ш* долгое мягкое; реже встречается в таких случаях произношение *ш́ч́* (*ш* мягкое, *ч* мягкое): *ш́ч́*астье (счастье), е*ш́ч́*е (еще), за*ш́ч́*ита (защита).

Аффрикаты:

$\overline{ц}$: двад*ц*атый, от*ц*овский, от*ц*едить, под*ц*епить.

$\overline{ч}$: ве*ч*ина, во*ч*им, от*ч*аянный, от*ч*его.

Как видно из приведенных примеров, почти половина из долгих согласных ($\overline{м}$, $\overline{р}$, $\overline{л}$, $\overline{ф}$, $\overline{п}$, $\overline{б}$, $\overline{к}$, $\overline{г}$) встречается только в словах, заимствованных из иностранных языков, в ограниченном количестве случаев.

Вообще долгие согласные встречаются несравненно реже, чем краткие.

б) Твердые и мягкие согласные.

Русский язык отличается большим обилием мягких согласных, при чем мягкость — сильная (кончик языка сильно приподнимается к переднему твердому небу — см. 7 стр.). Почти все согласные могут быть и твердыми и мягкими. Не могут быть мягкими только задне-небные *к*, *г*, *х*, h [1]) и аффриката *ц*: *ц*веты, *ц*ирк, *ц*елковый.

Краткие *ш* и *ж* тоже всегда тверды: *ш*ар, *ш*ум, *ш*ерсть, *ш*ить, *ж*ар, *ж*ук, *ж*есть, *ж*ить. Долгие *ш* и *ж* могут быть и твердыми, напр., низ*ш*ий, рас*ш*ирить, без*ж*алостный, из*ж*арить и мягкими, напр., пи*щ*ий, ме*щ*анство, виз*ж*ать, брюз*ж*ать.

Только мягкие в русском языке средне-небные, напр., *к*енгуру, *к*идать, *г*ерой, *г*ибкий, *х*ерес, *х*ищный, есть (*j*тс́), ёж (*j*ош), яд (*j*ат), южный (*j*у́жнъ̆й), а также аффриката *ч*: *ч*аша, *ч*ума.

в) Звонкие и глухие согласные.

В русском языке слова могут оканчиваться на любой звук — гласный и согласный, кроме согласных шумных звонких. Эти согласные в конце слова изменяются в соответствующие глухие, сравн., губы — гу*б* (произносятся — гу*п*), ро*в*ы — ро*в* (ро*ф*), годы — год (го*т*), козы — ко*з* (ко*с*), ко*ж*и — ко*ж* (ко*ш*), снега — сне*г* (сне́*ж*).

Внутри слова возможны такие сочетания:

1) Шумные звонкие согласные перед гласными, сонорными и шумными звонкими произносятся как звонкие, напр.: разогнать, изменить, подговорить.

2) Звонкие согласные перед глухими изменяются в соответствующие глухие: распилить, истолочь, подкупить (произносится *т*).

3) Глухие согласные перед гласными, сонорными глухими согласными произносятся как глухие: о*т*огнать, о*т*менить о*т*советовать.

---

[1]) Примеры см. стр. 13.

4) Глухие согласные перед звонкими изменяются в соответствующие звонкие: *от*бирать (произн. *д*), *с*делать (произн. *з*).

3. Чередование звуков.

а) Гласных:

Многочисленные чередования гласных связаны с положением их по отношению к ударению (см. стр. 9 и сл.), напр., чередование *о*: *а*: *ъ*: до́м — д*а*ма́ (пишется: дома́) — дъмово́й (домовой); чередование *а*: *ъ*: сат (сад) — съдавот (садово́д); *а* (с предшествующей мягкостью): *и*: *ь*: р́ат (ряд):—р́иды́ (ряды́):—р́ъдово́й (рядово́й); чередование—*э*: *о*: *и*: *ь*: с́э́лскъй (сельский)—с́о́ла (сёла)—с́ило́ (село)—с́ъли́ни́н (селянин), н́ос́ (нёс)—н́ис́у (несу), в́о́сла (вёсла)—в́исло́ (весло) и др.

К чередованию звуков надо отнести также такие случаи, как напр., с*о*н — сна, ог*о*нь — огня, д*е*нь — дня, п*е*нь — пня, кольцо́ (произносится к а л́ ц о́) — кол*е*ц и др., в которых гласные *о* и *э* в одних образованиях есть, а в других—нет.

Упомяну еще чередование *у*: *ов* [1]): пир*у*ю—пир*ов*ать, торг*у*ю—торг*ов*ать; чередование *у* (с предшествующей мягкостью): *эв* [2]): гор*ю*ю (гар́у́ју) — гор*ев*а́ть (гър*ив*а́ть), плюю (пл́ују́) — плева́ть (пл́ива́ть).

Из всех этих примеров видно, что под чередованием звуков разумеется смена звуков в родственных образованиях.

б) Согласных:

к: *ч*: пе*к*у — пе*ч*ешь, вле*к*у — вле*ч*ешь.
г: *ж*: бе*г*у — бе*ж*ишь, стере*г*у — стере*ж*ешь.
х: *ш*: у*х*а — у*ш*ица, пу*х* — пу*ш*истый.
к: *ц*: смер*к*аться — мер*ц*ать, ли*к* — ли*ц*о.
г: *з*: кня*г*иня — кня*з*ь, дру*г*а — дру*з*ья.
х: *с*: тря*х*нуть — тря*с*ти, стра*х* — стра*с*ти.
с: *ш*: но*с*ить — но*ш*у, ко*с*ить — ко*ш*у.
з: *ж*: ма*з*ать — ма*ж*у, ре*з*ать — ре*ж*у.
ст: *ш́* (щ): го*ст*ить — го*щ*у, пу*ст*ить — пу*щ*у.
зд: *ж́* (зж): громо*зд*ить — громо*зж*у.
п: *пл́*: ко*п*ить — ко*пл*ю, насту*п*ить — насту*пл*ю.
б: *бл́*: ру*б*ить — ру*бл*ю, гу*б*ить — гу*бл*ю.

---

[1]) Собственно—„*ав*“, так как *о* здесь попадает обыкновенно в положение перед ударением; ср., впрочем, торго̀*вля*.

[2]) Точнее „*ив*“: и здесь обыкновенно предударное положение, но ср. кочѐ*вье* (коч*у̀*ю — коч*ева́*ть).

ф: *фл*: граф*и*ть — граф*лю*, потраф*и*ть — потраф*лю*.

в: *вл*: лов*и*ть — лов*лю*, став*и*ть — став*лю*.

т: *ч*: ответ*и*ть — отвеч*ать*, встрет*и*ть — встреч*ать*.

д: *ж*: вод*и*ть — вож*у*, брод*и*ть — брож*у*.

Примечание: Там, где в чередовании с *т* является *щ* (клевет*ать*—клевещ*у*) и с *д* — *жд* (утверд*ить*—утвержд*ать*), эти *щ* и *жд*—происхождения не русского, а церковно-славянского.

Кроме того, чередуются между собою твердые и мягкие согласные, напр., стол — а стал́э́ (о столе), брат — а брат́э (о брате), а также звонкие и глухие: зубы—зуп (пишется зуб), завóды—завóт (завод), нóжек—нóшка (нóжка), лубóк—лупка (лубка).

Все перечисленные чередования весьма различного происхождения и возникли в разные исторические эпохи развития русского языка. В настоящее время они все сосуществуют в русском литературном языке.

Ш. Главнейшие особенности русской орфографии.

В основе русской орфографии лежат три принципа: *фонетический, этимологический* и *традиционный*.

Согласно *фонетическому* принципу, каждый звук должен иметь особое обозначение. Чисто фонетических написаний у нас довольно значительное количество. 1) Точно обозначаются все гласные под ударением, некоторые (*и*, *ы*, *у*, иногда *а*) и без ударения, напр., э́х, о́н, сама́, пили́ть, ды́м, дымо́к, су́хо, сухо́й, сухова́тый. 2) Фонетически изображаются все твердые согласные перед гласными: па́дать, гуса́к, замо́к, рубанок. 3) Фонетически изображаются все конечные согласные, кроме шумных звонких, напр.: нос, рот, мол, ром, бор. 4) Согласно новой орфографии, фонетически обозначаются конечные согласные приставок *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без* и *через* (чрез): перед гласными, сонорными согласными и перед шумными звонкими произносится и пишется *з*: изорвать, возносить, низвести, разбирать, безработный, чрезмерный; перед шумными глухими произносится и пишется *с*: ископаемый, воспитать, нисходить, расколоть, беспокоить, чересполосица.

Этимологический принцип. При написаниях, согласно этому принципу, звуки изображаются в зависимости от их происхождения. Так, вместо *вада* пишется вода́, потому что *а* произошло из *о*. Этот принцип называется также *морфологическим*, так как, благодаря ему,

объединяются на письме формы одного и того же слова, напр., вода и во́ду — в обеих формах пишется *о*, несмотря на различное произношение.

1. Согласно этому принципу изображается большинство неударяемых гласных, при чем одна и та же буква изображает несколько различных звуков, как это видно из следующей таблицы (см. также стр. 9 сл.).

Буквы	Произношение [1]).
а	ста́рый, стари́к, стърика́, и́сстъри
я	пя́т, пи́ти, пъта́чек, запъ́т (копеек)
о	го̀д, гада́, гъдаво́й, по́лгъда
е, ѣ	бѣ́лый, би́лить, бъ́лизна, выбъ́лить нос, нису́, отнъ́сено, вынъ́су

2. Точно так же этимологически обозначаются глухие, произошедшие из звонких, в конце слова и перед глухими (см. стр. 14 сл.): напр., ра*д* (произносится ра*т*), во*з* (во*с*), ро*г* (ро*к*), глазки (гласки), на*д*пись (на*т*пись), ко*г*ти (ко*к*ти [2]).

3. Согласно тому же принципу пишется — *тся* или — *ться* вместо произносимого — *ца*, напр., сме*ется*, деру*тся*, боро*ться*, би*ться*. Фонетическое написание слишком бы отдалило эти формы от родственных, напр.:

моется — моет
моется — моемся
мыться — мыть.

4. Сюда же надо отнести написание ъ в словах женского рода, оканчивающихся на *ш* и *ж*, давно уже отвердевшие (см. стр. 14), напр., мышь (мыш), рожь (рош), а также после *ч*, всегда мягкого, напр., ночь, бестолочь. Здесь, повидимому, оставлен ъ, чтобы не разбивать на письме морфологическую категорию: целый ряд слов женского рода пишется с ъ, который обозначает мягкость, напр., кость, жесть,

[1]) Транскрибирую только соответствующие гласные, в остальном оставляя обычную орфографию.

[2]) Или „ко́хти".

жизнь. По тем же соображениям, вероятно, оставлен ъ после *ч* в неопределенной форме: мочь, печь, влечь (ср. боротъ, знатъ).

К традиционным написаниям надо отнести: 1) Обозначение j вместе с гласными звуками (см. стр 12 и 14), напр., еду = jэду, ёж = jош, язва = jазва, юный = jунъй; после согласных перед этими буквами пишется ъ или ь, а иначе они перестанут обозначать j + гласный звук (см. ниже), напр., съели = сjэ́ли [1]), объем = абjо́м, пьяный = п́jанъй, лью = л́jу.

2) Исторически же сложилось и обозначение мягкости согласных при помощи гласных: буквы *е*, *я*, *ю*, если стоят после согласных, обозначают мягкость предшествующих согласных + гласный звук, напр., *пе*ть = *п̓э̓т*, сёла = с̓ола (но *со*ль), мять = м̓а́т (но *ма*ть), люди = *л̓у̓*ди (но *лу*дить).

3) Такого же характера обозначение мягкости посредством ъ, который обозначал раньше особый звук: бо*ль* (бол́), ко*нь* (кон́), гу*сь* (гус́).

4) По традиции, надо думать, сохранено написание ь после *ш* во 2 лице единственного числа настоящего (и будущего) времени, хотя *ш* — твердое: говори*шь*, думае*шь*, скаже*шь*, удиви*шь*.

Этими особенностями русской орфографии необходимо пользоваться, как при обучении грамоте, так и при обучений орфографии, а именно: начинать с фонетических написаний, в которых нет расхождения правописания с произношением, и потому можно опереться и на зрение и на слух; затем переходить к этимологическим написаниям, где, сопоставляя родственные образования, легко указать основание написания; наконец, обращаться к традиционным написаниям, изучая их как исторически создавшиеся условности.

IV. Образец фонетической транскрипции.

Нъдавра́гъм.

Авра́гбыл глубо́кыглу́х. Иво́ сугли́нкъвыиь ижо́лтыиь ска́ты, паро́шыиь кръснаство́лыми со́снъми, шли́ круты́ми абры́въми, апаса́мъму дну́, пръти́кал клу́ч. Нъдавра́гъм, напра́вынал̓э́ва, стаjа́л сасно́въи л̓э́с,—глухо́и, старъи, зата́нутъи мха́ми и заро́шъи альша́никъм. Ана́вирху́ была́ тижо́лъиь, с̓э́ръиь, ни́скъспусти́фшъиьсь н̓э́ба.

(Бор. Пильняк).

---

[1]) Но сели = *с̓э́ли*.

ГРАММАТИКА.

Понимание грамматики было далеко неодинаково за долгое время существования этой дисциплины. История ее настолько поучительна, что с ней необходимо познакомиться.

Создание грамматики — дело греческих ученых в Александрии. Разработка ее начата Зенодотом (при Птоломее Филадельфе 284—247 г.г. до начала нашей эры), закончена Аполлонием Дисколом и его сыном Геродианом (при Марке Аврелии Антонине 161 — 180 г.г. нашей эры) и охватывает почти четыре с половиной столетия.

Возникла грамматика благодаря чисто практической необходимости. В III веке до начала нашей эры язык поэм Гомера, имевших для греков священное значение, стал им труден для понимания. Необходим был комментарий, для которого потребовалось детальное изучение языка. Из этого изучения и выросла грамматика.

На почве изучения фактов языка между александрийскими учеными возник принципиальный спор. Одни утверждали, что в языке проявляется *правильность* (аналогия), а другие,— что в языке царит *неправильность* (аномалия). В результате этого спора и была установлена первая грамматическая схема: факты языка были разнесены по основным рубрикам. Аналогисты должны были признать, что не все факты языка они могут подвести под свои правила, и на ряду с правилами должны были допустить исключения. Отсюда в школьной грамматике до последнего времени господствовало убеждение, что в грамматике нет правил без исключений; это положение было разрушено только научным языкознанием.

Грамматическая система, выработанная александрийскими грамматиками, впервые целиком изложена в сочинении Дионисия Фракийского [1]). Приведу главнейшие положения этой системы, чтобы наглядно показать, насколько близка к ней наша школьная грамматика.

---

[1]) II в. до начала нашей эры.

Речь разлагается на слова, слова на слоги, слоги на неделимые дальше элементы — буквы [1]).

Буквы делятся на гласные и согласные.

Дальше шло учение об ударении, о долготе, но главное место занимало учение о частях речи. Их насчитывалось восемь: имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие, союз [2]). Римляне, воспринявшие грамматику от александрийцев, взамен члена, которого в латинском языке не было, выделили, как самостоятельную часть речи, междометие.

Части речи определялись таким образом:

1. *Имя* — часть речи, обладающая падежом и обозначающая вещь, напр., камень, или действие, напр., воспитание. Имя может быть общим (нарицательным), напр., лошадь, или личным (частным, собственным), напр., Сократ.

Термины — *существительное* (substantivum) и *прилагательное* (adjectivum) возникли значительно позже — в средние века.

Падежей различали пять: прямой, или именительный и косвенные: родительный, дательный, винительный, звательный. Римляне прибавили еще один падеж, который сначала назвали sextus (шестой), а потом — ablativus (отложительный). Названия locativus (местный) и instrumentalis (орудный, творительный), а также наш предложный — современного происхождения [3]).

2. *Глагол* — часть речи, не имеющая падежей, обладающая временами, лицами, числами и обозначающая действие и состояние.

Кроме того, различаются три залога: действительный, страдательный и средний.

3. *Причастие* — названо так потому, что причастно к свойствам как имени, так и глагола.

4. *Член*. Определения члена Дионисий не дает; он о нем говорит только, что член ставится впереди или после имени и таким образом с членом смешивает и относительное местоимение, которое только и может стоять после имени (в греч. яз.).

5. *Местоимение* — названо так потому, что оно ставится вместо имени. К ним Дионисий причисляет только личные местоимения.

---

[1]) Александрийцы имели дело с письменными памятниками и всегда говорят о буквах, о письменной речи, а не о звуках и устной речи. Само название — „грамматика“ — указывает на это: оно буквально значит — наука о письме.

[2]) Эти русские термины представляют перевод соответствующих латинских, которые, в свою очередь, являются переводом с греческого.

[3]) В имени различали, кроме того, три рода (мужеский, женский и средний) и три числа (единственное, двойственное и множественное).

6. *Предлог* — часть речи, которая ставится впереди, при чем или сливается в сложное слово (по нашей терминологии — приставки) или соединяются с различными падежами имени (собственно предлоги).

7. *Наречие*—несклоняемая [1]) часть речи, относящаяся к глаголу и к нему присоединяющаяся.

8. *Союз* — часть речи, служащая для соединения слов и предложений.

Описание этих частей речи и составляет основную часть грамматики; позднее к этому присоединили синтаксис, но о нем — ниже.

Недостатки этой классификации частей речи бросаются в глаза. Если имя выделяется, как имеющее форму падежа, то к нему надо присоединить и причастие, и член, и местоимение, так как все они имеют форму падежа. К наречию, как „несклоняемой" части речи, надо было бы отнести и предлог, и союз. Однако в основу классификации не положено одного основания деления, а потому части речи выделяются по различным признакам. Эта классификация со всеми ее недостатками до сих пор господствует в наших школьных грамматиках, да и не только в наших, а и на Западе, где давно уже стремятся освободиться от оков классической грамматики, но пока, кажется, безуспешно.

От александрийцев их грамматическая схема была усвоена римлянами, которые внесли в нее очень незначительные изменения. От римлян ее восприняли все другие европейские народы, а от них — мы. Создавалось мнение, что грамматика для всех языков одна: очень мало смущались тем, что язык не укладывался в александрийские схемы. Так, напр., и во французском языке находили те же падежные формы, что и в классических языках, не замечая, что одним именем называют совершенно иное явление. Это мнение еще больше было подкреплено попыткой, сделанной во Франции в конце XVII века, создать общую, философскую, или логическую, грамматику.

Все это время (в средние века и до начала XIX в.) грамматика имела дело, как и в древнее время, исключительно с литературными языками. На грамматику смотрели, как на нормативную науку, задача которой — учить правильно писать и говорить. На народные говоры смотрели, как на искажения литературного языка.

В начале XIX века возникло научное языковедение. Основателем его считается Франц Бопп. Его современниками и сотрудниками были Яков Гримм и Вильгельм фон-Гумбольдт.

---

[1]) Склонением александрийцы называли как изменение имени по падежам, так и изменение глагола по лицам.

Франц Бопп доказал родство индо-европейских языков (санскрит, авестийский, греческий, латинский, германские яз., литовский и славянские яз.).

Это показало, что указанные языки произошли из одного общего языка (индо-европейского праязыка), следовательно, на язык нельзя уже было смотреть, как на неизменяющуюся норму, как на раз навсегда созданное о р у д и е. Гумбольдт установил, что язык — д е я т е л ь н о с т ь, подверженная изменению и развивающаяся во времени. Отсюда следовало: 1) что народные языки — результат закономерного развития, а не какое-то искажение, уродство; 2) что не только для каждого языка, но и для разных периодов одного и того же языка должна быть своя особая грамматика. Фактически это доказал Яков Гримм, написавший и с т о р и ч е с к у ю г р а м м а т и к у немецкого языка. К фактам языка стали относиться, как и к другим фактам природы: их стали изучать индуктивным методом, а не подходить к ним с априорной схемой. По образцу исторической грамматики Я. Гримма стали создаваться исторические грамматики других языков, и мало-по-малу в научном языковедении утвердилось мнение, что научная грамматика какого-нибудь языка может быть только исторической. Против такого взгляда восстал женевский ученый де-Соссюр, доказавший, что установление грамматической системы какого-нибудь языка в определенную эпоху (о п и с а т е л ь н а я г р а м м а т и к а) нисколько не менее важно, чем изучение эволюции языка, за более или менее продолжительный период (и с т о р и ч е с к а я г р а м м а т и к а).

В результате долгого развития все точнее определялся предмет грамматики и отграничивался от смежных дисциплин. С одной стороны, грамматику отделили от таких практических дисциплин, как орфография (правописание) и орфоэпия (правопроизношение), с другой — от фонетики (учение о звуковой стороне языка), как имеющей свой особый предмет — звуки языка. Под грамматикой стали понимать отдел языковедения, задача которого — изучение *форм языка*. Особенно яркими выразителями этой точки зрения у нас является Ф. Ф. Фортунатов, на Западе — де-Соссюр.

Грамматика распадается на два отдела:

1) *Морфологию* — отдел грамматики, изучающий формы отдельных слов, и 2) *синтаксис* — отдел грамматики, изучающий формы сочетаний слов.

I. Морфология.

Итак, задача морфологии — изучение форм отдельных слов. Однако, прежде чем обратиться к выяснению понятия формы слова, необходимо решить, что такое слово.

1. Слово.

„Язык состоит из слов, а слова, это — звуки речи, имеющие значения", — так определяет слово Фортунатов. (Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка, 1919, стр. 6.) Это определение слишком широко: ведь и предложение можно было бы определить как звуки речи, имеющие значение. Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать: слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится удовольствоваться простым указанием или описанием.

Определение Фортунатова описывает одно из свойств, которым обладает слово, а именно: слово представляет единство звуковой стороны и значения. Без звуков не будет слов, одни звуки, без значения, тоже не слова.

Отсюда дальше следует, что слова с одинаковой звуковой стороной и с разным значением — разные слова, как, напр., *рой* (пчел) и *рой* (повелительная форма от *рыть*), *топить* (печку) и *топить* (кого-нибудь в воде) и т. п. Наоборот, слова с различной звуковой стороной и с одинаковым значением — тоже разные слова, напр.: *лысый* и *плешивый, кудрявый* и *курчавый, ковш — корец, языкознание — языковедение — лингвистика, правописание — орфография* и мн. др. Надо, впрочем, заметить, что абсолютного тожества в значении слов почти не бывает: всегда почти бывает различие, хотя бы в эмоциональном тоне, связанном с тем или другим словом.

Выделение слов из связной речи для каждого, изучающего родной язык с детства, происходит незаметно и постепенно, благодаря тому, что одинаковые комплексы звуков, связанные с одним и тем же значением, бесчисленное количество раз повторяются в различных контекстах, напр.:

О т е ц идет гулять.
О т е ц п р и ш е л домой.
Брат п р и ш е л из города.
Волк вышел из леса и т. п.

Таким образом, еще до обучения в школе, ребенок обыкновенно довольно удовлетворительно справляется с делением речи на слова. Помогает этому также то, что многие слова нередко употребляются в речи и отдельно, вне сочетания с другими словами; особенно часто это бывает в ответах на вопросы.

Однако бывают и ошибки в разложении речи на слова. Некоторые из них даже утвердились в нашей речи. Так, напр., говоря

с ним, в нем и т. п., мы *н* относим к местоимению, тогда как оно, собственно, было раньше окончанием предлога. Но, кажется, ошибки эти очень редки.

Итак, к выяснению понятия слова надо подходить чисто опытным путем, используя: 1) наблюдение над целым рядом фраз с одинаковыми словами в различных сочетаниях, 2) ответы на вопросы и 3) наблюдение над письменной речью, где это деление уже проведено.

От слов, как произвольных знаков наших мыслей и чувств, необходимо отличать *междометия* — непроизвольные выражения чувств. Если кто-нибудь ушибся и у него невольно вырвалось восклицание *„ой!“*, это — междометие. Но это же „ой“ может быть употреблено намеренно, напр., в рассказе: „N ушибся и крикнул: „ой!“ Такое „ой“ уже нельзя называть междометием. По терминологии Фортунатова, это — *слово-междометие*.

Слова можно подразделить на *самостоятельные* (полные) и *несамостоятельные* (неполные). Как показывают сами термины, первые — могут употребляться самостоятельно: земля, человек, хороший, знающий, говорю, здесь и т. д.; вторые — употребляются только в сочетании с самостоятельными: они или выражают отношения между словами *(предлоги)*: „мечты *о* славе“, „летать *на* аэроплане“, или служат для соединения слов и словосочетаний (союзы): „война *и* мир“, „один трудится, *а* другой ничего не делает“.

2. Форма слова.

Теоретическая разработка вопроса о *форме слова* — огромная заслуга у нас — Ф. Ф. Фортунатова, на западе — Ф. де-Соссюра, которые, независимо друг от друга, пришли к одинаковым результатам в решении этой трудной проблемы.

Понятие формы слова, обыкновенно, нелегко дается. Его необходимо как можно лучше усвоить, чтобы избежать многих недоразумений, которые довольно часто приходится встречать.

В форме надо отметить два существенных момента:

1) Форма представляет результат психических ассоциаций, которые устанавливаются между словами в сознании говорящего. Так, например, слово *„слепой“*, с одной стороны, ассоциируется со словом *„слепая“*, с другой — с „глухой — глухая“, „злой — злая“ и т. д. Получаются два ряда ассоциаций:

слеп-ой	глух-ой	зл-ой
слеп-ая	глух-ая	зл-ая.

В результате этих ассоциаций в слове *слепой* выделяются две части: „*слеп*“, которая находится и в слове „слепая“, и — „*ой*“, как и в словах „глухой“, „злой“. С частью „*слеп*“ связано самое значение слова, почему она и называется *основой* слова [1]). Часть *ой* вносит в основную часть оттенок, который в данном случае обозначает, что слово „*слепой*“ относится к слову мужского рода (напр., „слепой музыкант“); эта часть называется *формальной* частью или формальной принадлежностью.

После этого будет понятно определение, которое дает форме Ф. Ф. Фортунатов: „Формою отдельных слов в собственном значении этого термина называется способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальною принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью“.

Таким образом, решить, имеет ли то или другое слово форму, значит установить, входит ли оно в двойной ряд ассоциаций, как это указано выше. Так, напр., такие слова, как: „здесь“, „там“, „всегда“, „вчера“ и т. п., лишены подобных ассоциаций и, следовательно, формы не имеют.

То, что форма существует именно благодаря ассоциациям, приводящим в соотношение различные образования, доказывает также то, что формальные принадлежности могут быть не только *положительными*, как это было в приведенном выше примере, но и *отрицательными*: само отсутствие формальной принадлежности является формальной принадлежностью.

Так, напр., в случаях — стрелы стены репы,
стрел стен реп,

несмотря на отсутствие формальных принадлежностей, *стрел, стен, реп* мы понимаем, как формы родительного падежа множ. числа, только благодаря ассоциации с *стрелы, стены, репы* и другими подобными образованиями.

Точно так же, не „*столы*“ выражает множественное число, а соотношение „стол — столы“. Не будь этого соотношения, о форме числа мы не могли бы говорить, как, напр., в словах — *щипцы, сани, ворота, уста*.

Интересно также отметить особенность, присущую не только русскому языку, но и другим индо-европейским языкам, что с одной

---

[1]) Или *основной принадлежностью* слова.

и той же формальной принадлежностью может ассоциироваться несколько значений. В зависимости от соотношений, в которые приводятся формы, выделяется то одно значение, то другое. Так, напр., если „*столы*“ мы сопоставим со „*стол*“, то *ы* выделится, как формальная принадлежность, обозначающая множественное число; если же сопоставим „столы — столов“, *ы* будет обозначать именительный падеж.

Ср. также слепой, слепая } „-ой“ обозначает мужеский род.

слепой, слепого } „-ой“ обозначает именительный падеж.

слепой, слепые } „-ой“ обозначает единственное число

2) Форма, как и отдельное слово (см. выше), представляет единство звуковой стороны и значения. Одни звуковые различия не составляют формы. Так, напр., *женою—женой, мною—мной, тобою—тобой*, или *чтобы—чтоб*, в которых с звуковыми различиями не связано различий в значении, понимаются, как звуковые варианты одной и той же формы. С другой стороны, и одни различия в значении также не составляют формы. Так, в слове *слепой*, как мы видели, с формальной принадлежностью *ой* связано несколько значений, но все-таки это — одна форма: о ней можно сказать, что она *функционирует* (употребляется) в нескольких значениях. То, что форма имеет несколько *функций*, это обычное явление; точно так же и слово, обыкновенно, имеет несколько значений.

3. Способы образования форм слов в русском языке.

В русском языке формы слов образуются двумя способами: 1) при помощи *аффиксов* и 2) посредством *флексии основ*.

Под *аффиксами* разумеются такие формальные принадлежности, которые присоединяются к основе сзади (*суффиксы*) или впереди (*префиксы, приставки*).

Суффиксы:	нес-*у*	вед-*у*	вез-*у*
	нес-*ешь*	вед-*ешь*	вез-*ешь*
	стол-*ик*	дом-*ик*	воз-*ик*
	стол	дом	воз
Префиксы:	*по*-несу	*по*-веду	*по*-везу
	несу	веду	везу.

Какое же отличие от аффиксов? ?

Под *флексией основы* понимается изменение части звукового состава основы, имеющее формальное значение. В русском языке, как и в других индо-европейских языках, формы слов не могут образовываться только при помощи флексии основы: флексия основы всегда сопровождается и аффиксом. Так, например, в „хóдит-хáживает, нóсит-нáшивает, вóдит-вáживает“ чередование *о:а* связано с обозначением повторности (кратности, многократности) действия в словах: хаживает, нашивает, важивает; но для обозначения того же оттенка служит и аффикс—*ива* [1]).

Еще примеры (даю их в транскрипции):

в́исл-о́	р́ибр-о́	с́ил-о́	с́идл-о́	гн́изд-о́
в́осл-а	р́обр-а.	с́ол-а	с́одл-а	гн́озд-а

Здесь форма числа образована чередованием *и*: *о*, а также аффиксами—*о* (в ед. ч.) и—*а* (во мн. ч.).

Теми же аффиксами, но иным чередованием гласных (*а* : *о*) образуется форма числа в таких случаях:

акн-о́	кал́ц-о́
о́кн-а	ко́л́ц-а.

Часто говорят даже *пал́то́*:*по́л́та*, хотя *пальто* — иностранное слово, и его принято в литературной речи не склонять.

4. Формы словоизменения и формы словообразования.

Эти термины принадлежат Ф. Ф. Фортунатову, а потому лучше всего начать с определений, которые он сам им дает:

„Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами *словоизменения*“.

„Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами *словообразования*“.

Другими словами, формы *словоизменения* служат для выражения, отношений между словами. Так, в примере „*слепой* музыкант“ мы уже видели, что форма „*слепой*“ показывает, что это слово относится к слову мужеского рода, единственного числа, именительного падежа;

---

[1]) В 1 лице единств. числа, где *о* перед ударением изменилось в *а*, этого чередования нет, и форма образуется исключительно аффиксом — *ива*: хажу́—хаж*ива*ю, нашу́:—на́ш*ива*ю, важу́—ва́ж*ива*ю.

в примере „(он купил) *гнедую* лошадь“ — форма „*гнедую*“ показывает, что это слово относится к слову женского рода, единственного числа, винительного падежа [1]).

Формы *словообразования*, как показывает сам термин, служат для образования новых слов. Так, напр., в случаях „дом — дом*ок*, голос — голос*ок*, огонь — огон*ёк* (аганок)“ формальная принадлежность словообразования, суффикс — *ок*, служит для образования уменьшительных слов; в случаях „учить — учи*тель*, строить — строи*тель*, писать — писа*тель*“ суффикс — *тель* служит для образования слов, обозначающих действующих лиц.

Основа с формальными принадлежностями словообразования называется *производной* основой; основа без формальных принадлежностей словообразования называется *непроизводной* или *простой* основой [2]). Напр., в словах „коров - ушк - а“, „трав - ушк - а“ (ср. коров-а, трав - а) — „коров-“, „трав-“ — непроизводные основы, „коров-ушк-“ „трав - ушк-“ — производные основы. Таким образом, при помощи формальных принадлежностей словообразования образуются производные основы, поэтому их называют также формальными принадлежностями *основообразования*, и вместо форм словообразования употребляют термин *формы основообразования*.

При решении вопроса относительно того, производна та или другая основа или непроизводна, необходимо принимать во внимание эпоху, с точки зрения которой производится анализ основы. Так, например, в случаях:

голов - к - а трав - к - а берез - к - а ям - к - а
голов - а трав - а берез - а ям - а

для современного сознания ясно выделяется суффикс *-к-*, образующий производную основу с значением уменьшительности. Наоборот, в слове *палка* — „*к*“ уже не выделяется как подобный суффикс, так как нет соответствующих образований без „к“: для современного сознания *палк* — основа непроизводная. Для более ранней эпохи это было не так: как показывают другие славянские языки (польск *pala* „дубина“), непроизводной когда-то была основа *пал-*, от которой уже образована производная *палк-*, которая в наше время стала уже непроизводной, благодаря исчезновению других образований. То же можно сказать о слове *галк - а*.

---

[1]) *Формы словоизменения* называют также *флексиями слов* (не смешивать с *флексией основ*!). О формах словоизменения *другого рода* см. ниже стр. 46 сл.

[2]) Непроизводные основы часто называют еще *корнями*, но я не употребляю этого термина, в виду многих недоразумений, которые с ним связаны.

Не выделяется суффикс *ец* в словах *отец, конец*; для второго слова хотя и существует родственное слово без этого суффикса — „*кон*“, но значение слов „*кон*“ и „*конец*“ настолько изменилось, что связь между этими словами уже не сознается.

Школьная грамматика делала формальный анализ слов, не считаясь с эпохой. Понимание формы, как результата ассоциаций, существующих в сознании говорящих, требует, чтобы при подобном анализе принималась во внимание эпоха, в которую те или другие соотношения были живы. Для нашей эпохи многие суффиксы, бывшие раньше живыми, стали мертвыми.

5. Формы словоизменения.

В русском языке следующие формы словоизменения: формы падежа, рода и лица.

Я не определяю, что такое падеж, род и лицо. Это — понятия простые. Для знакомства с ними необходимо исходить из текста [1]), в котором следует указать их. Так поступает, напр., Пешковский („Наш язык“, вып. 2-ой). Так поступали с самого начала изучения грамматики, т.-е. указывали, а не определяли, и иного способа знакомства с этими понятиями нет, как и с другими простыми понятиями (напр., „белый цвет“).

Если в основу классификации слов русского языка положить формы словоизменения, то классификация эта представится в таком виде:

А. Слова, имеющие формы словоизменения [2]):

1. *Слова имеющие форму падежа* ,напр., Сократ, Москва, человек, город, желание.

2. *Слова, имеющие форму рода* [3]), напр., хорош, хороша, хорошо, хороший, хорошая, хорошее, был, была, было, былой, былая, былое, умирающий-ая-ое, ходивший-ая-ое.

3. *Слова, имеющие форму лица*, напр., пишу, говорю.

Б. Слова, не имеющие форм словоизменения, напр., там, вчера, давно, молча, сидя, молчать, сидеть.

---

1) Или из устной речи.

2) Эти слова можно называть соответственно: *падежные слова, родовые слова, личные слова.*

3) Родовые слова делятся на две группы: а) слова, имеющие только форму рода; хорош-а-о, привязан-а-о, был-а-о, б) слова, имеющие форму рода и падежа: хороший-ая-ое, и *хорошего, хорошей* и т. д., былой-ая-ое и *былого былой* и т. д, о падеже родовых слов см. ниже.

Если принять во внимание деление слов на самостоятельные и несамостоятельные (см. выше), то можно составить такую таблицу:

	Слова, имеющие формы словоизменения.			Слова, не имеющие форм словоизменения.
	Падежные слова.	Родовые слова.	Личные слова.	
Самостоятельные	дом краснота хождение болезнь пять я, ты кто лето	а) добр ходил брошен б) храбрый бегающий спящий первый этот который	говорю лежу	нынче нет, да домой поздно лучше говоря говорить смеркается ах, увы кенгуру моно
Несамостоятельн.		был [1])	буду [1])	на, с, под и, но, а то, вот есть [1]) не

6. Классификация слов по значению.

Как показывают приведенные примеры, к каждому из классов принадлежат слова с различными значениями.

Так, *падежные слова* могут обозначать:

1) *Предметы*: стол, дом, собака, мальчик.

2) *Качество в отвлечении от предмета*: белизна, доброта.

3) *Действие в отвлечении от предмета*: хождение, беготня.

4) *Состояние в отвлечении от предмета*: сон, болезнь.

5) *Количество*: пять, десять, сто, тысяча, множество.

6) *Предмет в отношении к речи*: я — первое лицо речи, ты — второе лицо речи, он — третье лицо речи.

---

[1]) Слова „был“, „буду“, „есть“ являются несамостоятельными в том случае, когда они служат „связкой“: „брат *был* болен“, „я *буду* счастлив“, „воля *есть* нравственная сила каждого существа“; *есть* в таком употреблении встречается очень редко, пример взят из Лермонтова („Вадим“).

7) *Вопросительные слова*: кто? что?

8) *Относительные слова*: содержащие указания на те или другие слова в речи: кто, что.

9) *Временные понятия*: осень, зима, год, день.

Родовые слова обозначают:

1) *Качество, как присущее какому-нибудь предмету*: добр, добрый, храбрый, белый.

2) *Действие, как производящееся каким-нибудь предметом*: говорящий, бегающий, делавший.

3) *Состояние, как присущее какому-нибудь предмету*: спящий, лежащий.

4) *Порядок предметов*: первый, второй, третий.

5) *Отношение к речи*: этот, тот, здешний [1]).

6) *Вопросительные слова*: который? какой? чей?

7) *Относительные слова*: который, какой, чей.

Личные слова обозначают:

1) *Действие, как совершаемое определенным лицом речи*: говорю, пишешь, бегают.

2) *Состояние*, в котором находится определенное лицо речи: спишь, сидит, болеем.

7. Части речи школьных грамматик.

Школьные части речи, как мы уже видели, восходят к александрийским грамматикам и разделяют основной недостаток александрийской схемы; в основание классификации положено несколько принципов деления. Но школьная грамматика сделала еще шаг назад по сравнению с александрийцами. У александрийцев *имя* прежде всего падежное слово — формальный признак на первом месте, и оно обозначает не только предмет („камень“), но и действие („воспитание“). На первом же месте формальные признаки и в определении глагола (см. выше). В нашей школьной грамматике части речи определяются главным образом *по значению*. *Имя существительное* — часть речи, обозначающая предмет, и „воспитание“ будет предметом так же, как и „белизна“, „сон“ и т. д. *Имя прилагательное* — часть речи, обозначающая качество; *имя числительное*, — совсем не выделившееся в особый разряд александрийцами, — часть речи, обозначающая количество или порядок предметов; *глагол* — часть речи, обозначающая действие или состояние. Мы видели, что действие и состояние могут

---

[1]) Эти слова обозначают: „находящийся в определенном отношении к лицу говорящему“.

обозначать не только личные слова, но и родовые и падежные; качество обозначают и родовые слова и падежные.

Местоимение определяется, как часть речи, замещающая имя существительное или имя прилагательное. Здесь меняется принцип классификации: местоимения выделяются не по их значению, а по употреблению в речи, и употребление это описывается совершенно неверно. Те слова, которые называются местоимениями, совсем ничего не заменяют, а играют в речи особую роль. Все они объединяются тем, что выражают различные отношения, существующие в речи, а именно: или предмет в отношении к речи (я, ты, он), или само это отношение: „*этот*“—находящийся в известном отношении к лицу говорящему, обыкновенно, более близкий к нему; „*тот*“—более отдаленный по отношению к лицу говорящему и т. д.

Наречие—часть речи, служащая в предложении обстоятельством (места, времени и т. д.). Опять новый принцип—„употребление в предложении“.

По тому же принципу определяются *предлог* и *союз*.

Как особая часть речи выделяется также *междометие*, определяемое по значению, при чем различие между междометиями и словами-междометиями (см. выше) игнорируется.

Сбивчивость классификации часто приводила к путанице: слово „красnота“, напр., легко могло быть отнесено к прилагательным, так как обозначает качество, а „беготня“—к глаголам,—обозначает действие. В помощь неудовлетворительным определениям приходилось привлекать *вопросы*, за которыми крылись недостающие в определениях—формальные признаки; но и это средство—мало надежное, так как на один и тот же вопрос может быть несколько ответов. В конце концов, приходилось заучивать не только вопросы, но и ответы на них. Из грамматики получался катехизис, который лучше всего было вызубрить наизусть, но еще полезнее не учить совсем; результат бывал одинаковый: забвение за ненадобностью.

Если мы сравним школьные части речи с данной выше формальной классификацией слов, то увидим следующее: 1) в *падежные* слова попали школьные *существительные*, часть *числительных* и *местоимений*—признак один: все эти слова имеют форму падежа; 2) в *родовые* слова попали—*прилагательные*, *часть числительных*, *глаголов* (прошедшее время, причастия), *часть местоимений*—все слова, имеющие форму рода; 3) в *личные* слова—глагол, имеющий личную форму; 4) в *слова, не имеющие форм словоизменения*, попали наречия, часть глагола (деепричастие, неопределенная форма), слова-междометия, часть существительных (какаду, какао), предлоги, союзы,—все они не имеют форм словоизменения. Классификация эта настолько строго

последовательна и проста, что никого затруднить не может. Кроме того, она — естественна: в основу ее положен один существенный признак — формы словоизменения; она отражает действительно существующие в языке соотношения, а не навязывает языку схем, заимствованных из чуждых источников.

8. Падежные слова.

Род. Падежные слова бывают *мужского, женского* и *среднего* рода. Это — старинное наследие, сохранившееся в русском языке. Уже с давних пор утратились постоянные формальные признаки, характеризующие тот или другой род. В русском языке таких формальных признаков сохранилось еще меньше; род узнается большею частью, благодаря сочетанию падежных слов с родовыми. Однако можно все-таки установить довольно большие группы слов, принадлежащих к одному роду, исходя из именительного падежа единственного числа.

1. К *мужескому* роду относится большинство слов, оканчивающихся на твердую согласную: *стол, дом, нож*, но *рожь, мышь* [1]) и др., хотя и оканчиваются на твердую согласную, — женского рода.

2. К *женскому* роду относится большинство слов, оканчивающихся на — *а*: зима́, сла́ва, земля́. Однако: 1) мужчина, судья — мужеского рода (вообще названия лиц мужеского пола) [2]); 2) многие слова среднего рода, у которых ударение не падает на конец слова, тоже оканчиваются на — *а*: слово (произносятся сло́ва), дело (де́ла). Слова женского рода, у которых основа оканчивается на мягкую согласную и окончание безударное, тоже совпали, по произношению окончания, с соответствующими словами среднего рода, напр., *воля* [3]) — ж. р. (произносится во́ль и *поле* — ср. р. (по́ль). На этой почве происходят смешения; так, не раз приходилось слышать „моё (а не *моя*) фамилия“ (фами́лиjь).

3. К *среднему* роду относятся слова, оканчивающиеся на — *о* и — *е*: окно́, бытие́. Мы уже видели, что без ударения эти — о и — е соответственно изменяются в — *а* и — *ъ* и совпадают, по окончанию, со словами женского рода.

На мягкую согласную могут оканчиваться слова и мужеского, и женского рода: конь, путь — м. р., кость, соль — ж. р.

Эти факты показывают, что *род* падежных слов — категория не живая; она все больше и больше исчезает; в некоторых народных

[1]) Относительно написания этих слов см. выше, стр. 17.
[2]) Дитя — среднего рода.
[3]) Имя, время — среднего рода.

говорах уже исчезла категория среднего рода. Так, в некоторых местах Рязанской губ. говорят: „мой пологенец“ или „моя окно“ и т. п., т.-е. слова среднего рода перешли в категорию мужеского или женского рода. В литературном языке категория рода находит большую поддержку в письме.

Надо еще заметить, что все падежные слова принадлежат к какому-нибудь роду, кроме слов, обозначающих количество (*пять, шесть*, но *тысяча* — ж. р.), предмет в отношении к речи (*я, ты*) и слов вопросительных и относительных (кто, что).

Число. Если мы построим ряды ассоциаций:

зверь голубь гусь груздь
звери голуби гуси грузди,

то увидим, что с выделяющимися при этом формальными принадлежностями — отрицательной (звэ̀р) и положительной (звэ̀р-*и*) — связано значение единичности и множественности. Эта форма носит названия числа — единственного и множественного; ее надо причислить к формам словообразования, так как она не обозначает отношения между словами, а служит для образования слов, выражающих различные понятия: *сноп* — один предмет, *снопы* — много однородных предметов.

Есть падежные слова и не имеющие формы числа, т.-е. не входящие в ассоциации, подобные вышеупомянутым, и не выделяющие поэтому соответствующих формальных принадлежностей.

Сюда относятся 1) слова, обозначающие:

а) единичные предметы („собственные имена“): Москва, Волга,

б) *совокупность предметов* („собирательные имена“): листва, хворост,

в) *такие вещества, как*: молоко, золото, железо,

г) *качества*: краснота, белизна,

д) *действия*: ходьба, стирка [1]);

2) а также следующие слова: брюки, помочи; сани, дрожки, салазки; щипцы, ножницы, очки; сливки, отруби; горелки, прятки, жмурки; похороны, крестины, поминки, именины; ворота, уста.

Первая группа слов сходна, по окончаниям, со словами единственного числа (Москва — лип*а*, хворост — дуб, молоко — ведро), а вторая — со словами множественного числа (щипцы — столы, ворота — окна), поэтому о первых принято говорить, как о словах, имеющих только единственное число, а о вторых, как о словах, имеющих только множественное число. На самом деле, эти слова формы числа не имеют.

---

[1]) Не имеют формы числа также слова, обозначающие количество, напр. пять, сорок, сто.

Падежи. Из падежей именительный отличается от других тем, что к нему обыкновенно присоединяются другие слова, формы которых выражают отношение к слову в именительном падеже: *птица летает, солнце сияло, погода хороша, умирающий гладиатор.* Слова в именительном падеже очень часто употребляются вне сочетания с другими словами: ср. многочисленные заглавия произведений: „Парус", „Рудин", „Бесы". Только в одном случае именительный падеж служит для выражения отношения между словами, а именно, когда отношение между падежными словами выражено тем, что оба слова стоят в одинаковых падежах, напр., „*Осетин-извозчик* неутомимо погонял лошадей"... „Эти *господа-всезнайки* встречаются иногда"... Другие падежные формы употребляются исключительно для выражения отношения к другим словам, в сочетании с которыми они обыкновенно и встречаются. В разговорной речи, в ответах на вопросы, эти формы употребляются и отдельно: слова, с которыми они связаны, даны в речи другого лица. Вот два примера из Достоевского („Идиот"):

„А знаешь, что этот Ганька, или эта Варька ее в сношения с Настасьей Филипповной поставили?

— К о г о?! — воскликнул князь.

— А г л а ю".

„Экая прелесть какая! — воскликнула генеральша в истинном упоении, только что кончилось чтение: — чьи стихи?

— Пушкина, maman, не стыдите нас, это совестно! — воскликнула Аделаида".

Одна из падежных форм может выражать отношение к другим словам только вместе с предлогами, поэтому ее называют предложной — *предложный падеж*: „разговаривать *о погоде*".

Звательная форма стоит вне *связи* с другими словами предложения и не является падежной формой. По звуковому виду она совпадает с именительным падежом, отличаясь от него только интонацией, напр.: „*Ваня* идет гулять" (имен. пад.) и *Ваня*, иди гулять!" (звательная форма).

Совокупность падежных форм какого-нибудь слова составляет его *склонение.* Классифицируются склонения по родам: склонение слов 1) мужского (стол), 2) женского (рыба) и 3) среднего рода (окно). Каждое из этих склонений подразделяется на твердое и мягкое в зависимости от конечной согласной основы — твердой и мягкой (напр., стол — зверь). В словах мужского рода надо выделить слова с основами на твердые шипящие (ср., напр., стол—стол*ов*, но муж—муж*ей*). [1])

[1]) С орфографической точки зрения можно выделять эти основы и в словах женского рода (ср. стена—стен*ы* и груша—груш*и*, лужа—луж*и*, как и в муж. роде стол — стол*ы*, но нож — нож*и*).

В твердом склонении всех родов надо выделить еще слова с основами на *к*, *г*, *х*, ср., напр.: столы, но волки, налоги, слухи; стены, но руки, ноги, снохи; окна, но лыки.

К этим разрядам надо присоединить: 4) склонение слова *путь* (муж. р.), слов женского рода (кость, дверь, мышь) и слов, обозначающих количество (пять, десять); 5) склонение слов среднего рода (имя, дитя).

Эту классификацию склонений можно представить в следующей таблице:

Мужеский		Женский		Средний род	
твердое	мягкое	твердое	мягкое	твердое	мягкое склонение
1. стол	зверь	2. рыба	земля	3. окно	копье
	4. путь		дверь (пять)		5. имя дитя

Не во всех склонениях существует одинаковое количество падежных форм. Так, в словах, мужеского рода винительный падеж совпал или с именительным (в словах, обозначающих *неодушевленные* предметы), или с родительным (в словах, обозначающих *одушевленные* предметы), напр., „*стол* стоит“ и „я вижу *стол*“, „шкура зверя“ и „я вижу зверя“ [1]). В этих случаях одна форма употребляется в значении двух падежей, которые можно различить только по аналогии тех слов, в которых эти падежные формы различаются (склонение женского рода на — *а*), напр.: „*табуретка* стоит“ и „я вижу *табуретку*“, „шкура *лисы*“ и „я вижу *лису*“.

Во множественном числе и в женском роде существует одна форма именительно-винительного (стены, земли) или родительно-винительного падежей (женщин, пять).

В единственном числе женского рода (на — *а*) форма дательного падежа совпала с формой предложного (дательно-предложный падеж), напр., рыбе, земле, но ср. в мужеском роде: столу (дат.) и столе (предложный).

В среднем роде во всех числах одна форма для именительного и винительного падежа (Именительно-винительный падеж): *окно*, *копье*, *имя*, *дитя* (но во мн. от дитя — род.-вин. *детей*).

В некоторых словах мужеского рода в форме единств. числа на—*у* (без ударения) совпали две формы—родительного падежа, напр., „много

---

[1]) Приходится говорить не о двух падежных формах, а об одной: именительно-винительный падеж (стол) и родительно-винительный падеж (зверя).

снегу“, „фунт *чаю*“ (ср. много золы, фунт рыбы) и дательного падежа, напр., „я рад *снегу* (*чаю*)“; но „*рыбе*“.

В тех же словах форма на — *у* с ударением выделяется как особый падеж, который лучше всего, по его значению, назвать местным, ср., напр., быть *в лесу́*, стоять на снегу́, но говорить о лесе (о снеге). [1]) Обыкновенно и этот падеж называют предложным, так как он употребляется только с предлогами.

В единственном числе слова — „путь“ и слов женского рода, оканчивающихся на мягкую согласную (дверь), а также слов, обозначающих количество (пять), сохранилось только три падежных формы: *И.-В.* — „путь“, „дверь“, „пять“, *Р.-Д.-П.* — „пути“, „двери“, „пяти“, Твор. — „путем“, „дверью“, „пятью“.

Слова „сорок“ и „сто“ имеют только две падежных формы — „сорок — сорока“, „сто — ста“.

В единственном числе часто выделяется меньше падежных форм, чем во множественном, напр., в слове „путь“ — *в ед. ч.* — три падежных формы, а во *мн. ч.* — пять: „пути, путей, путям, путями, путях“. В виду этого и других (см. о словах ж. р. на — *а*, стр. 36 сл.) различий между единственным и множественным числом, оба числа лучше рассматривать отдельно, лишь позднее приводя в связь.

При выделении падежных окончаний необходимо принять во внимание ударение. Выделять их надо, сначала, у слов с ударяемыми окончаниями, а потом уже переходить к словам с неударяемыми окончаниями, сопоставляя, затем, вторые с первыми. Привожу примеры.

Склонение мужеского рода.

Твердое.

	Ударение на окончании	*Ударение на основе*
Ед. ч. И.-В.	стол	спо́р
Р.	стол-а́	спо́р-а
Д.	стол-у́	спо́р-у
Т.	стол-о́м	спо́р-ом (-ъм) [2])
П.	стол-е́ [3])	спо́р-е (-р́-ь)

---

[1]) С другой стороны: ср.: „стоять на *столе*“ и „говорить о *столе*“.

[2]) В скобках даю транскрипцию или одного окончания или окончания с предшествующей согласной. Транскрибируются только те окончания, у которых правописание расходится с произношением.

[3]) Надо обратить внимание на чередование твердых и мягких согласных в словах *стол* — *стол-э*, *спор* — *спор-ь*.

Мн. ч. И.-В.	стол-ы́	спо́р-ы
Р.	стол-о́в (-оф)	спо́р-ов (ъф)
Д.	стол-а́м	спо́р-ам (-ъм)
Т.	стол-а́ми	спо́р-ами (-ъми)
П.	стол-а́х	спо́р-ах (-ъх)

Мягкое.

Ед. ч. И.-В.	кремéнь	пáхарь
Р.	кремн-я́ (-н'-а)	пáхар'-я (-р'-ь)
Д.	кремн-ю́ (-н'-у)	пáхар'-ю (-р'-у)
Т.	кремн-éм (-н'-óм)	пáхар'-ем (-р'-ьм)
П.	кремн-é (-н'-э)	пáхар'-е (-р'-ь)
Мн. ч. И.-В.	кремн-и́	пáхар-и
Р.	кремн-éй (-н'-эй)	пáхар'-ей (-р'-ьй)
Д.	кремн-я́м (-н'-а́м)	пáхар'-ям (-р'-ьм)
Т.	кремн-я́ми (-н'-а́ми)	пáхар'-ями (-р'-ьми)
П.	кремн-я́х (-н'-ах)	пáхар'-ях (-р'-ьх)

Склонение женского рода.

Твердое.

Ед. ч. И.	черт-á	ли́п-а
Р.	черт-ы́	ли́п-ы
Д.-П.	черт-é (т'-э)	ли́п-е (-п'-ь)
В.	черт-ý	ли́п-у
Т.	черт-óй	ли́п-ой (-ъй)
Мн. ч. И.-В.	черт-ы́	ли́п-ы
Р.	чéрт	ли́п
Д.	черт-á́м	ли́п-ам (ъм)
Т.	черт-á́ми	ли́п-ами (-ъми)
П.	черт-á́х	ли́п-ах (ъх)

Мягкое.

Ед. ч. И.-В.	стать-я́ (-j-а)	пу́л'-я (-л'-ь)
Р.	стать-и́ (-j-и́)	пу́л'-и
Д.-П.	стать-é (-j-э)	пу́л'-е (-л'-ь)
В.	стать-ю́ (-j-у)	пу́л'-ю (-л'-у)
Т.	стать-éй (-j-óй)	пу́л'-ей (-л'-ьй)

Мн. ч. И.-В	стать-и́ (-j-и́)	пу́л-и
Р.	стате́й [1])	пу́ль
Д.	стать-я́м (-j-а́м)	пул-я́м (-л́-ьм)
Т.	стать-я́ми (-j-а́ми)	пул-я́ми (-л́-ьми)
П.	стать-я́х (-j-а́х)	пул-я́х (-л́-ьх)

Слова типа *портной, мастеровой, запятая, мастерская, жаркое* имеют такие же падежные окончания, как соответствующие родовые слова, напр., злой, злая, злое.

К падежным словам причисляются слова — *я, ты, он, она, оно*, но о падежах при этом говорится совсем в ином смысле.

Отношение *я: меня, ты: тебя, он, (оно): его, она: ее* таково же, как, напр., *брат: брата*; *мы: нас, вы: вас, они: их - братья: братьев*. Эти слова употребляются в таких же сочетаниях, как и слова, имеющие падежные формы, напр.: брат болен — я (ты, он) болен, видеть брата—видеть меня (тебя, его, ее), дать брату—дать мне (тебе, ему, ей).

В результате этих ассоциаций, говорящими ясно сознается, что *я* встречается в таких же сочетаниях, как *брат*, вообще—именительный падеж падежных слов, *меня* соответствует родительному падежу этих слов и т. д. Благодаря подобным ассоциациям, в одну систему *сплетаются* слова (основы) различного происхождения. По аналогии склонения других слов (брат и т. п.) и это „сплетение различных по происхождению слов“ называется склонением. Что касается я — меня, мы — нас, ты — тебя, вы — вас, то это „сплетение“ очень древнего происхождения. Позднее, но тоже очень давно, возникло „сплетение“ *он — его*.

9. Родовые слова

Родовые слова, как мы видели, делятся на две группы: а) слова, имеющие только форму рода, напр., добр,-а,-о, разбит,-а,-о, летал,-а,-о; б) слова, имеющие форму рода и падежа, напр., добрый,-ая,-ое-ого и т.д., разбитый,-ая,-ое,-ого и др., говорящий. *Форма рода* у этих слов обозначает, что они относятся к падежному слову определенного рода: *человек добр*, а *мать добра*, *платье хорошо* или *добрый друг*, *молодая сестра*, *злое дитя*.

Различие между родом этих слов и падежных особенно ясно выступает в слове *он, она, оно*. Казалось бы, что это слово имеет форму рода, и его надо отнести к родовым словам, но если мы обратим

---

[1]) В словах *статья, бадья* и т. п. чередуются две основы „стат́j-(а)“ и „статэй“, как „зем́л-(а)“ и „земе́й“, „капл́-(а)“ и „капе́й“. Следовательно, и здесь в род. мн. нет падежного окончания, как в словах —„лип, бурь“ и др.

внимание, какое значение имеет род в этом слове, то увидим, что значение это совсем иное, чем в родовых словах. *Он* обозначает предмет в отношении к речи, но предмет именно мужского рода, *она*—женского рода, *оно* — среднего рода, а не то, что они соединяются со словами того или иного рода. С другой стороны, *белый*, напр., обозначает не то, что качество, выражаемое этим словом, мужского рода, а то, что это слово в этой форме соединяется со словом мужеского рода, напр., *белый снег*. В виду этого *он, она, оно* надо отнести к падежным словам.

Число. В родовых словах и форма числа имеет иное значение. Тогда как в падежных словах ею обозначаются единичность или множественность, в родовых она обозначает, что то или другое родовое слово относится к падежному слову единственного числа. Таким образом, и форма числа в этих словах — форма словоизменения, и эти слова надо было бы называть не только родовыми, но и числовыми, тем более, что во множественном числе формы рода они не имеют: добры, разбиты, летали, добрые, разбитые, говорящие; но термины всегда условны и для них необязательно отражать все свойства обозначаемого явления, поэтому вполне можно пользоваться термином „родовые слова“.

Падеж. Падежные формы родовых слов опять-таки имеют не то значение, что падежные формы падежных слов. У родовых слов они обозначают, что эти слова относятся к какому-нибудь падежному слову в соответствующей падежной форме: родовое слово всегда стоит в том же падеже, как и падежное слово, с которым оно соединяется. Склонение родовых слов можно разделить на 1) склонение с *краткими* окончаниями, напр., сестрин, дядин, и 2) склонение с *полными* окончаниями, напр., полный, золотой, синий, горячий. Полное склонение можно, в свою очередь, разделить на а) твердое, б) мягкое и в) склонение с основами на согласные *к, г, х*. Если принять во внимание еще ударение, то классификация получит такой вид:

Ударение основы		Ударение окончания
1. Краткое склонение	дя́дин,- а,- о	
2. Полное склонение	а) *твердое* ста́рый,- ая,- ое	*твердое* молодо́й,- а́я,- о́е
	б) *мягкое* верхний,- яя,- ее	
	в) *с основой на к, г, х* зво́нкий,- ая,- ое поло́гий,- ая,- ое ти́хий,- ая,- ое	

Многие окончания краткого склонения — такие же, как в падежных словах типа „*стол*“.

1. *Краткое склонение.*

Единственное число.

Мужской р.	*Женский р.*	*Средний р.*
И. (В) дя́дин	И. дя́дин-а	И. В. дя́дин-о (-а)
Р. (В) дя́дин-а	Р. Д. П. дя́диной (-ьй)	(остальные падежи совпадают по окончаниям с мужеским родом).
Д. дя́дин-у	В. дя́дин-у	
Т. дя́дин-ым	Т. дя́дин-ою (ъju) или дядин-ой (ъ -й)	
П. дя́дин-ом (-ъм)		

В этом склонении средний род остался только орфографически в И.-В. п., который в произношении совпал с И. женского рода. В таких случаях, когда и падежное слово, с которым соединяется такое слово, имеет ударение не на окончании, о среднем роде, собственно, говорить для живого разговорного языка не приходится, напр., „дя́дино сло́во“ по произношению окончания вполне совпало с „дя́дина корова“. Только то, что остальные падежные формы у „слово“ такие, как у „окно“, а не как у „корова“, дает основание причислять „слово“ к тому же разряду, как и „окно“.

Множественное число.

И. (В) дя́дин-ы	(Как уже сказано, формы рода во мн. ч. нет).
Р. П. (В) дя́дин-ых	
Д. дя́дин-ым	
Т. дя́дин-ыми	

2. *Полное склонение.*

Ударение окончания.	*Единственное число.*	*Твердое склонение*
Мужской р.	*Женский р.*	*Средний род.*
И. (В) молод-о́й [1]	молод-а́я (-а́jь)	И. В. моло-до́е (о́jь)
Р. (В) молод-о́го (о́ва)	Р. Д. П. молод-о́й	(остальные падежи совпадают с падежами мужеского рода).
Д. молод-о́му	В. молод-у́ю (-у́ju)	
Т. молод-ы́м	Т. молод-о́ю (-о́ju) или молод-о́й.	
П. молод-о́м		

Средний род сохранился здесь только в И.-В. падеже.

[1]) Так же склоняются: второ́й, шестой и т. д., какой, такой. Падежные окончания падежного слова „*кто*“ отличаются от окончаний муж. р. в им. п. (кто), в творит. п. (кем) остальные падежи: к-ого́ (к-аво́), к-ому́ (к-аму́), к-о́м.

Множественное число

И. (В) молод-ы́е (-ыjь)
Р.-П. (В) молод-ы́х
Д. молод-ы́м
Т. молод-ы́ми

Ударение основы. *Единственное число.*

Мужеский р.	*Женский р.*	*Средний р.*
И. (В) ста́р-ый (-ъй) [1]	И. стар-ая (-ъjь)	И.-В. ста́р-ое (ъjь)
Р. (В) ста́р-ого (-ъва)	Р.-Д.-П. стар-ой (-ъй)	
Д. ста́р-ому (-ъму)	В. стар-ую (-ъjу)	
Т. ста́р-ым	Т. стар-ою (-ъjу)	
	или стар-ой (-ъй)	
П. ста́р-ом (-ъм)		

Форма им. п. ед. ч. средн. рода и здесь совпала в произношении с формой им. п. ед. ч. женск. р.; различие сохранилось только в орфографии. Совпал в произношении и В. ж. р. — *ую* съ Тв. — *ою*.

Во множественном числе окончания те же, что и в словах типа „*молодой*“, только нет „j“ в Им. п.: „ста́р-ые (-ыjь)“.

Мягкое склонение.

Единственное число.

Мужеский р.	*Женский р.*	*Средний р.*
И. (В) си́н-ий (-ьй) [2]	И. си́няя (-н́-ьjь)	И.-В. си́н-ее (-н́-ьjь)
Р. (В) си́не-го (-н́-ьва)	Р.-Д. П. си́н-ей (-н́-ьй)	
Д. си́нему (-н́-ьму)	В. си́н-юю (-н́-ьjу)	
Т. си́н-им (-н́-им)	Т. си́н-ею (-н́-ьjу)	
	или си́н-ей (-н́-ьй)	
П. си́н-ем (-н́-ьм)		

Совпадение падежей, как и в предыдущем случае.

Множественное число.

И. (В). си́н-ие (-иjь)
Р.-П. (В). си́н-их
Д. си́н-им
Т. си́н-ими

---

[1]) Так же склоняются: первый, четвертый и т. д., который, каждый. В женск и средн. роде скорее произносится не *j*, а: „ъjь“,—„ъjу“.

[2]) Ср. окончания падежного слова „*что*“: чего́ (ч-иво́), ч-ему́ (ч-иму́), *чём* (ч-и́м), ч-ём (-ч-о́м).

Основы на *к*, *г*, *х* в единственном ч. склоняются, как „старый,-ая,-ое“. Надо заметить, что „*звонкий*“ и др. под. слова произносятся в Им. п. ед. ч. м. р. „звонк-*ъй*. Во множественном числе эти слова склоняются по мягкому склонению, как „*синий*“: „*звонкие, звонких*“ и т. д. [1])

Родовые слова типа „*лисий, вороний*“ отличаются от слов мягкого склонения („синий“) только И. ед. ж. и ср. р.— *ли́сь-я* (-с́ья), *ли́сь-е* (-с́ье) и в Им. мн. лисьи (-с́j-и). Так же склоняется — *третий*; мой, твой, свой, чей отличаются по ударению: моего́ (мъ-иво́), моему́ (мъ-иму́), мои́ (ма-и́), чьего́ (чj-иво́), чьему́ (чj-иму́), чьи́ (чj-и́).

10. Личные слова.

Форма лица выражает отношение личного слова к лицу речи — 1-му, т.-е. говорящему (*я*), 2-му, к которому обращаются с речью — (*ты*), 3-му, не принимающему непосредственного участия в речи (*он*).

Число в личных словах обозначает, что это слово относится к единичному лицу или ко многим лицам.

Совокупность личных форм какого-нибудь слова составляет его *спряжение*.

В зависимости от личных окончаний различается два спряжения, но их можно разграничить только в том случае, если ударение падает на окончание. При безударности, окончания акустически очень близки, и оба спряжения, как увидим, почти совпадают.

Надо еще различать спряжение с-*ся* и без-*ся*, о значении которого речь будет ниже.

1 *спряжение*.

Ударение окончания.

	Без-ся	*С-ся*
Ед.	1 л. плыв-у́	бер-у́-сь [2]) (-р-у-с́)
	2 л. плыв-е́шь (-в-ош)	бер-е́шь-ся (-р-о́ш-сь)
	3 л. плыв-е́т (-в-от)	бер-е́т-ся (-р-о̄ца)

[1]) Так же склоняются: всякий, некий.

[2]) *с* в-*сь* и *ся* часто в литературном языке произносится твердо. На этом основаны такие рифмы, как, напр., у Пушкина: *боюсь — муз* (баjу́с-мус), союз — боюсь (сажу́с-баjу́с). См. В. Чернышев, Законы и правила русского произношения. Изд. 3. 1915, 54 стр. В моем произношении *с* в этих окончаниях мягко, а во 2 лице ед. ч.—с̄ь (бирось); то и другое часто встречается в литературном произношении.

Мн. 1 л.	плыв-ём (-в-ом)	бер-ём-ся (-р-ом-сь)
2 л.	плыв-ёте (-в-оть)	бер-ёте-сь (-р-оть-с)
3 л.	плыв-ут	бер-ут-ся (-р-уца)

В 3 л. ед. и мн. числа *т* и *с* дает долгую аффрикату „ц".

Ударение основы.

	Без-ся	*С-ся*
Ед. 1 л.	сяд-у	моюсь (мој-у-с)
2 л.	сяд-ешь (-д-ьш)	мо-ешь-ся (мој-ьш-сь)
3 л.	сяд-ет (-д-ьт)	мо-ет-ся (мој-ьца)
Мн. 1 л.	сяд-ем (-д-ьм)	мо-ем-ся (мој-ьм-сь)
2 л.	сяд-ете (-д-ьть)	мо-ете-сь (мој-ьть-с)
3 л.	сяд-ут	мо-ют-ся (мој-уца).

Как видим, орфографическое написание не дает возможность выделить основу „мој" — в слове „моюсь" и дает различное начертание окончаниям 1 л. ед. (*-у* и *-ю*) и 3 л. мн. (*-ут* и *-ют*); транскрипция дает возможность выделить настоящую основу и обнаруживает одинаковость произношения окончаний сяд*у* — мо*ю* (у) и сяд*ут* — мо*ют* (-ут).

Надо обратить внимание на чередование конечных гласных основы:

1) Твердые в 1 л. ед. и 3 л. ед. мп. — мягкие в остальных лицах: сяд-у, сяд-ут и ся*д*-ешь, ся*д*ет и т. д. В некоторых глаголах по всем лицам проходит *мягкая* согласная: колю, колешь и т. д., пи*щ*у, бры*жж*у; в некоторых, наоборот, *твердая*: пишу, ма*ж*у (см. соответствующие места „фонетики").

2) Чередование к/ч, г/ж: пеку́, пекут /печёшь и т. д., ля́гу, ля́гут/ ля*ж*ешь и т. д. Ср. также: секу, теку, толку, стригу, жгу (*ж*жешь), берегу и др.

2 спряжение.

Ударение окончания.

	Без-ся.	*С-ся.*
Ед. 1 л.	гор-ю́ (-р-у́)	бран-ю́-сь (-н-у́-с)
2 л.	гор-и́шь (-р-и́ш)	бран-и́шь-ся (-н-и́ш-сь)
3 л.	гор-ит	бран-ит-ся (-н-ица)
Мн. 1 л.	гор-им	бран-им-ся (-н-им-сь)
2 л.	гор-ите (-р-ить)	бран-ите-сь (-н-ить-с)
3 л.	гор-ят (-р-ат)	бран-ят-ся (-н-аца)

Ударение основы.

Ед. 1 л.	ве́р-ю (-р́-у)	му́ч-у-сь (-у-с́)
2 л.	ве́р-ишь (-р́-иш)	му́ч-ишь-ся (-иш-сь)
3 л.	ве́р-ит	му́ч-ит-ся (-и́ца)
Мн. 1 л.	ве́р-им	му́ч-им-ся (-им-сь)
2 л.	ве́р-ите (-р́-ить)	му́ч-ите-сь (-ить-с́)
3 л.	ве́р-ят (-р́-ьт)	му́ч-ат-ся (-ьи́ца)

Благодаря акустической близости звуков „*и*“ и „*ъ*“ в слогах после ударения в 1 и 2 спряжении, оба эти спряжения в большинстве личных форм почти совпадают в произношении, а поэтому и влияют одно на другое: отмечают произношение „хо́дут“, „смо́трут“, „ви́д-ут“ вм. „хо́д-ьт“ (ходят), „смо́тр-ьт“ (смотрят), „ви́д-ьт“ (видят).

Такие рифмы, как „отходит — бродят“ [1]) (отхо́д*ит* — бро́д*ьт*), возможны только благодаря указанной выше акустической близости звуков *и* и *ъ* без ударения.

Во втором спряжении надо отметить следующее чередование согласных в основах:

1) пл/п, бл/б, фл/ф, вл/в: то*пл*ю/то*п*ишь, лю*бл*ю/лю*б*ишь, гра*фл*ю/гра*ф*ишь, пла*вл*ю/пла*в*ишь.

2) т́/т, ж́/д, ш́/с, ж́/з: пла*ч*у́/пла́*т*ишь, ви́*ж*у/ви́*д*ишь, ви́*ш*у/ви́*с*ишь, гро*ж*у/гро́зишь.

Все основы 2 спряжения оканчиваются на мягкую согласную, кроме основ на *ш* и *ж*: слы*ш*у, слы*ш*ишь, слу*ж*у, слу*ж*ишь и т. д.

Слова типа „*вечереет*“, „*смеркается*“ сходны по окончаниям с формами 3-го лица, напр., *белеет*, *старается*, но у них нет формы лица, так как нет необходимых для этого ассоциаций, как в словах: белеет: белею, белеешь; старается: стараюсь, стараешься. Подобные слова называют обыкновенно *безличными*; они не имеют формы словоизменения.

Личные слова обозначают, что явления (действие или состояние), которые выражены их основами, относятся к *настоящему* времени, напр., *несу*, говорю, или к *будущему* времени, напр., сяду, двину. Эти значения личных слов зависят, как мы увидим ниже, от особых формальных принадлежностей. Личная форма может обозначать явления и без отношения ко времени, напр., птица *летает*, а рыба *плавает*.

---

[1]) См. В. Чернышёв, цит. соч., 53 сл.

11. Формы словоизменения другого рода.

Эти формы словоизменения отличаются от упомянутых выше (стр. 27 слл.) тем, что они не выражают отношений между словами; но они сходны с ними в том, что не создают новых слов, т. е. основы, образованные при помощи их, не выражают новых понятий, а только отношение тех же понятий или ко времени речи *(форма времени)* или к лицу говорящему *(форма наклонения)*. Итак, форма времени и форма наклонения и являются формами словоизменения „другого рода".

Форма времени. 1) Приведу два ряда ассоциаций:

знаю думаю кашляю жалею
знал думал кашлял жалел.

Здесь личные слова ассоциируются с одним из видов родовых слов. В результате этих ассоциаций в родовых словах выделяется формальная принадлежность *л*, с которой связано значение прошедшего времени, в противоположность личной форме, которая обозначает в данном случае настоящее время. Однако, личная форма может обозначать и будущее время, что зависит от основы: если основа несовершенного вида, то личная форма обозначает настоящее время, если же она совершенного вида, то личная форма обозначает будущее время (о видах см. ниже).

Ср. такие два ряда ассоциаций:

двину кольну подумаю узнаю
двинул кольнул подумал узнал.

В этом случае личная форма обозначает как раз будущее время

Настоящее время показывает, что явление, обозначенное основой, происходит в момент речи, *будущее время* — что оно произойдет после момента речи, *прошедшее время* — до момента речи.

Относительно образования *прошедшего времени* надо заметить, что если основа оканчивается на гласный звук, то, для образования прошедшего времени, к ней присоединяется формальная принадлежность *-л-*; если же основа оканчивается на согласный звук, то, при встрече конечного согласного с суффиксом *-л-*, происходят звуковые изменения:

1. если основа оканчивается на *т* и *д*, то эти согласные перед *л* исчезают, напр.: плет-у — пле-*л*, вед-у — ве-*л*.

2. если основа оканчивается на другие согласные, то после них, в мужеском роде ед. ч., *л* исчезает, и можно, с точки зрения современного языка, говорить об отрицательной формальной принадлежности, напр., греб-у — греб (но гребла, гребли), ослепну — ослеп (ослепла),

пас-у — пас (пасла), грызу — грыз (грызла), пек-у — пек (пекла), берег-у — берег (берегла) [1]).

2) Форма времени, с несколько иным значением, есть и в других образованиях. Приведу опять ряды ассоциаций:

двига*ющ*ий зна*ющ*ий жале*ющ*ий нес*ущ*ий
двига*вш*ий зна*вш*ий жале*вш*ий нес*ш*ий.

а также:

говор*ящ*ий люб*ящ*ий уча*щ*ий [2])
говори*вш*ий люби*вш*ий учи*вш*ий.

Благодаря этим ассоциациям выделяются формальные принадлежности-ущ-,-ащ-, с одной стороны, и-*вш*-,-*ш*-с другой, с которыми связано значение времени.

Формы с суффиксами-*ущ*-и-*ащ*- [3]) указывают на *одновременность* явления, выражаемого их основой, с явлениями, выражаемыми какой-нибудь другой формой настоящего, прошедшего или будущего времени, в том же предложении, напр.:

„*Поющие* девушки *идут* за водой".
„*Поющие* девушки *шли* (или *пошли*) за водой".
„*Поющие* девушки *пойдут* за водой".

Формы с суффиксами-*вш*-и-*ш*- [4]) указывают на время, *предшествующее* настоящему и будущему времени и (с основой несовершенного вида, о которой ниже) *одновременное* или *предшествующее* (с основой совершенного вида) другому прошедшему времени, напр.:

„*Певшие* девушки *идут* за водой".
„*Певшие* девушки *пойдут* за водой".
„*Певшие* девушки *шли* за водой" (одновременность).
„*Пропевшие* девушки *шли* (или *пошли*) за водой".

Точно такие же временные значения связаны с родовыми словами следующего типа:

читаемый прогоняемый воспитываемый
читанный прогнанный воспитанный.

---

[1]) И здесь есть явление „сплетения основ", о котором говорилось выше (см. стр. 39), напр., *иду* (наст. вр.), *шел* — прошедшее время совсем от другой основы. И здесь играет роль *аналогия* таких случаев, как *знаю — знал, говорю — говорил.*

[2]) Эти родовые слова называют обыкновенно *причастиями.*

[3]) Это причастия *настоящего времени* действительного залога (о залоге (см. ниже).

[4]) Причастие прошедшего времени действительного залога.

Формы с суффиксом-*м*-[1]) имеют те же временные значения, как и формы на-*ущ*-и-*ащ*-; а формы с суффиксом-*н*-[2]) (н долгое)— то же, что формы с-*вш*-и-*ш*-, напр.:

„*Прогоняемая* в дверь муха *влетает* в окно".
„*Прогоняемая* в дверь муха *влетала* в окно".
„*Прогоняемая* в дверь муха *влетит* в окно" (предшеств.).
„*Прогнанная* в дверь муха *влетает* в окно".
„*Прогнанная* в дверь муха *влетит* в окно".
„*Прогнанная* в дверь муха *влетала* в окно".
„*Прогнанная* в дверь муха *влетела* в окно".

3) Некоторые слова, не имеющие форм словоизменения первого рода (форм падежа, рода, лица), имеют формы словоизменения второго рода, и именно формы времени с тем же значением, как и у родовых слов, только что рассмотренных.

чистя	суша	видя	слыша [3])
очистив (ши)	высушив (ши)	увидев	услышав

Формы с суффиксом — *а* указывают на время, одновременное всем другим временам (настоящему, прошедшему и будущему), напр.: „*расхаживая* по улице, он *заглядывает* (заглядывал, заглянет) в окна магазинов".

Формы с суффиксом *в* (*вши*) указывают на время, предшествующее всем другим временам, напр., „*зачерпнув* носом воды, (лебедь) *поднимает* голову вверх и *вытянет* шею", „*постояв, послушав, подумав* о чем-то, Демьянов *вернулся* в лагерь".

Форма на-*а* от основ совершенного вида тоже обозначает время, предшествующее другим временем, напр.: „Своей лукавой тишиной маня к себе, ты нас прельщаешь, а, *заманя*, нас в безднах поглощаешь". „Пройдя несколько верст, он *сел* отдохнуть у дороги". „*Проведя* весь день в работе, к вечеру он *утомится* и крепко *заснет*".

Форма на *в* (*вши*) употребляется, большею частью (если не исключительно?), от основ совершенного вида.

Форма наклонения выражает отношение говорящего к мыслимости явлений, о которых говорящий сообщает. Явления эти могут мыслиться, как *действительно происходящие* (в настоящем, будущем или прошедшем): „*Белеет* парус одинокий в тумане моря голубом"... „Завтра ты *проснешься* и *откроешь* глазки"... „*Посадил* дед репку. *Выросла* репка

---

[1]) Причастие *настоящ. времени* страдательного залога.

[2]) Причастие *прошедшего времени* страдательного залога. Есть еще форма с суффиксо-*т*-: убитый; взятый, расколотый.

[3]) Деепричастие настоящего (слыша) и прошедшего (услышав) времени.

большая пребольшая". Это наклонение *изъявительное (прямое)*. Явления могут мыслится, как *требуемые, желаемые, возможные* при каких-нибудь условиях; формы, выражающие это, называются *непрямыми наклонениями*, или *косвенными*. Из косвенных наклонений в русском языке есть *повелительное*, выражающие требование или просьбу, и *условное*, выражающее возможность (его называют обыкновенно *сослагательным*).

Наиболее частым суффиксом, образующим *повелительное наклонение*, являются: *и* — в един. ч., *ите* — во мн. ч., напр.:

греб-и́ (-те)	бер-и́ (-те)	скач-и́ (-те)	по-и́ до-и́
греб-у	бер-у	скач-у	по-ю до-ю

Это *и* всегда носит на себе ударение. Если ударение на основе, то после гласных, суффиксом повелительной формы является „и" неслоговое (й):

зна-*й́* (-те)	владе-*й́* (-те)	ду-*й́* (-те)
зна-ю	владе-ю	ду-ю.

После согласных, при ударении на основе, в единственном числе суффикс отсутствует (отрицательная формальная принадлежность), во множественном *те* присоединяется непосредственно к согласной:

ра́нь (-те)	пла́чь (-те)	мажь (-те)
ра́н-ю	пла́ч-у	маж-у.

Форма лица. Обыкновенно говорят в повелительном наклонении о форме лица, и именно 2-го лица ед. и мн. ч. Если и можно здесь говорить о лице, то совсем в ином смысле, чем в личных словах: там форма лица обозначает, что, напр., действие (пою, поешь) совершается тем или другим лицом речи, а в повелительной форме, напр., *пой* выражается, что требование или просьба совершить действие обращена ко 2-му лицу речи.

Условное наклонение образуется при помощи подвижного суффикса *бы*, присоединяемого к форме прошедшего времени, напр.:

играл бы	ходил бы	нес бы	вел бы
играл	ходил	нес	вел

В школьных грамматиках к наклонениям причисляют такие формы, как *ходить, молчать, мочь*, которые называют *неопределенным наклонением*, но ясно, что они не выражают отношения говорящего к мыслимости явлений, о которых он сообщает, и, следовательно, наклонением не являются. В науке принято называть их *неопределенной формой*.

12. Слова, не имеющие форм словоизменения.

Разумеются слова, не имеющие форм словоизменения первого рода, т.-е. форм падежа, рода и лица.

К этим словам относятся: а) *самостоятельные слова:*

1) слова-междометия: „ой!“ „ох!“ „увы́!“, к которым причисляются и звукоподражательные слова: „мяу“, „ква-ква“...

2) заимствованные из иностранных языков названия различных предметов, окончания которых не совпадают с окончаниями падежных слов мужеского рода, напр., *пальто, ландо, зулу, меню.*

3) некоторые из новых слов, образованных путем сокращений, напр., *Моно, Эмпо, Мовсу, Роста* (о них подробнее ниже).

4) деепричастия — слова с формами словоизменения второго рода (см. выше): *гуляя, сделав, умолчавши...*

5) неопределенная форма: *сидеть, мечтать.* Неопределенная форма с особой интонацией служит для выражения энергичного приказания: *молчать!* *)

6) большое количество слов, носящих название наречий; это — слова, употребляющиеся большею частью в соединении с глаголами (об этом термине см. ниже). Большинство наречий не ассоциируется с другими словами по основным и формальным принадлежностям, напр.: здесь, там, вчера. Некоторые ассоциируются с падежными или родовыми словами, но ассоциации эти односторонние — только по основным принадлежностям, напр.,

бегóм (бéг, бéгом), пешкóм (пеший), домой (дом) и др.

Но есть случаи и двусторонних ассоциаций, напр.:

рáно	пóздно
ранний	поздний.

В таком случае можно говорить о формальной принадлежности *о* (произносится — *а*), служащей для образования наречий. В данном случае родовые слова *ранний, поздний* не имеют безпадежной краткой формы, а потому *рано, поздно* совсем от них изолировались.

В тех случаях, когда безпадежные краткие формы у таких слов сохранились, можно говорить только о наречном употреблении краткой формы среднего рода. Ср. напр.:

„*Течение* реки в этом месте очень *быстро*“ — здесь форма рода в слове „быстро“ выражает отношение к слову „течение“. С другой

*) С этой интонацией могут иметь такое же значение и другие слова, напр.: *„воды!“ „сюда!“*, слова команды: „кругом!“ „на-лево!“.

стороны: „Река *течет быстро*“ — слово „*быстро*“ соединяется со словом „*течет*“, и форма рода не служит выражением отношения между этими словами; это и есть наречное употребление формы среднего рода.

Следует упомянуть еще о таких словах, как *сильнее*, *лучше*, *позднее*, *раньше*, у которых есть особые формальные принадлежности — „*ée*“ и „*e*“. Эти слова тоже не имеют форм падежа, рода и лица, и, по употреблению, могут быть причислены к наречиям.

б) *Несамостоятельные слова.*

Их, *по употреблению*, можно разделить на 1) *предлоги*, которые, вместе с падежными окончаниями, служат для выражения отношений между словами, напр.: „скачу *на* лошади“, „стремление *к* славе“; 2) *союзы*, служащие для соединения не только отдельных слов, но и словосочетаний, напр.: „Пупин *и* Бабурин“, „старик ловил рыбу, *а* старуха пекла блины“; 3) усилительные частицы: „он-*то* сделает свое дело; а ты-*вот* как с своим справишься!“

13. Формы словообразования.

а) Глагол.

Глагол — группа слов, имеющая одинаковые формы словообразования. В эту группу входят различные типы слов, с точки зрения форм словоизменения, а именно: личные слова, родовые слова, слова без форм словоизменения, напр.: *говорю*, *говорил*, *говорящий*, *говоривший*, *говоря*, *говорить*.

Формы словообразования, общие этой группе слов, — *форма залога* и *форма вида*.

Форма залога. Если мы сопоставим два ряда слов:

умывать бороть встречать кусать воспитывать
умываться бороться встречаться кусаться воспитываться [1]),

то заметим, что формальная принадлежность „ся“ во всех формах второго ряда вносит однородный оттенок значения, а именно: формы без — *ся* обозначают действие, совершаемое каким-нибудь деятелем (субъектом) и *переходящее* на какой-нибудь предмет (объект); формы с суффиксом — *ся* обозначают действие, *не переходящее* на какой-нибудь предмет. Таким образом, *формой залога выражается отношение действия, обозначенного глагольной основой, к субъекту и объекту.* В русском

[1]) Мы вполне могли бы взять любую из категорий слов, входящих в состав глагола: *личную форму* — умываю — умываюсь, *родовые формы* — умывал — умывался, умывающий — умывающийся, деепричастие — умывая — умываясь, — оттенок значения, вносимый суффиксом — *ся* (*сь*) во всех случаях один и тот же.

языке два залога — *непереходный* [1]) с формальной принадлежностью — „*ся*“ и *переходный* [2]) с отрицательной формальной принадлежностью (отсутствие — *ся*).

Не все глаголы имеют форму залога. Так, 1) глаголы — *ходить*, *сидеть*, которые не имеют переходного значения и наряду с которыми не существует форм с суффиксом — *ся*, не имеют формы залога. 2) Глаголы типа *бояться*, *надеяться*, *стараться*, наряду с которыми нет форм без — *ся*, а, следовательно, — *ся* не выделяется как формальная принадлежность, тоже не имеют формы залога. 3) Глаголы типа *краснеть — краснеться*, *белеть — белеться*. Хотя в этом случае и есть формы с — *ся* и без — *ся*, но форма без — *ся* (краснеть, белеть) не обозначает переходного действия, а, следовательно, суффикс — *ся* не может вносить в данном случае значение непереходности. И действительно, он вносит иное значение — *усиление непереходности* (ср. „в поле что-то *белеет*“ и „в поле что-то *белеется*“). Так как — *ся* вносит здесь не тот оттенок значения, который мы наблюдали в глаголах непереходного залога, то и глаголы этого типа (*краснеть — краснеться*) — формы залога не имеют. 4) Такие безличные выражения, как *спится*, *хочется*, тоже не являются формами залога.

Глаголы непереходного залога, в зависимости от значения основной части, имеют различные оттенки значения [3]): 1) *прямо возвратное значение*, напр., „Дети *умываются*, *утираются*, *одеваются*“. Действие направлено прямо на деятеля (на субъект). 2) *Взаимное значение*, напр., *биться*, *бороться*, *встречаться*. Здесь обозначается действие, производимое двумя или несколькими лицами по отношению друг к другу. 3) *Страдательное значение*, напр., „паровоз *управляется* машинистом,“, „сын воспитывается отцом“,— предмет (субъект) подвергается воздействию другого. 4) Значение изменения в состоянии субъекта. Чтобы понять этот оттенок значения, надо иметь в виду, что такие глаголы переходного залога, как *сердить*, *пугать* и т. п. обозначают такое воздействие субъекта на объект, при котором субъект изменяет или стремится изменить состояние объекта; глаголы же *непереходного залога* в таком случае обозначают изменение в состоянии субъекта, так как действие на объект не переходит. 5) Действие в отвлечении от объекта, напр., браниться (объект действия не имеется в виду), корова бодается, лошадь брыкается, собака кусается — дей-

---

[1]) Называют его также „возвратным“.

[2]) Его называют и „не возвратным“.

[3]) Иначе говоря: различные функции. Эти *функции непереходного залога* не следует смешивать с *формами залога*. Залогов в русском яз. только два — переходный и непереходный; непереходный залог имеет несколько функций, что зависит от значения основной части слова.

ствие, в отвлечении от объекта, рассматривается как свойство, присущее известным предметам.

В причастиях, кроме того, сохранились, от очень древних эпох, формы залога иного рода:

делающий	читающий	одевающий	хвалящий
делаемый	читаемый	одеваемый	хвалимый.

Причастия с суффиксом *-ущ-* (*-ащ-*) обозначают действие, направленное на объект (столяр, *делающий скамью*); причастия с суффиксом *-м-* обозначают действие, которому подвергается субъект (*скамья, делаемая* столяром). Оба причастия, как мы видели, настоящего времени, первое (с суффиксом *-ущ-*, *-ащ-*) — *действительного залога*, второе (с суффиксом *-м-*) — *страдательного залога*. Таково же соотношение между следующими причастиями прошедшего времени:

дела*вш*ий	чита*вш*ий	одева*вш*ий	уби*вш*ий
сдела*нн*ый	прочита*нн*ый	оде*т*ый	уби*т*ый.

Причастия с суфф. *-ш-* обозначают действие, направленное на объект, это причастие *действительного залога*. Причастия с суффиксами *-н-* (*н* долгое) и *-т-* обозначают действие, которому подвергается субъект; это — причастие *страдательного залога*.

Форма вида. Рассмотрим такие соотношения:

нести	бить	думать	спать	летать
*по*нести	*по*бить	*по*думать	*по*спать	*по*летать. [1]

Глаголы первого ряда (без приставок — отрицательная формальная принадлежность) обозначают, что явление (действие или состояние) совершается безо всякого ограничения во времени. Глаголы второго ряда (с приставкой — положительная формальная принадлежность) обозначают те же явления, как совершающиеся с тем или другим ограничением во времени. Таким образом, *форма вида обозначает данное явление по отношению к его существованию во времени.*

В русском языке два вида—*совершенный и несовершенный. Совершенный вид* обозначает данное явление *по отношению к ограниченному* времени — недлительному (напр., написать) или длительному (поговорить).

Несовершенный вид обозначает данное явление *без отношения к ограничению во времени*, напр., писать, говорить.

---

[1]) И здесь можно было бы взять любую из категорий слов, входящих в состав глагола: несу-понесу, бил-побил, думавший-подумавший, спавший-поспавши.

Личная форма глаголов несовершенного вида обозначает *настоящее время:* пишу, говорю. Личная форма глаголов совершенного вида обозначает *будущее время:* напишу, поговорю.

Наиболее частый способ образования совершенного вида — посредством приставок. В большом количестве случаев приставка, внося значение совершенного вида, изменяет реальное значение глагола, напр., бить - разбить, нести - унести, колоть - проколоть, расколоть, уколоть.

Не во все глаголы приставки вносят значение совершенного вида. Глаголы со значением неопределенной повторяемости, напр., носить, водить, летать, в сложении с приставками получают значение несовершенного вида, напр., выноси́ть, выводить, вылетать; совершенный вид к этим глаголам — вынести, вывести, вылететь.

Форма вида образуется также посредством суффиксов, напр.:

бро*сать*	(бро*саю*)	пуска*ть*	(пуска*ю*)	хвата*ть*	(хвата*ю*)
броси*ть*	(брошу)	пусти*ть*	(пущу)	хвати*ть*	(хвачу).

С суффиксом *-а-* связано значение несовершенного вида, с суффиксом *-и-* совершенного вида.

Другой пример:

колоть	(ко́лет)	хлопа*ть*	двига*ть*	скака*ть*
кольну*ть*	(кольне́т)	хлопну*ть*	двину*ть*	скакну*ть*.

В этом случае совершенный вид образован посредством суффикса *-ну-(н)*.

Особенно часто при помощи суффиксов образуется форма вида у глаголов с приставками, напр.:

1) выставля*ть*	изменя*ть*	измышля*ть*
выстави*ть*	измени*ть*	измысли*ть*.

Суффиксы *-а-* (несов. в.) и *-и-* (сов. в.).

2) Поспе́*вать*	воспе*вать*	наде*вать*	обу*вать*
поспе*ть*	воспе*ть*	наде*ть*	обу*ть*.

В этом случае несовершенный вид образуется посредствам суффикса *-ва-*, в совершенном виде — отрицательная формальная принадлежность.

3) Воспит*ывать*	отыгр*ывать*	распил*ивать*	перепрыг*ивать*
воспита*ть*	отыгра*ть*	распили*ть*	перепрыг*нуть*.

В несовершенном виде суффикс *-ыва-*(*-ива-*), в совершенном — *-а-*,*-и-*,*-ну-*.

В глаголах с приставками форма вида может образовываться также посредством *флексии основ* (см. выше стр. 26 сл.), напр.:

разб*и*рать (разб*и*раю) раз*дир*ать раз*рыв*ать
разоб*р*ать (разб*е*ру) разод*р*ать разор*в*ать.

Здесь видовое значение связано с чередованием основ: разб*и*рать и т. д.— форма несовершенного вида, разоб*р*ать и т. д.— форма совершенного вида.

4) И при образовании видов встречается сплетение различных основ, напр.: *брать* (несов. в.) — *взять* (сов. в.), *класть* (несов. в.) — *положить* (сов. в.), *говорить* (несов. в.) — *сказать* (сов. в.).

Форма совершенного вида может иметь различные оттенки значения (функции) в зависимости как от значения основ глагола, так и от значения приставок. Прежде всего формой совершенного вида может обозначаться как *недлительное* явление, так и *длительное* явление. Рассмотрю сначала первое, потом второе значение.

I. Глаголы совершенного вида с *недлительным* значением. Здесь в свою очередь можно различить еще несколько оттенков:

1) *Результативное значение.*

а) *Обще-результативное значение*, напр.: *сделать* (по отношению к *делать*), *написать* (писать) — указание на время результата. Ср. также: согнуть (гнуть), откусить (откусывать), отбить (отбивать), извлечь (извлекать) и мн. др.

б) *набрать* (по соотношению с *брать*), *искусать* (кусать), *замучить* (*мучить*), *поджарить* (*жарить*).

В этих случаях обозначается *степень* достижения результата в момент этого достижения.

2) *Финитивное значение*, напр.: *отобедать* (по соотношению с *обедать*), *отпахать* (пахать), *отсидеть* (сидеть). Здесь указывается на *конец* явления. Это значение зависит, повидимому, от приставки „от“.

3) *Наступательное значение:*

а) *побежать*, *полюбить* (в соотношении с *бежать*, *любить*). Здесь указывается на достижение результата в процессе *возникновения* явления (*ингрессивное значение*). Ср. еще: пойти, поехать (итти, ехать).

б) *Забегать* (*бегать*), *заговорить* (*говорить*), *задвигать* (двигать), *заиграть* (играть). Здесь указывается на *наступление начала* в длительности явления (*инхоативное значение*).

II. Глаголы совершенного вида с *длительным значением*, при чем длительность эта ограничена, хотя и неопределенно, напр., *посидеть* некоторое время (большее или меньшее) в соотношении с *сидеть*, где время неограниченной длительности. Ср. тоже: *поговорить* (говорить) *пожить* (*жить*), *полежать* (*лежать*).

Есть две категории глаголов, не имеющих формы вида: 1) *носить* (по соотношению с *нести*), *водить* (*вести*) и т. п. не имеют формы вида, так как не входят в соотношение с глаголами совершенного вида; эти глаголы обозначают неопределенную повторяемость явления, что связано с формальным признаком — чередование основ [1]) и суффикс. 2) Глаголы с суффиксом *-ива-*(*-ыва-*), напр., *нашивать* (*носить*), *заживать* (*ходить*) — тоже обозначают повторяемость, более определенную, и не имеют формы вида. Суффикс *-ива-*(*-ыва-*) и вносит значение повторяемости, что связано в некоторых формах с флексией основы: хóдит — хàживает.

Словообразовательную группу слов, называемую *глаголом*, объединяет не только то, что эти слова имеют форму залога и вида, а также то, что они соединяются с одинаковыми падежными формами (без предлогов и с предлогами) и с наречиями, напр.: читаю книгу, читал книгу, читающий книгу, читавший книгу, читая книгу, читать книгу (но, напр., *чтение* книги, *читатель* книги); живу в городе, жил в городе, живущий в городе, живя в городе, жить в городе (но, напр., житель города [2]); бегаю быстро, бегал быстро, бегающий быстро, бегая быстро, бегать быстро (но, напр., быстрая беготня, быстрый бегун). Рассмотрение этих сочетаний — задача синтаксиса.

В глаголе различают две главные основы — *основу настоящего времени* и *основу неопределенной формы*.

Основа настоящего времени, кроме этой формы, находится также в форме повелительного наклонения, напр., сид-и (наст. сид-ишь), в причастии наст. вр. действ. зал. (сид-ящий), в причастии наст. вр. страдат. зал. (хвал-имый — наст. хвал-ю) в деепричастии наст. вр. (сид-я).

Основа неопределенной формы (сиде-ть) находится также в прошедшем времени (сиде-л) [3]), в причастии прошедшего времени действит. золога (сиде-вший), в причастии прошедшего времени страдательного золога (изгнанный — изгна-ть), в деепричастии прошедш. вр. (посиде-в).

Если принять во внимание обе эти основы, то получится следующая классификация глагола (без приставок):

1. Глаголы первого спряжения в личной форме.

Личная форма *настоящего* времени	Личная форма *будущего* времени.

---

[1]) Флексия основы.

[2]) Падежное слово *жизнь* сочетается с тем же падежом и предлогом: жизнь в городе, но кроме того, что не имеет форм залога и вида, не может сочетаться с наречиями, как, напр., *хорошо жить* (хорошая жизнь).

[3]) Только в глаголах типа *„сохну — сохнуть“* — основа прошедшего времени отличается от основы неопределенной формы: *сох, сохла, сохло.*

1 класс.

а) И в настоящем вр. и в неопределенной форме непроизводная основа:

нес-у — нес-ти
вед-у — вес-ти (*с* из *д*)
пек-у — печь (*ч* из к-т)
тр-у — тере-ть
жм-у — жа-ть и др.

пад-у́ — пас-ть
ля́г-у — лечь (*ч* из *гт*)
ся́д-у — сес-ть (*с* из *д*)
буд-у — бы-ть
(4 глагола и еще *рек-у*—*речь*, без приставок не употребительный, ср. изреку — изречь).

б) В неопред. форме основа на—*а*-:

бер-у — бр-а-ть
зов-у — зв-а-ть
жд-у — жд-а-ть и др.

2 класс.

В настоящ. вр. суфф.—„н“, в неопр. ф.—„ну“-.

сох-н-у (сох*н*-ешь)—сох-ну-ть,
глох-н-у — глох-ну-ть
вя-н-у — вя-ну-ть и др.

дви-н-у — дви-ну-ть (прош. дви-ну-л)
хлоп-н-у — хлоп-ну-ть (хлоп-ну-л)
толк-н-у — толк-ну-ть (толк-ну-л) и др.

В прошедшем времени без суффикса -ну-: сох, глох, вя-л.

3 класс.

1) В наст. вр. основа на-j-, или на мягкую согласную, в неопр. ф.— непроизводная:

знаю (зна-j-у)— зна-ть
спею (спэ́-j-у)— спе-ть
дую (ду-j-у)— ду-ть
мою (мо-j-у)— мы-ть
полю (пал́-у)— поло-ть и др.

С личной формой *будущего* времени только глаголы с приставками: узнаю, вымою, спрячу, напишу, посыплю.

2) В наст. вр. основа на j, на шипящие и на губные с *л* мягким, в неопр. суфф. -*а*-:

кую (ку-j-у)—ков-а-ть
клюю (клу́-j-у)—клев-а-ть
смеюсь (смэ́-j-у-с) —
смеяться (смэ́-j-а́-ца)

пряч-у — прят-а-ть
свищ-у — свист-а-ть
пиш-у — пис-а-ть
лиж-у — лиз-а-ть

сыплю (сыпл-у) — сып-а-ть
колеблю — колеб-а-ть
дремлю — дрем-а-ть и др.

В наст. вр. суфф.— ывај — (-иваj), в неопр. ф. суфф.—ыва— (-ива-): чит-ываю — чит-ыва-ть разгляд-ываю — разгляд-ыва-ть увиливаю — увил-ива-ть и др.

II. Глаголы второго спряжения в личной форме.

4 класс.

1) В наст. вр. основа на мягкую согласную или на шипящие — в неопр. ф.— суфф. -э-:

горю (гар-у) — гор-е-ть (гар-э-т)
скриплю — скрип-е-ть
верч-у — верт-е-ть
сиж-у — сид-е-ть
виш-у — вис-е-ть и д.

2) В наст. вр. основа на -j- или на шипящие — в неопр. ф. основа на -а- после -j- или после шипящих:
стою (ста-j-у) — стоять (ста-j-а-ть)
леж-у — леж-а-ть
слыш-у- — слыш-а-ть
молч-у — молч-а-ть и др.

С личной формой *будущего* времени только глаголы с приставками: увижу, поспжу и, кажется, один только без приставки: велю — вел-е-ть.

5 класс.

В неопределенных формах суффикс -и-

В наст. вр. основа на j, на мягкую согласную или на шипящие:
строю (стро-j-у) — стро-и-ть
ценю (цен-у) — цен-и-ть
люблю — люб-и-ть
учу — уч-и-ть.
хожу — ход-и-ть

В будущем времени основа на шипящие:
брош-у — брос-и-ть
пущ-у — пуст-и-ть
хвач-у — хват-и-ть

Четыре глагола этого класса — женить, казнить, крестить, родить в зависимости от контекста, имеют значение то совершенного, то несовершенного вида (*формы* вида они не имеют).

Остается упомянуть еще о двух глаголах очень старого типа с особыми личными окончаниями, а именно: 1) настоящее время — ем, ешь, ест, едим, едите, едят, неопр. ф. ес-ть, прош. вр. е-л. 2) будущее время: дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут, неопр. ф.— да-ть, прош. вр. да-л.

Неологизмы. Такова в главных чертах, система русского глагола. Всякое новообразование, как бы оно ни казалось оригинальным возникает по аналогии уже существующих соотношений. Приведу несколько примеров из современных писателей.

„Чтоб ножки не промокли их надо *околошить*“ (Иг. Северянин). Подчеркнутый глагол возник, несомненно, по такой аналогии: круг: *окружить* > калоша: *окалошить*.

Таких новообразований у И. Северянина много, напр.: (молния): *омолнить*, (гимн): *огимнить*, (зверь): *озверить*, (менестрель): *оменестрелить*, (кольцо): *окольчить*, и др.

Такого рода глаголы встречаются и у других современных писателей, напр., у Маяковского: гром: *огромить*.

У Маяковского есть такое выражение: „Грудь *испешеходили*“. Этот глагол создан по аналогии таких соотношений, как пепел: *испепелить* > пешеход: *испешеходить*.

„Уже *ночело*“ у И. Северянина создано по аналогии: вечер: вечерело > ночь: *ночело*. По той же аналогии у Блока образованы: (утро): *утреет*, (заря): *зареет*.

б) Падежные слова.

С точки зрения форм словообразования, падежные слова можно разделить на две группы: 1) Падежные слова без форм словообразования (с *непроизводными* основами) и 2) Падежные слова с формами словообразования (с *производными* основами).

Говоря о непроизводных и производных основах, имеется в виду современная эпоха. Для более древних эпох многие непроизводные основы окажутся производными, напр., основа в слове *отец* — теперь непроизводная, но раньше была производной: выделялся суффикс — *ец*.

Падежных слов с непроизводными основами довольно значительное количество. Сгруппирую их по значению:

1. *Обозначение родства*: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, муж, жена, внук и др.

2. *Названия животных*: зверь, волк, лиса, конь, лошадь, медведь, [1]) заяц, рыба, щука, карась, осетр, птица, орел, ворон, ястреб и др.

3. *Названия частей тела*: голова, рука, нога, нос, лоб, рот, ухо, глаз и др.

4. *Названия растений*: дерево, береза, дуб, липа, ива, осина, куст, трава, рожь, овес, просо и др.

5. *Обозначение времени*: год, день, час, весна, лето, зима, осень, и др.

6. *Названия орудий*: соха, борона, лопата и др.

7. *Названия металлов*: золото, серебро, медь, олово, железо и др.

8. *Названия действий*: бег, игра, ход, лёт.

9. *Название состояний*: сон, стыд, страх, покой.

Эти категории далеко не исчерпывают всех непроизводных слов. Кроме того, к ним надо прибавить большое количество слов, заимствованных с иностранных языков, напр.: океан, роман, понтон, эскадрон, пункт, фигура, марля, аллея, история и мн. др.

Обзор производных основ лучше всего произвести по суффиксам, из которых я выбираю наиболее употребительные.

1. *Суффиксы, обозначающие главным образом действующих лиц* [2]) — *тель*. При помощи этого суффикса образуются падежные слова от глагольной основы, а именно от основы неопределенной формы (см. выше стр. 56 сл.), напр., *учи*-ть — *учи*-тель. По значению — это 1) название лиц по их деятельности: строитель (строить), писатель (писать), наблюдатель (наблюдать), завоеватель (завоевать) и мн. др. 2) Название неодушевленных предметов, напр., двигатель (двигать), распределитель (распределить), возбудитель (возбудить). 3) Математические термины: числитель, знаменатель, делитель, множитель.

— *ец*. Посредствам этого суффикса образуются падежные слова от глагольной основы или настоящего времени, напр., *жн*-у — *жн*-ец, или прошедшего времени, напр., *владел* — *владел*-ец. И они обозначают *действующих лиц*; купец (купить), кормилец (кормил), торговец (торгов-а-ть) и др.

— *ист* — суффикс, заимствованный из иностранного языка. Слова с этим суффиксом являются обозначениями лиц действующих: 1) *по предметам, с которыми они имеют дело*: флейтист (флейта), гармонист (гармония), бандурист (бандура), велосипедист (велосипед), машинист

---

[1]) Медведь — в настоящее время непроизводная основа. Прежде это было сложным словом медв-едь (*мед* и *есть*). То, что теперь это понимается, как простое слово, доказывается тем, что при попытке анализировать это слово его разлагают на мед-ведь (*мед* и *ведать*,) что неправильно.

[2]) Как видно из приведенного ниже материала, это не единственная функция этих суффиксов, но главнейшая.

(машина); 2) *по учреждениям, к которым они принадлежат*: гимназист гимназия), семинарист (семинария), чекист (чека); 3) *по убеждениям*: реалист (реализм), идеалист (идеализм), гуманист (гуманизм), оптимист (оптимизм), пессимист (пессимизм), коммунист (коммунизм), анархист (анархизм) и др. В таких словах, как букинист, беллетрист, суффикс не выделяется: нет образований без этого суффикса.

— *тор*. Тоже заимствованный суффикс для обозначения: 1) *действующих лиц*, напр: эксплуататор (эксплуатация), провокатор (провокация), узурпатор (узурпация), инквизитор (инквизиция), репетитор (репетиция) и др.; 2) *предметов неодушевленных*: вентилятор (вентиляция), регулятор (регуляция), пульверизатор (пульверизация), изолятор (изоляция). И здесь суффикс не выделяется в таких случаях, как — оратор, гладиатор и др.

— *ник* — суффикс, служащий для обозначения: 1) лиц, постоянно имеющих дело с какими-нибудь предметами: законник (закон), книжник (книга), сапожник (сапог), карманник (карман); 2) *лиц, находящихся в каких-нибудь отношениях к другим лицам или предметам*; родственник (родство), свойственник (свойство) [1]), двойник (двое), противник (против), собственник (собственность); 2) *предметов неодушевленных*: сенник (сено), чайник (чай), песенник (песня), сонник (сон).

— *иц (а)* образует: 1) слова женского рода к соответствующим словам мужеского рода: противница (противник), собеседница (собеседник), мастерица (мастер), учительница (учитель), чиновница (чиновник); 2) слова, обозначающие помещение, в котором что н. находится, напр.: житница (жито), пепельница (пепел), или обозначают помещение по какому-нибудь качеству его: темница (темный), светлица (светлый). В слове падчерица суффикс не выделяется.

2. *Суффиксы, образующие увеличительные, уменьшительные, ласкательные и уничижительные слова.*

ищ (е),— *ищ (а)*: домище (дом), холодище (холод), ручища (рука), ножища (нога).

— *ок*: сынок (сын), узелок (узел), голосок (голос), дымок (дым), чаек (чай), стебелек (стебель), уголек (уголь). В таких словах, как — платок, горшок, жаворонок, василек, валек — суффикс не выделяется.

— *ик*: садик (сад), годик (год), морозик (мороз).

— *ец (о)*: братец (брат), хлебец (хлеб), письмецо (письмо).

— *ищ (а)*: сестрица (сестра), водица (вода).

---

[1]) В словах „родственник“, „свойственник“, собственно, выделяется суффикс „енник“: они соотносительны со словами „родство“, „свойство“, а не „родственный“, „свойственный“, значение которых несколько отошло.

— *к (а)*: коровка (корова), травка (трава), полоска (полоса) тучка (туча), головка (голова), стенка (стена). Не выделяются суффиксы, в словах: палка, галка, рюмка, катомка. От них образуются уменьшительные тоже с суффиксом — *к* (а): палоч-к-а (род. мн. палок), галочка (галок). Надо обратить внимание на чередование согласных *к* и *ч*. В словах среднего рода: ушк-о́ (ухо), брюш-к-о́ (брюхо) — чередование *х* и *ш*.

— *ушк (а)*: коровушка (корова), травушка (трава), головушка (голова), соловушка (соловей).

— *ышк (о)*: гнездышко (гнездо), донышко (дно), перышко (перо), пятнышко (пятно), зернышко (зерно), стеклышко (стекло).

— *онк (а)*: старушонка (старуха), лошаденка (лошадь), реченка (река), рученка (рука).

— *ишк (а)*, — *ишк (о)*: воришка (вор), мальчишка (мальчик), домишко (дом).

3. *Суффиксы, образующие слова, обозначающие качества в отвлечении от предметов*:

— *ость*: смелость (смелый), бледность (бледный), сырость (сырой), живость (живой), скорость (скорый), легкость (легкий).

Кроме того, слова с этим суффиксом обозначают: 1) состояния: радость (рад), задумчивость (задумчивый), сытость (сытый); 2) предметы: жидкость (жидкий), драгоценность (драгоценный), напр., в выражении: „в ювелирном магазине выставлены драгоценности“.

— *от (а)*: пестрота (пестрый), краснота (красный), быстрота (быстрый), теплота (теплый), темнота (темный).

— *изн (а)*: белизна (белый), новизна (новый), кривизна (кривой).

4. *Суффиксы, образующие слова с значением — „действие в отвлечении от деятеля“*.

— *ние* [1]): курение (курить), преподавание (преподавать), умывание (умывать), рисование (рисовать). Слова с этим суффиксом обозначают также: 1) состояния: лежание (лежать), переживание (переживать), вниманне (внимать), молчание (молчать), удивление (удивлять) 2) благодаря изменению значения, те же слова могут обозначать и предметы, напр., „*сидение* без дела мне надоело“ (состояние) — „у этого кресла широкое *сидение*“ (предмет), „*украшение* елки очень занимало детей“ (действие) — „на елке висело много *украшений*“ (предмет).

— *к* (а): стирка (стирать), пляска (плясать), драка (драться). Слова с этим суффиксом могут обозначать и предметы, напр., „на дворе стояла чудная *постройка*“ (предмет), но „*постройка* дома длилась целое лето“ (действие).

---

[1]) Произносится: ний-ь.

— *б* (а): ходьба (ходить), косьба (косить), молотьба (молотить).

— *ств* (о): баловство (баловать), воровство (воровать), производство (производить); состояние: превосходство (превосходить).

Одним из способов образования новых слов является *словосложение*. Сложные слова возникают на почве словосочетаний. Это особенно видно на таких случаях, как: сорвиголова, перекатиполе, скопидом, сумасшедший, немогузнайка, а также на таких случаях, где в первой части какая-нибудь падежная форма, напр.: полушубок, двуколка, жаритица, полночь (полуночи).

Самый распространенный способ сложения слов при помощи так называемых соединительных звуков *о* или *е* [1]).

Этот тип сложных слов возник очень давно (в индоевропейскую эпоху); *о* — окончание основы (*е* — после мягкости). Многие из этих слов — результат перевода с иностранных языков. Соотношение между частями сложных слов — различное, в зависимости от значения составляющих частей. Все слова можно разделить на две группы: 1) Сложные слова с непроизводными словами во второй части сложения и 2) сложные слова с производными словами во второй части сложения. Первую группу можно разбить на подгруппы по большей или меньшей однородности соотношения частей, вторую — по суффиксам.

1) *Сложные слова с непроизводными словами во второй части сложения*:

а) водовоз, полотер, дровосек, садовод, хоровод, злодей, ротозей, паровоз, пароход, бурелом, водоворот, водопад, листопад, водолаз, домосед, рукопись.

б) самовар, самолет, самокат, краснобай, скороход, теплоход, быстроход,

в) лежебок.

г) лжепророк.

2) *Сложные слова с производными словами во второй части сложения*:

а) мореплаватель, благодетель, лжесвидетель.

б) земледелец, домовладелец, баснописец, броненосец.

в) буревестник.

г) поломойка, судомойка, белошвейка.

д) военнопленный, главноуправляющий.

е) земледелие, малодушие, благоухание, долготерпение.

з) садоводство, скотоводство, единоборство.

Неологизмы, как мы уже видели, создаются по анологии тех соотношений, которые существуют. Приведу несколько примеров:

---

[1]) Произносятся различно в зависимости от положения по отношению к ударению.

„Поэты, размокшие в плаче и *всхлипе*“ (Маяковский).

„Ожидаем: синий *сверк*
к нам прольется“,... (Асеев).

Подчеркнутые слова, а также „промелькъ“ И. Северянина образованы по такой аналогии: скокнуть: скок, прыгнуть: прыг > всхлипнуть: *всхлип*, сверкнуть: *сверк*, промелькнуть: *промелькъ*.

„... шел я ошельмованный *связень* с полицейским“ (А. Белый). По аналогии таких соотношений, как баловать: баловень образовано к связать — *связень*.

По аналогии скакать: скакун Блок образовал к летать — *летун*.

Вместо бездарность, влажность И. Северянин употребил как-то *бездарь, влажь*. Можно предположить такие соотношения: тварный: тварь, гарный [1]): гарь > бездарный: *бездарь*, влажный: *влажь*.

Сложное слово *снегометы* (А. Белый) образовано по аналогии пулемет, банкомет; *снегопись* (у него же)—по аналогии рукопись, иконопись.

Сокращения. В настоящее время названия учреждений, должностных лиц, должностей образуются особым способом — посредством сокращений полных названий. Сокращения эти производятся по различным принципам, а именно:

1) Название составляется из начальных звуков полного названия учреждения, напр., ГУМ—*Г*осударственный *У*ниверсальный *М*агазин, ФОН — *Ф*акультет *О*бщественных *Н*аук, ОЛЯ—*О*тделение *Л*итературы и *Я*зыка.

2) Название составляется из названий начальных букв, напр.: Энкапеэс (НКПС) — *Н*ародный *К*омиссариат *П*утей *С*ообщения, Эрэсэфэсэр (РСФСР) — *Р*оссийская *С*оциалистическая *Ф*едеративная *С*оветская *Р*еспублика.

3) Из полного названия берутся только начальные слоги, из сочетания которых и образуется название, напр.: Совнархоз — *Сов*ет *Нар*одного *Хоз*яйства, Совдеп — *Сов*ет *Деп*утатов.

4) Из первого слова полного названия берется начальный слог, а второе слово присоединяется к нему целиком, напр., Полит-Управление (Политическое У.), прод-работа (продовольственная р.), Рев-трибунал (*рев*олюционный тр.).

5) Иногда смешиваются 1 и 3 принципы, напр.: Пуарм — *П*олитическое *У*правление *Арм*ии.

6) Есть и более или менее произвольные сокращения, напр.: Тис (*Т*ехнический *Ис*пектор).

Некоторые из этих сокращений, как, напр., Моно (см. выше), не имеют форм словоизменения, но большинство склоняется по аналогии

---

[1]) Ср. *гарное* масло.

падежных слов, напр., стол: стола > Гум: Гума, Наркомпрос: Наркомпроса.

До войны у нас такие сокращения были очень редки, напр.: Спа (*С*анкт-*П*етербургское Телеграфное *А*гентство), продамета (продажа металлов). Это — большею частью условные телеграфные сокращения. Во время войны их возникло большое количество. Это вызывалось необходимостью, при телеграфных военных сообщениях, пользоваться наиболее краткими адресами. Особенно большое количество сокращений появилось после октябрьской революции вместе с возникновением множества новых учреждений.

в) Родовые слова.

О тех родовых словах, которые входят в состав глагола, по формам словообразования, см. выше (стр. 51 и сл). Остальные родовые слова, с точки зрения форм словообразования, можно разделить на две группы: 1) родовые слова с непроизводными основами и 2) родовые слова с производными основами.

Родовые слова с непроизводными основами обозначают качества, как присущие какому-нибудь предмету, напр.: хороший, добрый, гордый, твердый, острый, синий, белый, голубой.

Родовые слова с производными основами имеют очень разнообразные значения. Обзор их удобнее всего сделать по суффиксам. Самый употребительный суффикс *-н-*(ый). Слова с этим суффиксом обозначают: *качества*, напр., сильный (сила), отважный (отвага), влажный (влага), темный (тьма); *отношение к материалу*, напр., медный (медь), железный (железо), войлочный (войлок), зеркальный (зеркало); *отношение ко времени*: осенний (осень), зимний (зима), вечерний (вечер), ночной (ночь) и др.

Суффиксы -ин,-ий (в других формах-j-), -овск(ий), -ск(ой) обозначают *принадлежность*, напр., Колин (Коля), дядин (дядя), сестрин (сестра), волчий, волчья (волк), лисий (лиса), медвежий (медведь), отцовский (отец), городской, (город), сельский (село).

Суффиксы-*ов-*(ый),-*янн-*(ый),-*ян-*(ой) обозначают отношение к материалу: сосновый (сосна), липовый (липа), дубовый (дуб), барашковый (барашек), изразцовый (изразец), деревянный (дерево), стеклянный (стекло), оловянный (олово), шерстяной (шерсть), жестяной (жесть), ледяной (лед), костяной (кость).

Суффикс -*шн*-(ый) обозначает *отношение ко времени*, напр., завтрашний (завтра), вчерашний (вчера), сегодняшний (сегодня), давнишний (давно); *отношение к месту*, напр.: здешний (здесь), тамошний.

Суффикс-*ат*-(ый) обозначает „обладающий чем-нибудь“, напр.: бородатый (борода), усатый (усы), косматый (космы), рогатый (рога), полосатый (полоса), женатый (жена).

Суффикс-*ок*-(ий) обозначает отношение к величине, напр.: широкий (ширь), глубокий (глубь), далекий (даль), высокий (высь).

Суффикс-*оват*-(ый) с значением „уменьшительности“, напр.: беловатый (белый), староватый (старый).

Суффикс-*ущ*-(ий) с значением „увеличительности“, напр.: большущий (большой), хитрущий (хитрый).

Суффикс-*еньк*-(ий) с оттенком „ласкательности“, напр.: хорошенький (хороший), беленький (белый).

Сложные слова образуются почти исключительно при помощи „соединительной гласной“ (см. выше)-*о*-, напр.: широколицый, черноглазый, сухорукий. Многие из них создались под влиянием иностранных языков, напр.: „широкошумящее (море)“, „широковершинных (дерев)“ — у Жуковского.

Без „соединительной гласной“ только сложения с словами, обозначающими числа, напр.: сорокалетний, двухаршинный, пятиэтажный, трехстепенный.

Степени сравнения. Родовые слова, по основным принадлежностям, ассоциируются со словами, не имеющими форм словоизменения. Возьмем ряд соответствий;

сильн-ее	добр-ее	светл-ее	быстр-ее	шир-е	больш-е
сильн-ый	добр-ый	светл-ый	быстр-ый	широк-ий	больш-ой.

В результате приведенных ассоциаций в слове *светлее* и др. выделяется суффикс — *ее* (*-е*).

Формы с суффиксом -*ее*-(*е*) обозначают большую степень качества сравнительно с тем, что обозначается формами без этого суффикса. Формы — сильнее и т. п. принято называть *сравнительною степенью*; формы без этого суффикса называются *положительною степенью* — название чисто условное, обозначающее только то, что эти формы не являются сравнительной и превосходной (см. ниже) степенью.

Относительно суффикса — *ее* надо заметить, что он может быть или ударяемым, как в приведенных примерах, или безударным, напр.: счастли́вее [1]) (счастли́вый), лука́вее (лука́вый).

При образовании сравнительной степени посредством суффикса — (всегда неударяемый) надо обратить внимание на чередование согласных:

---

[1]) Произносится: „-в-ьjь“.

к/ч: крепкий — крепче, мягкий — мягче, легкий — легче.
х/ш: сухой — суше, тихий — тише.
ст/щ (ш); густой — гуще, чистый — чище, простой — проще.
зд/зж (ж); поздний [1]) — позже.
в/вл; дешевый — дешевле.
т/ч; короткий — короче, крутой — круче.
д/ж: жидкий (жидок) — жиже, редкий — реже.
с/ш: высокий — выше.
з/ж: низкий (низок) — ниже, близкий — ближе.

В словах тоньше (тонкий), дальше (далекий) выделяется как суффикс сравнительной степени — *ше*; в слове глубже (глубокий) — суффикс — *же*.

При образовании сравнительной степени есть явление *сплетения основ*, напр., хороший — лучше, малый — меньше.

Возьмем еще два ряда ассоциаций между родовыми словами:

сильн-ейший красн-ейший легч-айший крепч-айший
сильн-ый красн-ый легк-ий крепк-ий.

Благодаря этим ассоциациям выделяются суффиксы -*эйш*(ий), -*айш*(ий), — второй — после шипящих.

Формы с суффиксами -*эйш*-(ий), -*айш*-(ий) выражают наибольшую степень качества по сравнению с формами без этих суффиксов (положительная степень). Формы с этими суффиксами носят название *превосходной степени*.

Есть еще два способа образования превосходной степени: 1) при помощи суффикса-*ш*-(ий), напр., высший (высокий), низший (низкий); 2) при помощи приставки *наи*, напр.: наибольший (большой), наилучший (лучший), наименьший (меньший).

Неологизмы. По аналогии дядя: дядин у А. Белого образовано (ребенок): *ребенкин*: „*ребенкины* слезы“. У него же по аналогии отец: отцовский > сентябрь: *сентябревский*; волна: волнистый > туман: *туманистый*.

У Маяковского: „Плавлю лбом стекло *окошечное*“ создано по аналогии: крошка: крошечный > окошко: *окошечный*.

Сложное слово *легколистая* А. Белым создано по аналогии легкокрылая и т. д.

---

[1]) С точки зрения произношения здесь надо говорить о чередовании з/ж: Произносится — позний — пожь. Надо бы говорить о суффиксе-ь-, а не-е.

II. Синтаксис.

1. История развития синтаксиса.

Понимание синтаксиса за долгое время его существования было далеко не одинаково. И в настоящее время нет полного согласия в понимании предмета синтаксиса. Разобраться в различных направлениях будет легче всего, исходя из исторического очерка развития понимания синтаксиса. Его я и предпосылаю изложению синтаксических явлений русского языка.

Синтаксис создан александрийским ученым — Аполлонием Дисколом (II в. нашей эры). Он первый написал сочинение — „о синтаксисе".

Свою задачу Аполлоний Дискол определяет во вступлении к синтаксису так: „В предшествующих сочинениях нами излагалось учение о формах слов, а в этом — будет речь *о соединении их* в предложение. Его я буду излагать как можно точнее, так как это важно для толкования поэм" [1]).

Далее Аполлоний поясняет свое определение: „Уже элементы (буквы) и слоги обнаружили построение, определенное известными законами, сообразно с этим так же соединяются и слова, так как каждое слово со своим значением представляет некоторым образом элемент речи (предложения). Как из букв составляются слоги, из слогов слова, так из правильно соединенных слов составляются предложения".

Итак, Аполлоний спрашивает, не из каких частей составлено предложение, но — *как соединяются слова в предложении.* Он ничего не говорит о субъекте и объекте, предикате и аттрибуте. Вместо этого у него говорится только об отношении между словами. В его синтаксисе всегда говорится о соединении двух слов и не может быть речи о синтаксисе одного слова.

У Аполлония Дискола не было предшественников, не было и продолжателей. Дальнейшее развитие синтаксиса идет помимо его влияния, и только в наше время опять вспомнили Аполлония Дискола и возвращаются к его пониманию синтаксиса, но об этом ниже.

В средние века возникло новое понимание синтаксиса, которое лучше всего назвать *априористическо-логическим.* Оно господствовало очень долго, начиная с средних веков до XVIII века и даже в девятнадцатом веке, а в школьном синтаксисе и до наших дней.

В средние века, при изучении грамматики, главный интерес сосредоточивался на синтаксисе. Грамматика стала спекулятивной нау-

---

[1]) Разумеются Гомеровские поэмы — „Илиада" и „Одиссея".

кой, назначение которой было—объяснять, исходя из общих принципов. Так как внешняя сторона языка отодвигалась на задний план, то все языки в своей основе казались тожественными. В то время не грамматик, а философ, прилежно наблюдающий истинную природу вещей, создавал грамматику. И философ этот, по замечанию Дельбрюка [1]), и в грамматике — схоластик, и, если можно применить здесь терминологию того времени — *реалист*: *universalia* (общие понятия), т.-е. в нашем случае грамматические понятия, были для него *ante rem* (до вещи) — *априоризм*. Особенно усердно занимались тогда основными значениями частей речи, которые стали необходимою составной частью синтаксиса. *Возрождение* в этом отношении продолжало традиции средневековых схоластиков.

Я остановлюсь на наиболее типичных представителях априористическо-логического направления — Санкциусе, Антуане Арно и Беккере.

Испанец *Санкциус* (Sanctius) жил в конце XVI и в начале XVII в. Он имел в свое время большое влияние. С схоластиками его роднит, во-первых, *априоризм*: факты ему нужны только для иллюстрации логических рассуждений, в которых для него самая суть; а во-вторых, его сближает с схоластиками то место, которое он отводит синтаксису: это — самая главная часть грамматики.

У Санкциуса наиболее интересно учение о частях речи. Их, по его мнению, *три*: имя, глагол, частицы. Это деление он заимствовал у арабов, нисколько не заботясь, насколько оно соответствует фактам латинского языка.

Особенное влияние имел Санкциус как основатель теории эллипсисов (опущений). Теория эта — несомненное порождение априоризма. Грамматику при этом предоставлялся полнейший произвол в суждении о том, что пропущено и что подразумевается. Следы этой теории сохранились до сих пор в школьном учении о сокращении предложений.

Благодаря знакомству с немногими языками, а главным образом благодаря априористической точке зрения, все языки, повторяю, казались в существенном одинаковыми, что естественно наталкивало мысль на создание *общей грамматики*. Первая из них, предшественница целого ряда подобных,—„Grammaire général et raisonnée de Port Royal“— Антуана Арно (1612 — 1694), которая вышла в 1-м издании в 1676 году.

Фактический материал, на котором основана эта грамматика, очень невелик: привлечены языки — латинский, греческий, в наибольшем

---

[1]) Vergleichende Syntax, I, 14.

объеме французский и в незначительной степени — еврейский. Изложение ведется так, что всегда спрашивается, для какой цели изобретена та или другая форма.

В синтаксисе автор исходит из определения предложения: „Суждение, которое мы составляем о вещах, как, напр., „la terre est ronde“ (земля — кругла), называется предложением.“ Таким образом, каждое предложение необходимо заключает два члена; один — тот, о котором утверждают, называется субъектом, здесь — la terre; другой — то, что утверждают — аттрибут, здесь — ronde, и еще связь между обоими членами — *est*.

Легко видеть, говорит Арно, что два первых члена относятся к первой стадии деятельности ума, так как это — то, что мы воспринимаем, объект нашей мысли; а связка относится ко второй стадии, которая, собственно, и есть деятельность нашего ума, способ нашего мышления.

Сообразно с этими двумя главными частями суждения, части предложения делятся не на три класса, как у Санкциуса, а на два. К первому принадлежат те, которые обозначают предметы нашей мысли, именно — имя, член, местоимение, причастие, предлог и наречие; ко второму классу — те, которые обозначают форму и способ нашего мышления, именно — глагол, союз и междометие.

Относительно отдельных частей речи надо заметить, что в имени различается существительное и прилагательное, чего не было у александрийских грамматиков. Очень характерно то, что говорится о роде прилагательных и существительных. „Так как прилагательные по своей природе относятся ко многим существительным, то, чтобы сделать речь менее неясной, а также, чтобы украсить их разнообразием окончаний, нашли нужным изобрести в прилагательных различия окончаний сообразно с существительными, к которым они присоединяются“. „Установление или различение родов в существительном вполне произвольно, не имеет никакого рационального основания, не приносит ни малейшей пользы и представляет много неудобств“.

Еще более характерно для априористическо-логического направления определение глагола: „это — слово, главное употребление которого — служить утверждением, т-е. обозначать, что речь человека не только воспринимает вещи, но и судит о них и делает утверждение“. „Согласно с этим можно сказать, что глагол сам по себе не должен иметь иного употребления, как обозначать связь, которую мы создаем в уме, двух членов предложения“. Таким образом, в латинском языке только *esse* или даже *est* — глагол. С ним соединяется множество аттрибутов, и так произошло в каждом языке большое разнообразие глаголов.

К этой мысли, замечает Дельбрюк (цит. соч., 22), что *быть* — единственный глагол и что он входит во все другие, должен прийти каждый, кто в предложении видит воплощение логического суждения. Эта мысль есть уже у Аристотеля, по мнению которого εἶναι (*быть*) — чистый глагол, который содержится в каждом глаголе; так „человек идет“ — то же самое, что „человек идущий есть“.

Третий представитель априористическо-логического направления — немецкий ученый Карл Фердинанд Беккер — относится уже к девятнадцатому веку. Ему принадлежат сочинения — „Организм языка“, 1 изд. 1827 г. и „Полная немецкая грамматика“ [1]) 1 и 2 ч. (1836 г.), 3 ч. (1839 г.).

„Логика, говорит Беккер (Орг., XVIII), одна и одни формы мысли для всех народов; поэтому языки, как органические воплощения мысли, должны были бы различаться между собою только по звукам, а не по значению своих форм, должна существовать одна грамматика, равно обязательная для всех языков“.

Именно эти соображения, как мы видели, привели к созданию общей грамматики.

„Но в действительности, продолжает Беккер, одни языки богаче формами, другие — беднее“, и это он объясняет таким образом: „формы выражения обусловлены фонетическим развитием языка; поэтому отношения во всех языках, различаемые в *мысли*, не во всех изображаются звуковыми формами, им исключительно принадлежащими“.

Уж это рассуждение показывает, что от логических категорий (от отношений, различаемых *в мысли*), при изучении языка, исходить нельзя, но Беккер этого не замечает. Так, отсутствие флексий в китайском языке он признает неорганическим, уродливым. (Орг., XVIII, § 9). Ясно, что понятие Беккера об органическом, неуродливом (нормальном), чисто произвольное, и эту произвольную мерку он прилагает к языкам, стараясь уложить их в свое Прокрустово ложе. Таким способом совершенно невозможно понять особенности любого изучаемого языка. По справедливому замечанию Потебни (Мысль и язык 4,17); так „можно дойти до того, что не останется в языке ничего нормального. Напр., если положим, что самое согласное с логикою число падежей — это 2 прямых (именительный и звательный) и 3 косвенных (винит., род., дат.), как в греческом, — то не только языки, вовсе не имеющие падежей, но латинский со своими шестью, славянский с семью, санскритский с восемью — окажутся уродливыми“.

---

[1]) „Organism der Sprache“, „Ausführliche deutsche Grammatik“. Сокращенно обозначаю первое сочинение *Орг.*, второе *Грам.*

В синтаксисе Беккер, как и А. Арно, исходит от предложения. „Словесное выражение мысли называется *предложением*“. Каков состав предложения? „Каждое предложение, напр., „птица летит“, состоит из сказуемого и подлежащего“.

Под сказуемым мы понимаем понятие действия, высказываемого относительно предмета, и в то же время *выражение* этого понятия в предложении, а под подлежащим — понятие предмета, относительно которого высказывается действие, и в то же время выражение этого понятия в предложении. Мы называем, дальше, отношение сказуемого к подлежащему *предикативным* (сказуемостным) отношением и сказуемое и подлежащее — членами предикативного отношения.

Каждое предложение выражает только *одну* мысль; содержание мысли выражает, собственно, сказуемое, что видно между прочим из того, что сказуемое всегда выражается словом, обозначающим понятие, а подлежащее очень часто выражается словом, обозначающим отношение, напр., *он*, или даже только окончанием, напр., лет-*ит*. В этом смысле мы называем сказуемое *главным понятием* и выражение его *главным словом* предикативного отношения; наоборот, понятие подлежащего — *относительным понятием*, т.-е. понятием, к которому отнесено сказуемое, и выражение его — *относительным словом* предикативного отношения“. Так определяются подлежащее и сказуемое; затем идет речь о других частях предложения.

Для понимания дальнейшего необходимо иметь в виду, что, по Беккеру, прилагательные, как и глаголы, выражают действия, только в скрытом виде, так, напр., *белый* почти равняется, по его мнению, *белеет*, *робкий — робеет*. Это напоминает мысль Аристотеля, по мнению которого „*ходит*“ равняется „*ходящий есть*“.

„Подлежащее предложения, продолжает Беккер, может получить распространение, входя в понятие действия в *аттрибутивное отношение*, напр., *пестрая птица*; и мы называем это понятие действия (пестрая), употребленное по отношению к предмету (птица), и его выражение — *аттрибутом*“.

„Аттрибутивное отношение выражает только *одно* понятие, понятие предмета. Два понятия могут органически стать одним понятием только таким образом, что одно понятие так воспринимает в себя другое, что они относятся друг к другу, как два соединенных в органическое единство элемента..., при чем неопределенное понятие индивидуализируется другим понятием. В аттрибутивном отношении — неопределенное понятие предмета (птица) посредством особого понятия действия, высказываемого относительно его (пестрая), индивидуализируется в особое понятие — *пестрая птица* (напр., дятел)“.

В аттрибутивном отношении индивидуализирующее понятие (аттрибут) Беккер называет *главным понятием*, его выражение — *главным словом*. Таким образом, с логической точки зрения, сказуемое и аттрибут, одинаково высказывающие относительно предмета, не различаются. Это доказывает, что, исходя из логики, нельзя установить синтактических категорий, так как, по удачному выражению Потебни, „для логики словесное выражение примеров ее построений безразлично“ („Из записок по русской грам. 2,60).

Можно было бы это положение иллюстрировать и другими примерами из Беккера, но думаю, что достаточно и приведенного случая, и потому перехожу к классификации придаточных предложений, которую Беккер дает в своей грамматике (стр. 231 сл.).

„Простое предложение,— говорит он там,— напр., „хороший товар легко найдет себе покупателя“ становится *сложным* предложением, если один из его членов, напр., *хороший*, получает распространение, напр., „товар, который хорош, легко находит себе покупателя“. Распространен может быть каждый член предложения. Такой распространенный в целое предложение член предложения называется придаточным предложением“.

„Придаточные предложения, смотря по понятию, которое они — в форме предложения — выражают, разделяются на предложения-*существительные*, которые заступают место существительных, напр., „кто лжет (лжец), тот крадет“, и предложения-*прилагательные*, стоящие вместо прилагательных, напр. „товар, который хорош... (хороший)“.

Предложения-*существительные* могут быть разделены по способу отношения их к главному понятию (сказуемому) на:

а) *Именительные предложения*, которые выражают подлежащее, напр. „*Кто прикоснется к смоле*, тот испачкается“,

в) *Падежные предложения*, которые выражают *объект*, распространяющий сказуемое главного предложения, напр., „Он убедил меня, *что только вам одному подобает царствовать в Англии*“.

с) *Наречные предложения*, которые выражают *объект*, определяющий сказуемое главного предложения, напр., „*Когда долг службы призывал его во Францию*, он послал меня в Реймс“.

Как видим, Беккер и здесь в своей классификации придаточных предложений руководствуется не формальными признаками, а логическими рассуждениями. Он даже сам замечает, что эта классификация не особенно применима к фактам языка, и старается дальше немного ее исправить.

„Так как *именительные* предложения,— говорит он,— по форме нельзя отличить от *падежных*, то мы соединяем их вместе с падеж-

ными и различаем... три рода предложений: падежные, наречные и прилагательные".

Но эта классификация и вообще не выдерживает критики, так как исходит из ложного положения, будто придаточные предложения являются в результате распространения членов простого предложения; на этом основании Беккер приравнивает их к частям речи, выражающим члены простого предложения. На самом деле происхождение придаточных предложений совсем иное. Есть, кроме того, такие придаточные предложения (условные и уступительные), которые не имеют даже ни малейшего соответствия в членах простого предложения. Впрочем, вопроса о главных и придаточных предложениях, как и о сочинении и подчинении, я коснусь позднее.

У нас к априористическо-логическому направлению принадлежит Буслаев (Историческая грамматика русского языка) [1]), находившийся под большим влиянием Беккера.

И Буслаев, как Беккер, исходит из логических категорий, а потом уже говорит о выражении их в языке.

„Язык служит нам,— говорит он,— для взаимной передачи мыслей, т.-е. представлений, понятий и суждений. Поэтому должно знать: 1) что есть представление, понятие и суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими".

С этим вполне можно сравнить выражение Беккера, что языки — „органические воплощения мысли".

В синтаксисе Буслаев тоже исходит от предложения, и главный его вопрос — каков состав предложения:

„Предложение, как суждение, выраженное словами, состоит из подлежащего и сказуемого". „Подлежащее и сказуемое именуются *главными* членами предложения, в отличие от других слов, которые их объясняют и дополняют и называются членами *второстепенными*".

Но здесь Буслаев совершенно справедливо замечает, что „в логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее и логическое сказуемое". Отсюда следует, что выделение второстепенных членов предложения с логической точки зрения не возможно, так как с этой точки зрения в предложении можно различить только два „главных" члена. (Ср. с этим то, что говорит Арно: „каждое предложение необходимо заключает два члена", а также Беккер: „каждое предложение состоит из сказуемого и подлежащего".)

---

[1]) Подробнее о Буслаеве см. в моем „Очерке синтаксиса русского языка" 1923, стр. 5 сл.

Для выделения второстепенных членов предложения приходится выбирать другое основание. Буслаев выбирает их два: 1) синтактическое употребление и 2) значение.

По синтактическому употреблению: слова *согласуемые* — определения, *управляемые* — дополнения, *несогласуемые* и *неуправляемые* — обстоятельства.

Этот принцип — формальный, но он не дает основания для разделения членов предложения на главные и второстепенные: и главные члены соединяются при помощи согласования.

Классификация по значению перекрещивается с классификацией по синтактическому употреблению и вносит большую путаницу:

„Определительные (слова) присовокупляются к другим словам для означения признаков, по вопросам: какой? чей? который? сколько?“ Сам же Буслаев замечает, что „эти слова или согласуются с своими определяемыми или не согласуются“. И действительно, признак может быть выражен весьма различными синтактическими конструкциями; а также — на один и тот же вопрос можно ответить различными синтактическими конструкциями, напр.: „идет *рыжий* человек“ (какой?), идет человек *с рыжими волосами* (какой человек?). Определение, с этой точки зрения, заключает в себе и согласуемые слова (определения с 1-ой точки зрения) и управляемые (дополнения с 1-ой точки зрения).

Точно так же стирается граница между дополнениями и обстоятельствами.

„Дополнительными словами означается отношение действия к предмету, который подлежит действию, и к лицу действующему“. „Слова обстоятельственные употребляются в предложении для означения обстоятельств места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины...“

Эти „обстоятельства“ могут быть выражены не только словами несогласуемыми и неуправляемыми, как напр.: „Я сижу *здесь*“, „Он говорит *громко*“, но также и словами управляемыми, напр.: „*Лесом* раз лиса бежала“, „*В долгу ночь на ветке* дремлет“...

Классификацию придаточных предложений делает Буслаев не по частям речи, как Беккер, а по частям предложения, но основание классификации — такое же, как у Беккера: „каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого (этой оговорки нет у Беккера), может быть выражен предложением придаточным, а именно: 1) подлежащее, напр., „*кто вспыльчив*, тот не зол“ (-вспыльчивый не зол). 2) Дополнение, напр., „говори, *что́ полезно*“ (-говори полезное). 3) Определение, напр., „интересно беседовать с человеком, *который многое испытал* (-с человеком опытным). 4) Обстоятельство: а) места, напр.,

„Ленинград стоит там, *где Нева впадает в Финский залив*“ (-при впадении Невы в Финский залив)... и др., б) времени, в) образа действия, г) меры и счета, д) причины.

Теория сокращения придаточных предложений полна произвола. Почему, напр., „*кто сеет*, тот ожидает жатвы“ надо сократить — „*сеятель* ожидает жатвы“, а не „*сеющий* ожидает жатвы“. Кроме то го причастные конструкции гораздо древнее тех придаточных предложений, сокращением которых их считают: конструкция — „человек, *принесший* пользу отечеству, достоин уважения — древнее, чем конструкция: „человек, *который принес* пользу отечеству, достоин уважения“.

Априористическо-логическое направление продолжает свое существование в школьном синтаксисе.

При возникновении научного языковедения, отношение к фактам языка, как мы видели, коренным образом изменилось. Научное языковедение обратило свои усилия, на первых парах, почти исключительно на фонетику и морфологию. Синтаксис долго оставался на втором плане. Впервые применил сравнительный метод в области синтаксиса греческого языка — Георг Курциус в сороковых годах прошлого века, но только Дельбрюк применил его ко всей области индоевропейских языков.

В 1-ой части своего „Сравнительного синтаксиса“ [1]), вышедшем в 1893 г., Дельбрюк так говорит об этом: „Сочинение, первую часть которого я предаю гласности, носит заглавие: „Сравнительный синтаксис индоевропейских языков“. В нем делается попытка применить в синтаксисе те научные приемы, которые в области этимологии, фонетики и морфологии привели к важным результатам... Подобной попытки, по крайней мере, в таком объеме еще никто не предпринимал“.

Результаты и в синтаксисе оказались очень важными. Так, напр., было установлено, что все падежные конструкции отдельных индоевропейских языков — очень древни, восходят к индоевропейскому праязыку. Там их было гораздо больше, а в отдельных языках количество их уменьшилось благодаря совпадению (синкретизму) падежей. Предложные конструкции гораздо более позднего происхождения. В индоевропейском праязыке, надо думать, не было так называемых придаточных предложений.

Эти и многие другие явления доказывали, что синтактическая система языка изменяется. Отсюда сейчас же был сделан вывод, что

---

[1]) „Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen“ вышел как 3, 4 и 5 томы „Grundriss'a der vergleichenden Grammatik“. Другие томы написаны Бругманом и заключают фонетику и морфологию. Первая часть синтаксиса вышла в 1893 г., вторая — в 1897 году и третья — в 1900 г.

не возможно синтактические категории выводить из логических: логические категории—неизменны, синтактические постоянно меняются.

Далее, пришли к различению *общих значений* формы или синтактической конструкции и *основных значений*. Об общих значениях говорила логическая грамматика. „Они добывались,— как говорит Бругман (Греческая грамматика) [1],— таким образом, что отдельные употребления какой-нибудь формы приводились к высшему, более общему понятию; оно, таким образом, только *общая формула*, к которой пытались сводить отдельные функции, и имеет, как продукт логической абстракции, значение только для ориентировки".

Основные значения представляют „первоначальные функции, из которых с течением времени развились отдельные значения, это, строго говоря, те функции, которые форма имела в момент ее возникновения".

Задача *исторического синтаксиса*, по мнению Бругмана и Дельбрюка, в том и заключается, чтобы 1) отыскивать основные значения и 2) изучать их развитие на почве отдельных языков.

Понимая так задачу синтаксиса и совершенно порывая, таким образом, с априористическо-логическим направлением, Дельбрюк (и Бругман) заимствовал у этого направления понимание предмета, содержания синтаксиса.

Дельбрюк понимает синтаксис, как учение о предложении и его частях. В своем синтаксисе учению о предложении он предпосылает учение о частях речи, что занимает у него первых два тома, и только третий посвящен собственно учению о предложении.

Правда, это сходство только внешнее. Предложение Дельбрюк определяет совсем иначе: „предложение — это выражение, происходящее при помощи членораздельной речи и являющееся для говорящего и слушающего, как связное и законченное целое" [2].

Внешнее сходство продолжается и дальше. Части предложения Дельбрюк делит на *обязательные* и *факультативные* (возможные), что соответствует — главным и второстепенным. Признавая существование одночленных предложений, сам Дельбрюк признает, что и „обязательные" члены предложения могут отсутствовать.

Обязательные члены предложения — подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат). Под *субъектом* Дельбрюк понимает „образующее центр высказывания существительное, стоящее в именительном падеже", под *предикатом* — то, что высказывается о субъекте.

---

[1]) Brugmann, Griechische Grammatik, 4 изд. 1913 г., стр. 11 сл.

[2]) У Дельбрюка есть и другое определение предложения (III, 4): „Предложение, с точки зрения его формы,— то, что заключено между двумя паузами"

Определения эти, по словам самого Дельбрюка, заимствованы из логики, и они вполне совпадают с определениями априористическо-логического направления; только прибавка—„существительное, стоящее в именительном падеже“—дает подлежащему, дополнительно, и формальное определение.

Вместо второстепенных членов предложения, говорится о группах в предложении (существительное с существительным: а) в одинаковых падежах, в) в разных падежах, существительное с прилагательным и т. д.) [1]) Это и есть те сочетания слов, изучение которых считает задачей синтаксиса Аполлоний Дискол (см. выше).

Уделяется место и главным и придаточным предложениям, хотя классификация придаточных предложений делается без отношения к членам простого предложения.

Вообще система синтаксиса осталась в существенном та же, хотя внутри ее произошло много существенных видоизменений. Неудовлетворительность этой системы давно уже сознавалась. Вопрос о пересмотре ее и о более точном определении предмета синтаксиса поднял в 1894 году Рис (Ries) в сочинении, озаглавленном: „Что такое синтаксис?“ (Was ist Sytax? 1894 г.). [2]).

Рис различает три рода синтактических систем. Первую он называет „*смешанным синтаксисом*“ за то, что в этой системе синтаксиса смешано механически множество разнородных предметов: части речи, значение форм слов (род, падеж, время, наклонение, залог и др.), предложение и даже стилистика. Ярким примером такой системы может служить синтаксис Буслаева.

В противовес этой системе появилась система Миклошича в его „Сравнительной грамматике славянских языков“ [3]). Миклошич дает синтаксису такое определение: „Та часть синтаксиса, в которой говорится о значении классов и форм слов, называется синтаксисом“.

Из этого определения видно, что Миклошич совсем не включает в синтаксис ни предложения, ни вообще сочетаний слов. При таком понимании из пределов синтаксиса выпадало очень много ценного, которое, с другой стороны, не находило места ни в одном из других отделов языковедения.

Неудовлетворительность подобного понимания синтаксиса не приходится долго доказывать. К этому пониманию синтаксиса у нас примыкает Потебня (Из Записок по русской грамматике). [4])

---

[1]) Ср. этот отдел у Бругмана в „Kurze vgl. Grammatik“, 634 слл.

[2]) Подробнее о книге Риса в моем „Очерке синтаксиса русского языка“.

[3]) Vergl. Gramm. der slav. Spr. IV², 1883.

[4]) О нем подробнее в „Очерке синтаксиса русского языка“, стр. 9 слл.

К третьему роду синтаксических систем относится понимание синтаксиса, как учения о предложении. Это понимание тоже неудовлетворительно, так как 1) объединяет разнородные явления,— с одной стороны отдельные слова, являющиеся предложениями, напр., светает, смеркается, с другой — сочетания слов; 2) исключает такие сочетания слов, которые не являются предложениями (те сочетания слов, которые Дельбрюк и Бругман вводят под именем „групп в предложении").

Рис приходит к убеждению, что самое целесообразное определить синтаксис, как *учение о словосочетаниях*. Это определение совпадает с тем, которое дал синтаксису его создатель — Аполлоний Дискол. Интересно, что и теоретическое обоснование Риса очень напоминает рассуждение его далекого предшественника: „Если научный анализ, с формальной точки зрения, разлагает сложные конструкции языка на составные части, то он находит: 1) звуки, как самые малые, неразлагаемые далее единства; 2) звуки, соединенные в новые (сравнительно) самостоятельные единства, т.-е. слова; и 3) слова, соединенные в новые (относительно) самостоятельные единства, т.-е. словосочетания. Предложений формальный анализ не находит. [1])

Правда, нельзя согласиться, будто формальный анализ не находит предложений. Несомненно, предложение имеет формальные признаки, по которым мы их безошибочно выделяем из речи. Главнейший из этих признаков, по моему мнению — *интонация*. Дельбрюк указывает также и на *паузы*. Но Рис прав в том, что определяя синтаксис, как учение о словосочетаниях, мы получаем стройную систему, в основании которой — один предмет — *словосочетание* и один метод изучения.

К такому же пониманию предмета синтаксиса, независимо от Риса, пришел у нас Ф. Ф. Фортунатов. Фортунатов углубляет это понимание. Он дает такое определение словосочетания: „Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения, или выражением его части".

Если мы примем во внимание, что предложение Фортунатов определяет как выражение речи целого психологического суждения, то из определения словосочетания ясно, что словосочетания могут быть выражением целого психологического суждения, и тогда являются предложениями, но могут быть выражением только части психологического суждения, и тогда предложениями не являются, напр,: „Птица летит". „Я вижу, что *птица летит*". Во втором примере подчеркнутое словосочетание уже не является предложением, так как выражает

---

[1]) Ср. аналогию, которую проводит А. Дискол между буквой, слогом и словом

только часть психологического суждения. То же самое в примерах: „На горизонте показалась *летящая птица*“. „На дворе стояла *хорошая погода*“ и мн. др.

Таким образом, в конце своего развития синтаксис приходит к тому определению, которое ему дано было в самом начале А. Дисколом.

2. Синтаксис в школе.

Таково положение в науке! Как быть в школе? Она ищет сближения с наукой. Она ставит себе задачей — наблюдения над языком. Может ли она остаться при старом понимании синтаксиса, ведущем свое начало от априористическо-логического направления? Чтобы решить этот вопрос, достаточно окинуть взглядом систему школьного синтаксиса. Она очень проста; она слагается из нескольких положений. При этом она одинаково применима и к русскому и к французскому, и к другим иностранным языкам, так как исходит из логических категорий. Вот — краткая схема школьного синтаксиса:

Предложение — мысль, выраженная словами.

Состав предложения: *главные* члены предложения — подлежащее и сказуемое, *второстепенные* — определение, дополнение и обстоятельство.

Подлежащее — то, о чем говорится в предложении. Оно может быть выражено именительным падежем существительного, но не только им, а и всякою другою частью речи.

Сказуемое — то, что говорится о подлежащем. Оно выражается глаголом, но не только им.

Второстепенные члены предложения определяются, главным образом, по вопросам, о неудовлетворительности чего уже говорилось выше. Впрочем, всем известно, к какой путанице это ведет. Создается такое положение, что раньше, чем ответить на вопрос, надо уже знать готовый ответ, а сообразить, дойти своим умом — не возможно.

Предложения бывают 1) личные и безличные, 2) простые, слитные и сложные. Остановлюсь только на последних.

Сложные предложения состоят из двух или нескольких простых, соединенных или по способу *сочинения*, или по способу *подчинения*. Уразуметь это различие не легко, но заучить, какие союзы считаются сочиняющими и какие подчиняющими, не так трудно: союзов в общем немного, а детская память прекрасна.

Но здесь возникает еще вопрос. „Предложение — мысль, выраженная словами“. Что это определение относится только к простому предложению или к сложному? Допустим, что только к простому; но почему тогда называется предложением сложное предложение: оно

составлено из нескольких простых предложений и должно бы выражать несколько мыслей.

Допустим, наоборот, что это определение относится и к сложному предложению, которое в таком случае, как и простое, выражает одну мысль. Но почему тогда предложениями (главным и придаточным) называются части сложного предложения? Они, ведь, согласно такому пониманию, не выражают целой мысли! Эти противоречия уже отмечались, и предлагались различные выходы из затруднительного положения. Так, напр., Овсянико-Куликовский и Сакулин в своем „Синтаксисе" предлагали сложное предложение называть „синтактическим целым". Но это (и другие подобные предложения) едва ли могут считаться выходом из положения: они минуют самую сущность явления. Предложением может быть и одно слово, и словосочетание, и соединение словосочетаний, если эти образования обладают единством, находящим свое главное выражение в интонации; но об этом несколько ниже.

Изучение этой прихотливой системы школьного синтаксиса, конечно, нельзя строить на наблюдении над фактами языка: факты языка в нее не укладываются. Изучение ее поневоле должно быть догматическим.

В самом лучшем случае, в результате этого изучения ученик научается *угадывать* связь между словами. Но путем каких затрат достигается этот небольшой результат: ученик должен изучить огромное количество терминов с самыми противоречивыми определениями.

Не лучше ли было бы сразу поставить себе задачей: *изучить, как соединяются слова в предложении*, откинув весь арсенал сбивчивых терминов?

Если стать на эту точку зрения, то учеников можно подвести непосредственно к наблюдению над фактами языка; они будут делать чисто научную работу. Синтаксис при этом будет пониматься, как учение о словосочетаниях.

3. Синтактические явления русского языка.

а) Словосочетания.

В синтаксисе, как учении о способах сочетания слов,— три основных вопроса: 1) какие слова связаны между собою? 2) как эта связь выражена? 3) каковы значения, в которых употребляются словосочетания, или, другими словами, каковы функции словосочетаний?

Ответ на первый вопрос едва ли кого-нибудь может затруднить. Для него необходимо только одно — *понимание* сказанного или прочитанного.

Не трудно ответить и на второй вопрос: к нему скоро может привести наблюдение над рядом аналогичных случаев. Несколько сложнее — третий вопрос, но на нем я остановлюсь особо.

В ответах на первые два вопроса выяснятся все способы сочетания слов в русском языке, которые нетрудно затем расклассифицировать. Классификация эта — параллельна классификации слов по формам словоизменения первого рода (см. выше). Как особый фактор присоединятся еще несамостоятельные слова. Она может принять вид такой таблицы:

I. *Отношение между словами выражено формами словоизменения и несамостоятельными словами*:

1. *Формой лица*, напр., птица лети*т*, я бег*у*, вы уезжае*те*.

2. *Формой рода*:

а) *только формой рода* и числа [1]), напр., погода хороша, печка истоплена, зима настала, калачи горячи.

б) *формой рода, падежа* и числа [2]), напр., бел*ый* снег, бел*ого* снега, бел*ую* скатерть, красн*ые* сапожки.

3. *Формой падежа*:

а) *Глагол и падежное слово*, напр., стричь ножницам*и*, пахать землю, рубить дрова.

б) *Два падежных слова в разных падежах*, напр., луч солнц*а*, жажда славы.

в) *Два падежных слова в одинаковых падежах*, напр., осетин-извозчик, осетина-извозчика.

г) *Родовое* [3]) *и падежное слово*: полный падежды, высокий ростом.

4. *Формой падежа и предлогом*:

а) *Глагол, предлог и падежное слово*, напр., ехать *в* город, сидеть *на* завалинке, работать *в* поле.

б) *Падежное слово, предлог и падежное слово*, напр., поездка *в* деревню, стремление *к* просвещению.

в) *Родовое слово, предлог и падежное слово*, напр., лучший *из* всех, тяжелый *на* подъем.

5. *Союзами*, напр., Полкан *и* Барбос, „играет *и* воет"...; „*ни* огня, *ни* черной хаты"..., „все цветы *да* цветы".

6. *Несамостоятельными глаголами*, напр., год *будет* урожайный, погода *была* хороша.

II. *Отношение между словами указанными выше средствами не выражено*, напр., иди гулять, сиди молча, здесь тепло.

---

[1]) Во множественном числе только формой числа.

[2]) Во множественном числе формой падежа и числа.

[3]) В этом случае разумеются те родовые слова, которые не входят в состав глагола (см. выше). Это относится и к случаю 4, в. Во всех других случаях термин „родовое слово" употребляется без этого ограничения.

Такие парные словосочетания встречаются в речи не особенно часто. Обычно встречаются словосочетания более, чем из двух слов; в них одно и то же слово соединяется не с одним, а с двумя и даже больше. Из таких словосочетаний, состоящих из многих слов, легко выделить парные словосочетания указанных типов. Приведу несколько примеров.

Народ толпился на улице.

1) Народ толпился (отношение выражено формой рода и числа).

2) Толпился на улице (отношение выражено формой падежа и предлогом).

Вареник остановился в горле попович.

1. Вареник остановился [1])
2. остановился *в* горле
3. (в) горле попович*а* (— формой падежа).

Выражение неподдельного удовольствия распространилось по ее лицу.

1. Выражение... распространилось.
2. Выражение... удовольствия.
3. неподдельного удовольствия (— формой рода, падежа и числа).
4. распространилось *по*...лиц*у*.
5. (по) *ее* лицу.

Перехожу к третьему вопросу. Думаю, что ответы и на него не затруднят учеников (более старшего, конечно, возраста, но еще в пределах первой ступени), если иметь в виду наиболее ясные, элементарные случаи. Вообще в школе может предлагаться только самый бесспорный материал,— нельзя на школьной скамье вводить в научные контроверсы, которые часто непосильны среднему студенту. В этом часто грешила старая школа. Давая ученикам непосильную работу, она не вырабатывала навыка в научной работе, а приучала к беспочвенным блужданиям в области фантазии. Материал должен быть доступным для самостоятельной обработки учеников. В том и заключается огромная образовательная ценность языка, что он дает много такого материала, на котором ученики могут учиться методам чисто научной работы.

Наблюдения над значением (функциями) словосочетаний не могут, кроме того, не заинтересовать учеников, так как вскрывают перед ними новую и наиболее, важную сторону языка, которая в будущем (в старшем курсе русского языка) получит историческое обоснование.

Как отдельные слова, так и словосочетания имеют обыкновенно не одно, а несколько значений. Это — результат изменений, которые

[1]) Повторяющиеся случаи не поясняются.

с необходимостью переживает язык, результат, как образно выражаются, жизни языка. При своем возникновении словосочетания имеют обыкновенно одно довольно узкое употребление, которое нетрудно обозначить какой-нибудь формулой; но с течением времени употребление это расширяется и расширяется, и некоторые значения словосочетания могут очень далеко отойти от основного, так что обнять все значения одной какой-нибудь формулой было бы предприятием безнадежным да и бесполезным. В описательном синтаксисе вопрос об изменении функций словосочетания не может подниматься. Задача этого синтаксиса — описать все случаи употребления данного словосочетания; здесь же будут приведены самые элементарные случаи. Материал будет расположен согласно с приведенной выше классификацией словосочетаний.

Я совсем не буду останавливаться на порядке слов в словосочетаниях, но надо иметь в виду, что он может быть и не таким, какой дан в примерах. В примерах приведен порядок слов, наиболее часто встречающийся. Дальше я буду пользоваться примерами и с другим порядком слов, но изредка.

I. *Падежное слово и глагол в личной форме.*

В этом словосочетании чаще всего употребляются падежные слова, обозначающие одушевленные предметы. Значительно чаще из этих слов употребляются слова, обозначающие предметы в отношении к речи (я, ты, он, мы, вы, они). Наиболее частые функции этого словосочетания — две:

1) *Предмет и действие, которое он совершает*:

„Тогда *сестра* его *говорит* матери: мать, *я встану* и *отворю* ему двери“ (Лерм.).

„Твой *конь летит*, как ветер“ (Лерм.).

„И вот *догоняет* его *всадник*“ (Лерм.).

2) *Предмет и состояние, в котором он находится*:

„Что *ты спишь* под виноградником“... (Лерм.).

„У меня *болит голова*“ (Лерм.).

С этим словосочетанием очень близко ассоциируется словосочетание типа „падежное слово и глагол в прошедшем времени“, в котором отношение между словами выражено формой рода и числа. Оба словосочетания отличаются только формой времени: первое обозначает, что действие или состояние предмета относится к *настоящему* (сестра говорит, ты спишь) или *будущему* (я встану) времени, а второе то же самое выражает в прошедшем времени, напр.: сестра говорила, конь летел, ты спал. В дальнейшем к этому словосочетанию я возвращаться не буду.

II. *Родовое и падежное слово.*

Чаще всего это словосочетание обозначает:

1) *качество и предмет, которому оно присуще*:

„*Хорошему человеку* нельзя с вами жить — сгниет“ (Горький).

„*Черная морда* лошади мелькнула у его лица“ (Горький).

2) *Порядок предметов и, очень часто, временных понятий*:

„Когда медведь ушел, *другой товарищ* слез с дерева и спрашивает“...

„*Третий мужик* и говорит: „Я сейчас помирю вас!“ (Из сказки).

„Отец *четвертую неделю* сидел под арестом за подать“. (Яровой).

3) *Принадлежность предметов*:

„Отец бросил ниву и поехал сеять *барскую пашню*“. (Яровой).

„Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок *парус мой*“. (Языков).

Словосочетание типа „*человек хороший*“ может выражать, как и первое, предмет и его качество, но и в этом случае оно отличается от словосочетания типа „хороший человек“ тем, что входит в ассоциацию с словосочетаниями, в которых отношение между словами выражено и несамостоятельным глаголом, напр.:

вода тепла (1)
вода была тепла (2)
вода будет тепла (3).

Первое (1) словосочетание выражает настоящее время, второе (2) — прошедшее время, а третье (3) — будущее время.

В словосочетании типа „хороший человек“ обыкновенно на первом месте стоит родовое слово. Обратный порядок преобладает при причастиях, особенно если они связаны с какими-нибудь другими словами, напр.:

„На *корабле, выходящем* в море, сперва всегда тихо“. (Бун.).

„*Плуг, бывший* у земледельца, блестел, как серебро, и был даже еще лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской. *Плуг* же, *пролежавший* без дела, потемнел и покрылся ржавчиной“.

Причастие вместе с словами, с ним ближе связанными, выделяется обыкновенно паузами, которые на письме обозначаются запятыми.

Словосочетания, в которых отношение между словами выражено формой падежа, я перечисляю вперемежку с словосочетаниями, в которых отношение выражено формой падежа и предлогом.

III. *Глагол и винительный падеж.*

1) *Действие и предмет, который подвергается действию в полном объеме*:

„Итак, знаменитый мистер Твайт, *съев грушу...; осчастливил мир* новым открытием". (Эренбург).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„*Подумав минуту* и взболтнув ложечкой прозрачный белок, мистер Твайт твердо решил чашечку отстранить"... (Эренбург).

„Целую *зиму провел* я в экипаже". (Садофьев).

IV. *Глагол, предлог* „в" *и винительный падеж:*

1) *Действие и место, куда оно направлено:*

„Наконец, *вошел* он *в комнату*, сел на стуле и предался размышлению"... (Гог.)

„*Ковыляю* назад — *в* опустевшую *избу*"... (Неверов).

„Иногда, впрочем, *приезжаем в город* для того только, чтобы увидеться с образованными людьми" (Гог.).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„*В полдень приходил* о. Анастасий". (Неверов).

„*Веселились в* эту *ночь* и в самой Аксеновке". (Неверов).

V. *Глагол, предлог* „на" *и винительный падеж:*

1) *Действие и место, куда оно направлено:*

Потом она *опустилась на* низкий *диванчик*". (Тург.).

„А случилось то, что нельзя носа *на улицу высунуть*... (Тург.).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„Когда смеркалось, нас всех вводили в казарму, где и *запирали на* всю *ночь*". (Дост.)

„Я *на минуту останозился* в прихожей, чтоб снять калоши". (Лерм).

VI. *Глагол, предлог, „через" и винительный падеж:*

1) *Действие и место, где оно производится:*

„Тут, где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые *проезжали осенью через Диканьку*". (Гог.).

„Зурин получил повеление *переправиться через Волгу*"... (Пушк.).

„Два солдата *повели* меня *через двор* в комендантский дом"... (Пушк).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„*Через десять минут въехал* он на барский двор". (Пушк.).

„*Через минуту* мы *выехали* из слободы и помчались по гладкой дороге". (Пушк.).

VII. *Глагол, предлог* „под" *и винительный падеж:*

1) *Действие и место, куда оно направляется:*

„*Подойдут* коровы с мыком *под окошко*". (Орешин.).

„*Под уклон слетают* лепестки пушистых испарений". (М. Г.).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„А *под вечер* Гришкины товарищи *пришли*". (Зозуенко).

„Нам *под старость повезло*". (Ор.).

VIII. *Глагол и родительный падеж:*

1) *Действие и предмет, который подвергается действию не в полном объеме, а только частично.*

„Но *икры* я *отведал*,— прекрасная икра!“ (Гог.).

„Николушка *попросил* у него *табачку*“... (А. Толст.).

2) *Явление и время его совершения:*

„Как же я еще *третьего дня купил* и дорого, чорт возьми, дал“. (Гог.).

„Сия дыня *съедена такого-то числа*“. (Гог.)

Надо еще заметить особенность русского языка, общую у него с другими славянскими и с балтийскими языками: глаголы, сочетающиеся с винительным падежом, при отрицании сочетаются с родительным падежом, напр.:

„Она *не угадывает шутки, не чувствует иронии*“... (Лерм.).

„Он *не кончил фразы*“... (Лерм.).

IX. *Падежное слово и родительный падеж:*

1) *Принадлежность предмета другому предмету:*

„Утром следующего дня Нежданов отправился на городскую *квартиру Сипягина*“. (Тург.)

„Мальчик быстро поцеловал *руку матери*“. (Тург.)

2) *Часть целого:*

„Нежданов держал в руке этот маленький *кусочек картона*“. (Тург.)

„Валяются *обрывки веревок*“. (Тург.)

3) *Количество предметов:*

„Да издалека проносился дружный гам грачиный, подобный окрику *множества* тележных *колес*“. (Тург.)

„У него было *пять сестер*“. (Тург.)

„*Человек пять* плотников возились около плота“. (Тург.)

Такой порядок слов, как в последнем примере, связан с значением приблизительного количества.

X. *Глагол, предлог „до“ и родительный падеж:*

1) *Действие и место, куда оно направляется:*

„А проехать в санях можно?— спросил он *провожавшего* его *до дома* почтенного, похожего лицом и манерами на хозяина управляющего“. (Л. Толст.)

„Он вышел и *дошел до официантской*“. (Л. Толст.)

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„*До Аустерлицкого сражения* Борис *оставался* в Измайловском полку“. (Толст.)

„Он *не пришел* в себя *до* самой *смерти*“... (Тург.)

XI. Глагол, предлог „из“ и родительный падеж:

1) Действие и место, откуда оно направляется:

„На другой день *выехал* Чертопханов вместе с Лейбой *из Бессонова*“. (Тург.)

„Он *прибыл из Тамани* в Крым“. (Пушк.)

„Казачок Перфишка кубарем *вылетел из чулана*, в котором спал“. (Пушк.)

2) Действие и предмет, из которого что-нибудь изготовляется:

„... и казалась вся черная, точно *из* темного *дерева вырезанная*“. (Тург.)

„*Из скорлупок льют* монету
Да пускают в ход по свету“. (Пушк.)

3) Действие и способ его совершения:

„И начал он ему *кричать изо всей мочи*“. (Тург.)

XII. Глагол, предлог „из-за“ и родительный падеж:

1) Действие и место, откуда оно направляется:

„Акпм опять *вышел из-за угла*, присмотрелся и стал стрелять“. (Яковл.)

Издалека послышалось пенне, и на площадь *из-за монастыря вышла* группа вооруженных рабочих“. (Як.)

„Казалось, *из-за часовни выскочит* кто-то злой и убьет“. (Як.)

„Мальчуганы *выползли из-за лавченок* и *ящиков*“. (Як.)

2) Действие и его причина:

„*Из-за ковша*, который был один, *начались* немедленно ссоры“. (Дост.)

„А возле парохода яростно *дерутся из-за сора* розовые от заката чайки“... (Бун.)

XIII. Глагол предлог, „из-под“ и родительный падеж:

1) Действие и место, откуда оно направляется:

„Первая группа юнкеров *вышла из-под ворот*“. (Як.)

„*Из-под лестницы вышла* старуха со сгорбленной широкой спиной“. (А. Лун.)

„Она молча наблюдает, как белая струйка *бежит из-под пальцев* в молочно-смуглую пену“. (Ю. Леб.)

2) Действие и способ его совершения:

„Весь этот народ *работал из-под палки*“. (Дост.)

XIV. Глагол, предлог „от“ и родительный падеж:

1) Действие и место, откуда оно направляется:

„Тройка *отъехала от крыльца*“. (Иван.)

„Малишевский *пошел* прочь *от костра*“. (Ив.)

„Кубдя рыгнул и *отодвинулся от стола*“. (Ив.)

2) Явление и время, с которого оно начинается:

„*От роду не встречал* счастливца столь блистательного“. (Пушк.)

3) Явление и его причина:

„... *задрал* голову *от радости* и кричит“... (Нев.)

„... одни стояли, наклонив головы, точно *отяжелевшие от мыслей*“. (Нев.)

„*Охрипли от рева* киргизы и русские“. (Ив.)

4) Действие и способ его совершения:

„Лиза *хохотала от души*“. (Пушк.)

XV. Глагол, предлог „с“ и родительный падеж:

1) Действие и место, откуда оно происходит:

„... он *пошел со двора*“. (Дост.)

„... слышу, *с завода* люди *бегут*“. (Дост.)

„Он радостно *встал* в первый раз *с* болезненного *одра* и упал“. (Дост.)

„Ордынов *привстал* было *с места*“. (Дост.)

2) Явление и время, с которого оно начинается:

„*С* самого *детства* он *жил* исключительно; теперь эта исключительность определилась“. (Дост.)

„... немного времени *прошло* с того *утра*, как она ушла от него“. (Дост.).

3) Явление и его причина:

„Ему хотелось, что называется, *лопнуть со смеха*“. (Дост.)

„Вино же было крепкое, так что *с одной выпитой чарки* все более и более *мутились* глаза Ордынова“. (Дост.)

„Но она *промолчала*, очевидно, *со зла*“. (Дост.)

4) Действие и способ его совершения:

„Сшибаясь, *рубятся с плеча*“. (Пушк.)

XVI. Глагол, предлог „у“ и родительный падеж:

1) Действие и место, где оно происходит:

„Он *сел у камина*, подкинул дрова“... (Шм.)

„*У телеги посовещался* штаб“. (Ив.)

„Вот десяток людей, *толкаясь у сходень*, уходит с парохода на пристань“. (Горьк.)

XVII. Глагол и дательный падеж:

1) Действие и предмет, которого касается это действие, направленное на другой предмет:

„Необыкновенные?“ — воскликнул я с видом любопытства, *подливая ему* чаю“. (Лерм.)

„Если б у меня был табун в тысячу кобылиц, — сказал Азамат, — то *отдал* бы *тебе* его весь за твоего Карагеза“. (Лерм.)

„Послушайте, Максим Максимыч! — сказал Печорин, приподнявшись, — ведь вы добрый человек, а если *отдадим* дочь этому *дикарю*, он ее зарежет или продаст“. (Лерм.)

XVIII. Глагол, предлог „к“ и дательный падеж:

1) Действие и место, куда оно направляется:

„*Подъехав к подошве* Койшаурской горы, мы остановились возле духана“. (Лерм.)

„Селезнев *пошел к дверям*“. (Ив.)

„И телеграммы сообщили, что красные уже взяли курган и *подступили к Петропавловску*“. (Ив.)

„*Спустившись к воде*, они замерли. (Ив.)

„Баба, держа ребенка на руках, *шла* слепым, срывающимся шагом *к воротам*“. (Ив.)

2) Явление и время, когда оно происходит:

„*К вечеру стало* ему легче“. (Пушк.)

„Отдан был приказ *быть готовыми к пяти часам* утра“. (П.)

XIX. Глагол, предлог „по“ и дательный падеж:

1) Действие и место, где оно происходит:

„Уже было темно, когда мы, сойдя с берега, *перешли* проток Дуная *по* небольшому *мосту* и *пошли по* низкому песчаному *острову*, еще мокрому от только-что спавшей с него воды“. (Гарш.)

„Она стремительно *бросилась по лугу* к обрыву“. (Гонч.)

„И в самом деле Гут-Гора курилась; *по бокам* ее *ползали* легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча“... (Лерм.)

2) Явление и время, когда оно происходит:

„*По вечерам* всюду *раздавались* песни“. (М.)

„Он *гулял по утрам*“.

Он *задумывался по* целым суткам“. (П.)

3) Действие и способ его совершения:

„В таком случае извольте *действовать по законам*“. (П.)

„... они *одеты* были *по* строгим *правилам* лучшего вкуса: ничего лишнего“. (Лерм.)

XX. Глагол и творительный падеж:

1) Действие и то, чем оно производится:

„Но Демьянов уже вышел вперед, уже *махнул рукой* и рысью, отогнув полы шинели, побежал по полю“. (А. Толст.)

„Около развороченной ямы сидел солдат, *плевал грязью* и *пальцами тер* себе глаза“. (А. Т.)

„Демьянов... увидел черную бороду Аникина, *ткнул* его *сапогом* в подошву и закричал, нагнувшись“... (А. Т.)

„Аникин сердито *затряс бородой* и нагнулся, всматриваясь“. (А. Т.)

2) Действие и место, где оно происходит:

„*Лесом* раз лиса *бежала*“. (Сказка.)

„В сие время заяц выскочил из лесу и *побежал полем*“. (П.)

3) Действие и время, когда оно происходит:

„Ранней *весною* обоз *двинулся* из деревни". (М.)

„*Ночью пришел* поезд, но никто из родных не приехал". (М.)

„На охоту я *пойду утром*, пораньше, еще до свету". (М.)

4) Действие и способ его совершения:

„Ты скажи мне,...
Мой Терентий дорогой,
Как же этот жеребенок
Держит длинный хвостик свой?
— Бу-бу-бу... *Крючком* он *держит!*—
Забубнила птица вдруг"... (Сказка.)

Съехали на берег и *толпой пошли* в гору"... (Горьк.)

XXI. Глагол, предлог „за" и творительный падеж:

1) Действие и место, где оно происходит:

„*За горой гремели* выстрелы, кипел бой". (М.)

„*За* тонкой *перегородкой* кто-то громко читал газету. (М.)

„Кучка в пять человек *уселась* особо *за* большим *столом*". (Дост.)

2) Явление и время, когда оно происходит:

„*За дождями наступили* жары". (Гарш.)

„Ничтожество меня *за гробом ожидает*". (Пушк.)

3) Действие и его цель:

„Все, целой гурьбой, *пошли* в лес *за грибами*". (М.)

„Надя *отправилась* в библиотеку *за книгами*, но скоро должна вернуться". (М.)

XXII. Глагол, предлог „над" и творительный падеж:

1) Явление и место, где оно происходит:

„Угрюмый сумрак *побежал над землею*". (Тург.)

„И тотчас сзади ударил короткий выстрел, и *над головами свистнул* снаряд"... (А. Т.)

„Теперь *над овсами возникало* множество облаков". (А. Т.)

„*Над головою блестели* знакомые созвездия"... (Гарш.)

XXIII. Глагол, предлог „под" и творительный падеж:

1) Явление и место, где оно происходит:

„Он *остался под фонарем*, устремив глаза на часовую стрелку и выжидая остальные минуты". (Пушк.)

„*Обедали* они в поле *под* открытым *небом*". (М.)

„Ты *воевал под башнями* Казани"... (Пушк.)

„И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России"... (Пушк.)

2) Действие и способ его совершения:

„Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и *прогуливались под надзором* двух старух“. (Пушк.)

„Таким образом, совершала она свое воспитание, *начатое* некогда *под руководством* Мамзель Мимо“. (Пушк.).

„Ты хищный, лживый, ползающий зверь, который должен лгать, *под маской* хитрой жертву *карауля*, сам маска для себя и сам себе добыча“. (Ницше.)

XXIV. Глагол, предлог „с“ и творительный падеж:

1) Действие и предмет, совместно с которым оно производится:

„Он в этот раз без умолку *проговорил* до поздней ночи *с матерью*“. (Омул.)

„В дверях *показалась* Лизавета Михайловна *с* робко выглядывавшей у нее из-за платья *Сашенькой*“. (Ом.)

„Мне кажется, *с Вами* трудно *поссориться*“. (Ом.)

„Александр Васильевич ласково *простился с детьми*“. (Ом.).

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„В селение *пришли с рассветом*“. (А. Т.)

„Его гнев *прошел с отъездом* майора“. (Дост.)

3) Действие и способ его совершения:

„Дети *встретили* учителя *с* нескрываемой *радостью*“. (Ом.)

„Она сперва *с негодованием отвергла* гнусное обвинение“. (Ом.)

„... уже *с* некоторым *ехидством извинился* Дементий Алексеевич перед Светловым“. (Ом.)

Старый местный падеж не употребляется в русском литературном языке без предлога, а потому его обыкновенно называют предложным падежом (см. морфологию).

XXV. Глагол, предлог „в“ *и местный (предложный) падеж:*

1) *Явление и место, где оно происходит:*

„Одиноко *в стороне тащился* на истомленных волах воз“. (Гог.)

„Вареник *остановился в горле* поповича“. (Гог.)

„А ну, жена, *достань*-ка там *в возу* баклажку!“ (Гог.)

„Все как будто умерло, вверху только *в* небесной *глубине дрожит* жаворонок“. (Гог.)

„Серые скирды сена и золотые снопы хлеба станом *располагаются в поле* и качуют по его неизмеримости“. (Гог.)

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„*В молодости* он *вел* бурную жизнь“. (М.)

„Как часто *в детстве* я *играл*
Его Очаковской медалью!“ (Пушк.)

„*В прошлом году* лето *было дождливое*“. (М.)

XXVI. Глагол, предлог „на“ *и местный (предл.) падежа:*

1) *Явление и место, где оно происходит:*

„Народ *толпился на улице*“. (Пушк.)

„Наконец, заря светлого дня *появляется на востоке*“... (Дост.)

„*Служил* он *на Кавказе* прапорщиком“. (Дост.)

„Смотрю: *лежит* пес *на диване*, *на* белой *подушке*“. (Дост.)

„У ней *не было на свете* ни одного родного человека“. (Пушк.)

„*На* этих же *нарах размещалось* в одной нашей комнате человек тридцать народу“. (Дост.)

2) *Явление и время, когда оно происходит:*

„Ты к ним *на* той *неделе* зван“. (Пушк.)

„Они *познакомились* у меня *на новосельи*“. (М.)

„*На* следующей *неделе* мы *собирались* отправиться на сенокос“. (М.)

„Да вот хоть черкесы,— продолжал он:— как *напьются* бузы *на свадьбе* или *на похоронах*, так и пошла рубка“. (Лерм.)

Дальше я останавливаюсь на словосочетаниях, в которых отношение между словами не выражено формами словоизменения и несамостоятельными словами.

XXVII. Глагол и наречие.

1) *Явление и место, где оно происходит:*

„*Здесь* весело *трещал* огонь в камине, было тепло и уютно, а *там завывала* снежная буря“.

„*Далеко* ли вы *стояли* от подсудимой“? (Проц.)

„Да, я лет десять *стоял там* в крепости с ротою у Каменного брода,— знаете“? (Лерм.)

2) *Действие и место, куда или откуда оно направляется:*

„Долго *ходил* он *туда* и *сюда* по комнате“. (М.)

„Солнце садилось, крестьяне на скрипучих телегах *ехали* с сенокоса *домой*, жизнь понемногу замирала“. (М.)

„Валентина Михайловна *посматривала направо* и *налево*. (Тург.)

„Оба *подошли* к нему *справа* и *слева*“. (Тург.)

3) *Явление и время, когда оно происходит:*

„Гроза *прошла* очень *скоро*“. (Тург.)

„Это *было дивно*“... (Гарш.).

„...и до почи *оставалось недолго*“. (Тург.)

„Обед *кончился поздно*“. (Тург.)

„Он *скоро вернется*“. (Тург.)

4) *Действие и способ его совершения:*

„Сипягин *выслушал* ее до конца *снисходительно, сочувственно* и *строго*“. (Тург.)

„Марианна *поспешно вышла*“. (Тург.)

„Машурина *посмотрела* на него *хрячно*“. (Тург.)

„Из коляски *тихонько*, словно виноватый, *вышел* Нежданов“. (Тург.)

„Я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, *ласково принявшего* меня“. (Пушк.).

„Соломин посмотрел на нее и *добродушно покачал* головою“. (Тург.).

XXVIII. Глагол и неопределенная форма:

1) *Желание какого-нибудь явления*:

„Всем *хотелось итти* драться“. (Гарш.)

„Вы *вздумали спасать* меня? (Гарш.)

„*Не хочу* уж *спать*!“ (Горьк.)

2) *Возможность какого-нибудь явления*:

„Разумеется, я *могу ошибаться*“. (Дост.)

„*Не могу описать*, какой ужас выразился на лице его“... (Дост.)

„... в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она *могла* в самом деле *плакать*, то не от горя, а от счастья жить“. (Гарш.)

3) *Действие и его цель*:

„Всем хотелось *итти драться*“. (Гарш.)

„Вечер был хорошій, и мы *поехали ловить* рыбу“...

„*Пойду искать* по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок“. (Гриб.)

4) *Начало или конец явления*:

„Жаворонки *начали петь*“... (Гарш.)

„Я *начал прислушиваться*“. (Гарш.)

„Он *стал писать* дневник“. (Гонч.)

„Марфинька немного *стала бояться* его“. (Гонч.)

„И сиренево-серый очерк Стамбула *стал уменьшаться* и таять“. (Бун.)

„Вот этот-то особенный уголок я и *принимаюсь описывать*“. (Дост.)

„Романы она *начала читать*, как только *перестала учить* склады и читала их удивительно скоро“... (Лерм.)

5) *Будущее время*:

„Я к вам *буду приезжать* каждое лето; *будем* вместе *отдыхать* от тяжелой зимы и *запасаться* силами для будущего“. (Из письма).

„Если он *станет* уж слишком *шалить*, то останавливайте его“...

Как видно из приведенного материала, очень много однородных случаев. Их можно, в свою очередь, группировать. Напр., задавать такие вопросы: „Какими словосочетаниями выражается“ действие

и место его совершения“ или „явление и время, когда оно происходит“ и т. п. Я старался давать наиболее общие формулировки функций. После навыка в наблюдении их, можно переходить и к более детальным группировкам, напр., в явлении можно различать действие и состояние; но, впрочем, увлекаться слишком большой детализацией не следует. И тех элементарных наблюдений над функциями, которые даны в моем перечне, вполне достаточно для того, чтобы обратить внимание на эту важную сторону синтактических явлений и поупражняться в ней.

Условие для проведения этих занятий одно, общее, конечно, со всеми другими занятиями: преподаватель должен чувствовать под собою твердую почву. Без этого условия лучше этот отдел совсем оставить и удовлетвориться установлением способов выражения отношений между словами.

Наблюдения над словосочетаниями и их функциями дают основу для плодотворных стилистических наблюдений. Сопоставляя, с этой точки зрения, произведения отдельных писателей, учащиеся не могут не заметить, что у одних писателей преобладают одни конструкции, у других другие. Часто такие же различия можно наблюдать между произведениями одного писателя. Часто такие различия объясняются характером этих произведений, который выявляется при этом гораздо ярче и убедительнее.

б) Соединения словосочетаний

До сих пор в перечне синтактических явлений совсем не упоминалось о предложении. Здесь, мне кажется, самое удобное место познакомиться с этим понятием [1]).

Каждое словосочетание из двух или нескольких слов может употребляться или самостоятельно, напр.: „Мы нападали“. „Ловля была удачна“. — или в соединении с другими словосочетаниями, напр.: „*Мы нападали,* он защищался“. „Я догадался, что *ловля была удачна*“.

Эти *соединения словосочетаний* однородны с самостоятельно употребленными словосочетаниями в том, что и те и другие представляют единство, с внешней стороны характеризующееся *интонацией* и *паузами*, отделяющими эти единства от других подобных. Такое единство, которое по самому существенному его признаку можно назвать *интонационным единством*, я и называю *предложением*. С внутренней стороны предложение характеризуется *смысловым единством*, так что

[1]) Это замечание совсем не относится к порядку ведения занятий в школе. Там, может быть, наоборот, удобнее исходить как раз от предложения, но конечно, не в логическом его определении.

полнее определить предложение надо — как интонационное и смысловое единство. Так, напр., весь смысл соединения словосочетаний в примере — „Мы нападали, он защищался“ — в противоположении одного словосочетания другому. Словосочетание „Мы нападали“ в самостоятельном употреблении обозначает только предмет и его действие, относящееся к прошедшему времени.

Надо заметить, что предложениями являются и отдельные слова: 1) безличные глаголы, напр.: „Смеркается“. „Вечереет“, а часто и личные: „Иду“ 2) звательные формы: „Ваня“! 3) Слова — междометия: „Эй!“ (см. об этом, напр., у Бругмана: Kurze vergleichende Grammatik, 624 слл.). У них налицо все те признаки, которые выше перечислены. Это, между прочим, и является одним из оснований, что предложение не может быть положено в основу синтаксиса: тогда не получилось бы однородности предмета этой дисциплины, которая обнимала бы и отдельные слова и сочетания слов. Другое, еще более веское основание, заключается в том, что, по своему составу, предложение бесконечно разнообразно. Стоит только обратить внимание на то, что одно и то же словосочетание, как мы видели, может быть употреблено *одно*, как самостоятельное интонационное единство, или может образовать такое единство вместе с другим или несколькими другими словосочетаниями; в первом случае оно является предложением, во втором — нет.

По характеру интонации, различается три вида предложений, которые по значению, которое связано с этими интонациями, называются — *повествовательными, вопросительными* и *восклицательными*. Это различение так просто и общеизвестно, что дальше останавливаться на нем нет нужды: оно настолько очевидно, что усваивается обыкновенно безо всякого труда.

Выше уже говорилось, что предложения в речи отделяются друг от друга паузами. Есть паузы меньшие, чем между предложениями, и внутри предложений. Перечислю наиболее важные случаи.

I. Паузы внутри предложений, состоящих из одного словосочетания (двух-или многословного).

1) И в словосочетаниях из двух слов, являющихся предложениями, может быть пауза, напр.:

„Аэроплан | поднимается.“
„Солнышко | закатилось.“
„Зовут | спать“.
„А у бабушки | были?“
„Погода | превосходна!“
„Гулять | приятно.“

2) Многословные словосочетания непременно делятся паузой, по крайней мере, на две части:

„Стройный аэроплан | поднимается к облакам.“
„Июльское солнышко | плавно закатилось.“
„Гулять по парку | очень приятно.“

3) Отделяются паузами слова, находящиеся в одинаковом отношении к одному какому-нибудь слову (особенно часто это бывает при перечислениях):

„Я уйду туда, в *скучные* | *серые* стены, и *без меня*, | *без меня* совершится под темным небом великое таинство!.. (Купр.)

„Неизвестно откуда возьмутся несвойственные горам *травы*, | *цветы*, | *кусты* | и *деревья*“... (Акс.)

4) В словосочетаниях типа „хороший человек“, в том случае, когда родовое слово стоит после падежного и соединено с какими-нибудь другими словами, пауза стоит перед и после родового слова с словами, к нему относящимися (чаще всего в этих случаях употребляются причастия):

„Одинокий змеиный островок каменистый *Феодонис*, | *похожий* на черепаху, | остался вправо от нас перед вечером“. (Бун.)

„... а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной *речкой*, | шумно *вырывающейся* из черного, полного мглою, ущелья, | тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею“. (Лерм.)

„Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом *цветов*, | *растущих* в скромном полисаднике“. (Лерм.)

5) Паузами выделяются и деепричастия вместе с словами к ним относящимися:

„... петербургский покрой сюртука ввел их в заблуждение, но скоро, | *узнав* армейские эполеты, | они с негодованием отвернулись“. (Лерм.)

„А чиж остался | и, *сидя* на ветке орешника, | думал“... (Горьк.)

„*Пройдя* залу, | он обернулся“... (Лерм.)

II. Словосочетания, соединенные в одно предложение, отделяются друг от друга паузами:

„Гукает озеро, | не быть благодатной погоде вплоть до морозу“. (Пришв.)

„Хотел рисовать— | кисти выпадали из рук; | пробовал читать— | взоры его скользили над строками и читали совсем не то, | что было написано“.

„Она перебирала в это время букет полевых цветов, | а он ждал ответа“. (Кор.)

„Душевно бы рад, | да голосу нету“. (Тург.)

„Не рад был Ашик своему товарищу, | но нечего делать“. (Лерм.)

„Гром и прыжки дали заметить, | что бричка взъехала на мостовую“. (Гон.)

„Да я поеду, | если вы хотите“. (Толст.)

„Однажды вечером, | когда матушка сидела у Анны Федоровны, | я тихонько вошла в комнату Покровского“. (Дост.)

„Я поспешил на условленное место и нашел Панаева, | который уже давно меня дожидался“. (Акс.)

„Дорога, | по которой он ехал, | проходила в четырех верстах от усадьбы Ипатова“... (Тург.)

Перехожу к вопросу о *сочинении и подчинении*. Есть ли объективные признаки, позволяющие одно отличать от другого?

Обыкновенно говорится, что по способу *сочинения* соединяются *равноправные* предложения. В чем заключается их равноправность? Ответ такой: они могут употребляться самостоятельно. Разберем примеры.

1. „Мы нападали, | он защищался“. [1]) (Гарш.) (1).

Оба из соединенных словосочетаний могут быть употреблены и отдельно:

„Мы нападали“. „Он защищался“. (2).

При этом интонация первого словосочетания изменилась. Второе осталось с той же интонацией, но разве значение его то же, что в соединении с первым словосочетанием? Мы уже видели выше, что это не так: в первом случае (1) оба словосочетания противополагаются одно другому, и в этом весь смысл их соединения, во втором (2) — этого противоположения нет. Итак, и по внешней стороне (интонация) и по значению оба случая (1) и (2) совершенно различны. В первом случае словосочетания совсем не самостоятельны, они соединяются в неразрывное единство и по интонации и по значению.

2. „Он знак подаст — | и все хлопочут“. (Пушк.) (1).

Относительно соединения словосочетаний при помощи союзов обыкновенно говорят, что те из них соединены по способу *сочинения*, в которых употреблены союзы, служащие для соединения „равноправных

[1]) Линии обозначают направление интонации:
повышение, понижение.

членов предложения", а именно — *и, а, но, или, либо*. Но это — чисто внешнее обстоятельство, которое основанием для различения сочинения от подчинения служить не может. Разберем приведенный пример.

И здесь оба соединенных словосочетания могут быть употреблены самостоятельно:

„Он знак подаст". „Все хлопочут". (2).

И опять мы наблюдаем изменение интонации и значения. В первом случае (1) первое словосочетание обозначает условие, а второе — следствие; во втором случае (2) — этого нет. Является и другое затруднение: если не откидывать союза, как это сделано во втором случае (2), то словосочетание „и все хлопочут" не может быть даже употреблено самостоятельно, вне связи с другим словосочетанием.

3. Возьму теперь один из случаев, которые признаются подчинением:

„Я был очень доволен, | что у нас есть Антиопа". (Акс.)

Оба словосочетания могут быть употреблены самостоятельно, если откинуть союз, как это было сделано в предыдущем примере:

„Я был очень доволен". „У нас есть Антиопа".

При этом происходят те же самые изменения интонации и значения, какие мы наблюдали выше. Если союза не опускать, второе словосочетание — „что у нас есть Антиопа" — самостоятельно, без соединения с другим, употреблено быть не может.

Разбор этих примеров не привел нас к установлению объективных признаков, по которым мы могли бы отличать сочинение и подчинение. Думаю, что таких признаков и вообще не существует. В виду этого, целесообразнее всего, откинув эти, — самое большее — спорные, но вероятнее — ложные, — понятия, говорить просто *о способах соединения словосочетаний*. К ним я сейчас и перейду.

Соединения словосочетаний, *по способу их соединения*, можно разделить на три класса:

1) Соединение словосочетаний без союзов:

„Пустынник был неговорлив,
Мишук с природы молчалив". (Кр.)
„Катятся ядра, свищут пули,
Нависли хладные штыки". (Пушк.)
„Старый старится, молодой молодеет".
„Он смотрит: это — Куршуд-бек". (Лерм.)
„Мне кажется, я в Петербурге соскучусь". (Тург.)

2) Соединение словосочетаний посредством союзов:

„Лодка закачалась, *но* я справился, *и* между нами началась отчаянная борьба“... (Лерм.)

„Он хотел непременно быть готовым с вечера, *чтобы* назавтра не могло случиться никакой задержки“. (Гог.)

„*Если бы* я упал, *то* уже никогда бы не встал“. (Пушк.)

3) Соединение словосочетаний посредством относительных слов:

(Относительными словами называются слова, входящие в состав словосочетания и содержащие указание на какое-нибудь слово другого словосочетания.)

„Радость была общая, мы все обнялись дружески и послали за Петей, *который* с испуга и с горя залез в какой-то чулан“. (Акс.)

„Шел я однажды по иссохшему руслу речки Майны и увидел в небольшом углублении, вероятно высохшего от жаров, родничка, дно *которого* было еще мокровато, целую кучу белых, простых капустных бабочек“. (Акс.)

„И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой“. (Пушк.)
„Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал“. (Пушк.)

В каждом из указанных типов соединений словосочетаний отношения между словосочетаниями могут быть различные. Я перечислю опять-таки наиболее ясные случаи.

I. Бессоюзные соединения словосочетаний.

Соединяемые словосочетания могут выражать:

1) Одновременные события:

„День был серый, небо висело низко, сырой ветерок шевелил верхушки трав и качал листья деревьев“.

„Катятся ядра, свищут пули,
Нависли хладные штыки“. (Пушк.)

2) События, следующие одно за другим:

„Солнце зашло, все погрузилось в темноту“.

„Капитан дал сигнал; пароход плавно стал отходить от берега“.

3) Второе словосочетание выражает причину того, что выражено первым:

„Я уйду от него — терпенье мое лопнуло“.

„Я все думаю о смерти — тягостна стала для меня жизнь“.

„Не плюй в колодезь: пригодится воды напиться“.

4) Одно словосочетание выражает основание, другое — следствие.

„Денежки круглые: день и ночь катятся“.

„Гукает озеро, не быть благодатной погоде“. (Пришв.)

„Прошел дождь, все освежилось“.

5) Второе словосочетание выражает противоположение тому, что выражено первым:

„Я протянул Музе Павловне руку — она не подала мне своей“. (Тург.)

„Не старость была виною: сила одолела силу“.

„Старый старится, молодой молодеет“.

„Целая неделя пройдет — он не улыбнется ни разу“.

6) Первое словосочетание выражает условие, второе следствие:

„Натерпишься горя, научишься жить“.

„Будь ему и двадцать пять (лет) — я за него все равно не выйду“. (Тург.)

7) Одно из словосочетаний выражает прямую (произносимую кем-нибудь) *или косвенную* (передаваемую кем-нибудь) *речь, а другое — кем эта речь произносится или мыслится:*

„В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: „какой приятный и добрый человек!“ В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: „Чорт знает, что такое!“ и отойдешь подальше“... (Гог.)

„Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и, наконец, сняв шапку, обратился ко мне и сказал: „Барин, не прикажешь ли воротиться?“ (Пушк.)

„На вопрос же матери, о чем же я плачу? я отвечал: „сестрица ничего не понимает“... (Акс.)

II. Соединение словосочетаний посредством союзов:

а) *Союз „и“.*

1) Словосочетания выражают одновременно происходящие события:

„Василий Петрович Упадышевский был вдовец, и двое его сыновей находились в числе казенных воспитанников“. (Акс.)

„Я не мог сообразить никакой мысли, и глаза у меня были, как мне после сказали, дикие и неподвижные“. (Акс.)

2) Словосочетания выражают события, следующие одно за другим:

„Пришла опять зима, и в декабре мы отправились в Казань“. (Акс.)

„Я громко закричал: „маменька уехала!“... и ручьи задержанных слез хлынули из моих глаз“. (Акс.)

„Наконец, мать решила, что ни за что со мной не расстанется,— и к утру мы заснули“. (Акс.)

3) Одно слозосочетание выражает основание, а другое — следствие:

„От меня все было скрыто, и я поверил, что этой страшной беды со мною не случится“. (Акс.)

„Меня отвезли поутру в 10 часов: классы только что переменились, и все ученики находились в классных комнатах наверху“. (Акс.)

„Когда мать опомнилась, то сделалась очень слаба, и добрый Упадышевский сам предложил отпустить меня ночевать домой“... (Акс.)

4) Одно словосочетание выражает условие, другое — следствие:

„Не приди я во время, и все пропало бы“.

„Он знак подаст — и все хлопочут“. (Пушк.)

б) *Союз „а“*

Одно словосочетание противополагается другому:

„Мой отец безусловно соглашался с этим мнением, а мать, пораженная мыслью разлуки с своим сокровищем, побледнела и встревоженным голосом возражала“... (Акс.)

„Старушка ушла, а Степка стал расхаживать по валу“. (Пушк.)

в) *Союз „да“.*

1) Одно словосочетание противополагается другому:

„Душевно бы рад, да голосу нету“. (Тург.)

„Конечно, я не хочу, чтобы ты был такой же невежда, как Козлов, да ты и сам не захочешь“. (Пушк.)

„Решить было легко, да исполнить трудно“... (Акс.)

г) *Союз „но“.*

Одно словосочетание противополагается другому:

„Его имя Вернер, но он русский“. (Лерм.)

„Он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя и с приветливой улыбкой, протянул ему руку“. (Лерм.)

„Вышел человек в татарской шапке, но стрижен он был по-казацки“. (Лерм.)

д) *Союз „хотя“.*

Одно словосочетание противополагается другому (в другом словосочетании часто употребляется союз *„но“*):

„Мы не остались на отбитой позиции, хотя турки были сбиты повсюду“. (Гарш.)

„В самом деле, первый лихорадочный пароксизм был очень легок, и хотя на другой день он повторился сильнее, и хотя лихорадка в таком виде продолжалось две недели, но зато истерические припадки не возвращались“. (Акс.)

е) *Союз „когда“.*

1) Словосочетание с союзом „когда“ выражает событие, одновременное с событием, выраженным другим словосочетанием:

„Когда Пелагея водит нас перед обедом гулять, то мы заходим в кондитерскую Анеля“... (Чех.)

„Солнце было уже высоко, когда я открыл глаза“. (Гарш.)

2) Словосочетание с союзом „когда“ выражает событие, предшествующее событию, выраженному другим словосочетанием:

„Когда ей исполнилось тринадцать лет, взяли учителя по билетам“. (Лерм.)

„Когда я очнулся, первые слова мои были: „где маменька?“ (Акс.)

„Она пришла в ужас, когда узнала, что письмо унес отец“. (Дост.)

3) Словосочетание с союзом „когда“ выражает условие, а другое словосочетание следствие:

„Когда не хватало и ее (жидкости), люди падали“. (Гарш.)

„А еще труднее, когда слишком много не отданной напрасной нежности“... (А. Толст.)

ж) *Союз „пока“ („покуда“).*

1) Словосочетание с союзом „пока“ выражает событие, до которого совершается событие, выраженное другим словосочетанием:

„Мать моя сказала ему, что она не выйдет из этой комнаты, покуда директор сам лично или письменно не прикажет ей уехать“... (Акс.)

„И одинокая фигура Николая Ивановича долго еще маячила в глубине улицы, пока его не закрыл трамвай. (А. Толст.)

„Позволь мне остаться, пока ты — там“... (Гонч.)

2) Словосочетания, соединяемые союзом „пока“, выражают одновременные события:

„Пока мы переходили через поляну, турки успели сделать несколько выстрелов“. (Гарш.)

„Страх, пока она катила вниз, отнял у нее способность слышать, различать звуки, понимать“... (Чех.)

з) *Союз „едва“.*

Словосочетание с союзом „едва“ выражает событие, за которым непосредственно и быстро следует событие, выражаемое другим словосочетанием (в другом словосочетании может быть другой союз, напр., „как“):

„Едва Вера вышла, Райский ускользнул вслед за ней и тихо шел сзади“. (Гонч.)

„Но едва он, надев очки, принимался за приходо-расходные книги и счета, как от ничтожной причины... мысль его перескакивала на иной предмет“... (А. Толст.)

и) *Союз „как“.*

1) Сравнение:

„Он скакал быстро, как плясун по канату“... (Лерм.)

„Итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магул-Мегери“. (Лерм.)

2) Словосочетание с союзом „как“ выражает событие, предшествующее тому, что выражено другим словосочетанием:

„Как входите в ограду, видите внутри ее несколько зданий“. (Дост.)

„А он, бывало, как заметит, что его пороть хотят, прыг в окно и был таков!“ (Чех.)

3) Словосочетание с союзом „как“ выражает причину того, что выражено другим словосочетанием:

„Дедушка обрадовался такому кладу, и как он уже начал хворать и худо спать, то Пелагея, имевшая еще драгоценную способность не дремать по целым ночам, служила большим утешением больному старику“. (Акс.)

„Дедушка, из уважения к такому добровольному возвращению, принял ее очень милостиво, а как она была проворная баба и на все мастерица, то он полюбил ее и сделал ключницей“. (Акс.)

к) *Союз „так“.*

Одно словосочетание выражает основание, а другое (с союзом „так“) — *следствие:*

„Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть“. (Пушк.).

„Селям алеикюм! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню“. (Лерм.)

л) *Союз „так как“.*

Словосочетание с союзом „так как“ выражает причину того, что выражено другим словосочетанием:

„Африкан Иванович крякнул, так как был безбожником, но из уважения к тетушке не высказывал своих убеждений“. (А. Толст.)

„Так как он часто сбивался с одного на другое и позабывал, о чем начинал говорить, то князь затих, чтобы дать ему высказаться“. (Дост.)

м) *Союз „что“.*

1) Словосочетание с союзом „что“ выражает слова, мысли..., а другое словосочетание — кто их говорит, мыслит...:

„Она сказала мне перед обедом, что завтра или послезавтра уезжает, и что мы еще увидимся раза два; сказала также, что вечер проведет у Княжевичей и потому ко мне не приедет“. (Акс.)

„Я и вправду думал что будет драка“ (Дост.)

2) Словосочетание с союзом „что“ выражает следствие того, что выражено другим словосочетанием:

„О камень так хватила их, что только брызги засверкали“. (Крыл.)

„Переход через огромную реку в такое время так страшен, что только привычный человек может совершить его, не теряя бодрости и присутствия духа“. (Акс.)

3) Словосочетание с союзом „что“ выражает причину того, что выражено другим словосочетанием:

„Счастливы вы, доктор, что можете спать в такую ночь“. (Чех.)

„Я был очень доволен, что у нас есть Антиопа“. (Акс.)

н) *Союз „чтобы“.*

1) Словосочетание с союзом „чтобы“ выражает слова, мысли..., другое словосочетание — кто их говорит, мыслит...:

„Да скажи ему, чтоб калоши свои в магазине оставил“. (Чех.)

„И не думайте, чтоб это было все так невинно и бесстрашно для нас“... (Дост.)

2) Словосочетание с союзом „чтобы“ выражает цель:

„Александр Демьянович из некоторых книг вытверживал место наизусть, чтобы и разговор его не выпирал изо всего стиля уродски“. (А. Толст.)

„Мы остановились с Панаевым, чтобы перевести дух и условиться в наших поисках“. (Акс.)

о) *Союз „так что“.*

Словосочетание с союзом „так что“ выражает следствие того, что выражено другим словосочетанием:

„И он сейчас же заснул, так что в ответ на мой следующий вопрос я услышал только его ровное и спокойное дыхание“. (Гарш.)

„Все были здоровы, довольны и нестерпимо веселы, так что я не встречал ни одного, сколько-нибудь печального или задумчивого мальчика, который мог бы принять участие в моей постоянной грусти“. (Акс.)

п) *Союз „потому что“.*

Словосочетание с союзом „потому что“ выражает причину того, что выражено другим словосочетанием:

„По такой-то дороге надобно было тащиться гусем, часов семь сряду, потому что пряжки или переезды делались верст по тридцати пяти и более; да и кто мерил эти версты!“ (Акс.)

„Вообще никому не говорите, потому что тут секрет“. (Чех.)

р) *Союз „если“ („ежели“).*

Словосочетание с союзом „если“ выражает условие, другое словосочетание — следствие:

„Если вы любите искусство,— сказал он, обращаясь к княжне,— то я могу вам сказать приятную новость: картина Брюлова *Последний ден Помпеи* едет в Петербург“. (Лерм.)

„Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его!— сказал Азамат дрожащим голосом“. (Лерм.)

„Ежели в театр не хотите, то придется до вторника ждать“. (Чех.)

III. Соединения словосочетаний посредством относительных слов.

Функции этих соединений словосочетаний заключаются в том, что словосочетания с относительными словами служат для более точного определения того слова, на которое указывает относительное слово. Приведу несколько примеров, подчеркивая то слово, которое таким образом определяется.

„У нас в Университете составлялись *спектакли*, которые упрочили мою актерскую славу“. (Акс.)

„На нем была люстриновая разлетайка и помятый *картуз*, из под которого до плеч висели седые волосы“. (А. Толст.)

„Я с вами знал
Все, что завидно для поэта“... (Пушк.)

„Оставьте *град* неугомонный,
Где веселились вы зимой“. (Пушк.)

„Николушка вошел в полусгнившую *беседку* над заводью, куда каждую весну подходила Волга“. (А. Толст.)

„... открыл узкую дверцу первого *шкафа*,— откуда легко посыпалась труха съеденных мышами книг“. (А. Толст.)

Наблюдения над функциями соединений словосочетаний значительно проще в виду незначительного количества функций — во многих случаях не больше одной.

ПУНКТУАЦИЯ.

Пунктуация — отдел орфографии, но его удобнее излагать после синтаксиса, так как в ней часто отражаются синтактические явления.

Пунктуация, как и вообще орфография, сложилась у нас исторически. История пунктуации должна быть очень интересна, но она, к сожалению, еще не написана.

Сложившись исторически, наша пунктуация не основана на одном ясном принципе; это же, впрочем, можно сказать и о пунктуации других языков, напр., французского или немецкого. Отчасти она отражает явления языка, отчасти — чисто условна. И в тех случаях, когда пунктуация отражает явления, она далеко не последовательна; к тому же явления языка, отражающиеся в ней, весьма разнородны. Вообще пунктуация — система условных обозначений, в которой различные принципы часто перекрещиваются, так что один знак может иметь несколько употреблений, и, наоборот, одно и то же явление может обозначаться различными знаками.

Пунктуация у нас служит для обозначения — 1) *интонации*, 2) *пауз*, 3) *смысловых* (*функциональных*) *различий* и 4) к этому надо прибавить чисто *условную* пунктуацию. По этим четырем рубрикам я и рассмотрю важнейшие случаи русской пунктуации.

1) *Знаки, обозначающие интонацию:*

Точка обозначает понижающуюся интонацию в конце повествовательного предложения.

Вопросительный знак обозначает повышающуюся интонацию в конце вопросительного предложения.

Восклицательный знак обозначает особую интонацию восклицательных предложений.

Думаю, что примеров на эти случаи можно не приводить, как и на случаи, приведенные во втором пункте.

2) *Знаки, обозначающие паузы:*

Красная строчка обозначает довольно длительную паузу между совокупностью целого ряда предложений.

Точка, вопросительный и *восклицательный* знаки обозначают, большею частью, паузы между предложениями.

Знак вопросительный иногда употребляется для обозначения паузы внутри предложения, напр.: „Не хочешь? Поверяй расход“. (Пушк.).

Паузы внутри предложения [1]) обозначают *точка с запятой, двоеточие, многоточие, тире, скобки, запятые.* Запятые обозначают наименьшую паузу, между остальными знаками — чисто смысловые различия, но, впрочем, не строго разграниченные.

3) *Знаки, обозначающие смысловые различия:*

Две точки ставятся обыкновенно в том случае, когда два словосочетания, соединенные без союзов, находятся в следующих соотношениях:

а) Одно словосочетание (второе) выражает причину того, что выражено другим (первым):

„Я не трону его: воля ваша для меня священна“. (Пушк.)

Но, впрочем, изредка в таком случае ставится и точка с запятою, напр.:

„Гордый и славный не посетят моей хижины; взор их отвратится с презрением от скромной обители пустынника“... (Жук.)

Может быть в таких случаях и тире:

„Я бы желал спать — оно спокойнее!“ (Лерм.)

б) Одно словосочетание выражает основание, другое — следствие:

„Наши знак подают: нас ищут“. (Пушк.)

Но может быть и запятая:

„Ему велели итти, он и пошел“. (Гарш.)

в) Второе словосочетание поясняет первое:

„И уже открывается на южном горизонте дальний волнистый призрак земли: в ясном воздухе, золотистом предвечерием свете рисуются дымчатые силуэты Малоазийских и Балканских предгорий“. (Бун.)

Здесь может быть и тире:

„... он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера“. (Лерм.)

г) Перед прямой речью:

„Отворившая горничная сказала шопотом:— Марья Кириловна очень больна, к ним нельзя“. (А. Толст.)

д) *Перед перечислением:*

„Нас было двое: брат и я“. (Пушк.)

---

[1]) Об этих паузах см. стр. 97. Как видно из приведенных там примеров, некоторые паузы (п. 1, 2 и 3 на стр. 96 сл.) знаками не обозначаются.

Тире, кроме указанных случаев, употребляется также в следующих случаях (при бессоюзном соединении словосочетаний):

а) если одно словосочетание выражает противоположение тому, что выражено другим:

„Я не француз Дефорж — я Дубровский.“ (Пушк.)

„Я не думал, чтобы мое спокойствие когда-нибудь могло исчезнуть — оно исчезло“. (Жук.)

В таких случаях может быть и запятая:

„Я был озлоблен, он угрюм“. (Пушк.)

„Мы нападали, он защищался“. (Гарш.)

б) если первое словосочетание выражает условие, второе — следствие:

„Он засмеется — все хохочут,
Нахмурит брови — все молчат“. (Пушк.)

И в таких случаях может употребляться запятая:

„Увидите дядю, дайте ему знать обо мне“... (Тург.)

Запятая употребляется для обозначения, кроме указанных уже еще следующих смысловых различий:

а) Она ставится перед „или“ в значении „то есть“:

„Скорбь, или печаль, есть состояние души томимой“... (Жук.)

б) Она не ставится, если два родовых слова, сочетающихся с падежными, выражают или 1) разные качества, напр.: „Толстое красное сукно“ (Грот), или 2) одно — качество, другое — материал, напр.: „Дорогой соболий мех“ (Грот), или 3) одно — принадлежность, другое — качество, напр: „Моя синяя куртка“, или, наконец, одно — порядок, другое — какое-нибудь качество (или отношение), напр: „Первое военное училище“ (Грот).

Многоточие обозначает или перерывы в речи (паузы) или не законченность мысли, то и другое, чаще всего, в зависимости от эмоциональных переживаний говорящего, напр.:

„Два слова, князь, я и забыл вам сказать за этими... делами“. (Дост.).

„Одним словом... одним словом... вы к нам... жить?“ (Дост.)

„Но вы сын моего друга, и я в праве надеяться...“ (Дост.)

„Я слышал от Павлищева...“ (Дост.)

Кавычки — обозначают прямую речь.

4) *Условная пунктуация.* К этой категории случаев я отношу такие случаи, в которых знаки препинания не обозначают ни интонацию, ни паузу, ни смысловые различия, а употребление или неупотребление их основано на установившейся традиции.

Так, чисто условно установлено, что не ставится запятой в том случае, если, напр., союз „*и*“ повторяется менее двух раз, напр.:

„И день и ночь до новой встречи“. (Пушк.)
„И радость и печаль, все было пополам“. (Крыл.)

Без союзов запятая в таких случаях ставится и обозначает паузу, которая есть и при союзах.

На этом я закончу обзор употребления у нас знаков препинания.

Цель этого обзора — установить принципы, которые, по моему мнению, можно подметить в нашей пунктуации. Я обращаю внимание на колебания в постановке знаков препинания даже у одного писателя, для которых трудно подыскать рациональное объяснение. Главная причина этих колебаний — неустановленность самой пунктуации.

СПИСОК ПОСОБИЙ С ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ УКАЗАНИЯМИ.

1. Библиография.

„Хронологический перечень методических сочинений за 1914 — 1923 гг.“ дан в книге Н. Бельчикова и А. Шапиро: „Грамматика в школе для взрослых“ Там же можно найти указания и на другую библиографическую литературу.

„Путеводитель по вопросам преподавания родного языка в трудовой школе“ П. О. Афанасьева (1922 г.) во многих случаях разочарует преподавателя. Так, напр, в отделе —„Как организовать наблюдения над формами слов, последовательно проводя формально-грамматическую точку зрения?“ (стр. 34) — наряду с книгой Пешковского: „Грамматическая хрестоматия“ [1])—приводится „Грамматика в начальной школе по принципу самодеятельности“ Струниной, тогда как в грамматике Струниной ни о какой формальной грамматике и речи быть не может: грэмматика там самая обычная, традиционная. В следующем отделе— „Как можно построить синтактические занятия, держась формальной точки зрения“— дается такое пояснение, взятое почти целиком из программы Наркомпроса („Родной язык в школе 1 ступени“ 1921): „Цель занятий — привести учащихся к пониманию взаимных отношений между словами в речи и между предложениями и к пониманию того, выражены ли и чем именно выражены эти отношения“. Указываются при этом книги Овсянико-Куликовского и Сакулина, Гиппиуса, Пешковского, в которых задача синтаксиса понимается далеко не так, как в указанной программе. Это в „Путеводителе“ не оговаривается ни единым словом. Есть и другие недочеты, на которых останавливаться не буду. Чтобы исполнить свою важную задачу, „Путеводитель“ должен быть коренным образом переработан; тогда он будет настольной книгой у каждого преподавателя русского языка. (Мои замечания относятся к страницам 30 — 35, где говорится о преподавании языка).

2. Программы.

„Новые программы для единой трудовой школы“. Выпуск I. Первый и второй годы школы I ступени, первый год школы II ступени. 1923.

Материал по языку мало разработан; о нем только некоторые упоминания. См. статью —„Родной язык в новой программе единой трудовой школы первой ступени“ Н. В. Чехова („Народный Учитель“, № 1, 1924 г., стр. 41—50).

„Родной язык в школе 1 ступени.“ 1921. [2])

---

[1]) Надо думать, что разумеется „Наш язык“.

[2]) Об этой программе см. в сборнике *„Русский язык в школе“*, Труды Постоянной Комиссии Преподавателей русского языка и литературы. Сборник статей под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, вып. I, доклады *Д. Н. Ушакова*, Словесник перед новой программой грамматики и *З. К. Снитко*, Опыт построения курса грамматики в школе I ступени

„Материалы по преподаванию в Трудовой школе. План работ по родному языку в школе 1-й ступени, разработанный комиссией в составе: Л. А. Карпинской, А. М. Смирновой, М. Н. Петерсона, Д. Н. Ушакова“. 1920.

Обе программы построены на одинаковых основаниях. Их задачей было — изгнание из школьного преподавания всего, противоречащего науке. В результате получилось значительное сокращение и упрощение материала. Приведу из второй программы примерное распределение занятий по грамматике и правописанию.

1-й год.

Грамматика. Деление речи на слова. Слоги. Звуки. Наблюдения над способами произношения звуков (артикуляциями). Звуки гласные и согласные. Наблюдения над твердостью и мягкостью согласных звуков. Наблюдение над звуками, обозначаемыми буквами: е, ю, я, ё после согласных и не после согласных.

Приучение детей определять взаимное отношение слов в речи (по вопросам).

Правописание. Прописные буквы. Точка. Употребление букв е, ю, я, ь. Перенос слов.

2-й год.

Грамматика. Продолжение наблюдений над твердостью и мягкостью согласных звуков. Наблюдения над звуком й [1] перед гласными, после гласных [2], после согласных (ель, яма, чай, скамья, чьей). Наблюдения над сочетаниями шипящих звуков и ц с гласными звуками. Наблюдения над различием звонких и глухих согласных звуков. Ударение в слове. Наблюдения над произнесением неударяемых гласных звуков. Продолжение наблюдений над взаимным отношением слов в речи (по вопросам). Наблюдения над интонацией (повествовательная, вопросительная и восклицательная).

Правописание. Буквы *ъ* и *ѣ* в середине слова (перед е, ю, я, ё). Употребление буквы *й*. Употребление буквы *э*. Употребление букв *и*, *а*, *у* после шипящих. Двойные буквы. Правописание букв, обозначающих звонкие и глухие согласные звуки. Правописание букв, обозначающих неударяемые гласные звуки. Точка, вопросительный и восклицательный знаки.

3-й год.

Грамматика. Предложение. Наблюдение над тем, что говорится и о чем говорится. Продолжение наблюдений над взаимным отношением слов (по вопросам) с добавлением наблюдений над тем, выражено ли и чем выражено отношение слов друг к другу или ничем не выражено.

Наблюдения над изменяемостью слов (слова склоняющиеся, слова, изменяющиеся по родам, слова спрягающиеся). Выделение в словах основы и окончания. Выделение в основах приставок и суффиксов. Наблюдения над формами склонения. Род имен существительных. Наблюдения над формами изменения в роде (прилагательные) [3]. Наблюдения над формами лица (спряжение).

---

[1]) Точнее — над звуком j (йот). См. выше.

[2]) Здесь — и неслоговое. См. выше.

[3]) По-моему, можно легко обойтись без терминов — существительное и прилагательное.

Примечание. При наблюдении над формами слов (склонением, изменением в роде, спряжением) эти формы выделяются только из связной речи и без пользования грамматической терминологией (см. объяснительную записку).

Правописание. Запятая. Правописание приставок: *воз, вз, из, низ, раз, роз без, чрез, через.* Правописание падежных окончаний существительных, существительных счетных, существительных местоименных [1]). Правописание падежных окончаний прилагательных, прилагательных счетных и местоименных. [2]) Правописание суффиксов.

4-й год.

Грамматика. Продолжение грамматических наблюдений 3-го года с прибавлением наблюдений над значением слов: а) склоняющихся: существительные, обозначающие предметы, качества, действия, состояния (стол, белизна, беготня, болезнь), количество (пять), существительные местоименные (я); в предметах, обозначаемых существительными, наблюдаются предметы одушевленные, неодушевленные, общие, частные (существительные собственные и нарицательные), б) изменяющихся по родам: прилагательные, обозначающие качество, принадлежность и др.; в) спрягающихся: глаголы обозначающие действие, состояние.

Изъявительное, повелительное и сослагательное наклонения глагола; лица, времена.

Причастия и деепричастия. Причастия действительной и страдательной формы.

Неопределенная форма глагола.

Чужая речь.

Определение отношений между предложениями главными и придаточными (по вопросам) [3]).

Правописание. Продолжение орфографических упражнений 3-го года. Точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, кавычки, тире, многоточие.

5-й год.

Грамматика. Продолжение грамматических наблюдений 3-го и 4-го годов с прибавлением наблюдений над словами неизменяемыми (наречие, деепричастие, предлог, союз), над степенями сравнений прилагательных и наречий. Слово—междометие.

Определение отношений между предложениями главными и придаточными и между придаточными предложениями [4]) по вопросам (продолжение наблюдений 4-го года в применении к более сложным случаям).

Правописание. Продолжение орфографических упражнений предшествующих лет.

Обращаю внимание на объяснительные записки, сопровождающие в обеих программах перечень материала, на библиографию и на отдел „Об орфоэпии", в первой программе он напечатан даже два раза: на стр. 35—36 и на обложке.

---

[1]) Так называются здесь падежные слова, обозначающие числа и предметы в отношении к речи (см. выше).

[2]) Тоже обозначения родовых слов с их различными значениями (см. выше).

[3]) Согласно тому, что говорится о предложении выше, этот пункт следовало бы редактировать так: „Определение отношения между словосочетаниями".

[4]) См. примечание третье.

3. Фонетика.

Проф. Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке. Изд. шестое. 1923.

Здесь преподаватель найдет, кроме „Физиологии звуков речи", также и „Звуки русского языка".

Проф. В. Поржезинский, Введение в языковедение. Изд. 4-е. 1916. См. отдел —„Физиология звуков речи".

Проф. Томсон, Общее языковедение. 2-е изд. 1910. Тот же отдел „Физиологии звуков речи" изложен с весьма ценными добавлениями в сравнении с указанными выше сочинениями.

Проф. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики. Изд. 4-е. 1913.

См. отделы „Физиология звуков русского языка" (гл. II) и „Фонетика" (гл. IV, V, и VI).

Акад. Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе. (Труды 1-го съезда преподават. русск. языка в военно-учебн. завед. Спб. 1904).

В этой лекции указаны обычные недочеты при изучении в школе звуков русского языка.

Проф. Н. Н. Дурново, Грамматический словарь. 1924. Дается прекрасное объяснение терминов, относящихся и к области фонетики.

4. Грамматика.

а) Морфология.

То понимание формы, которое проводится в этой книге, преподаватель найдет у *проф. Д. Н. Ушакова,* цит. соч., гл. IV, у *проф. Поржезинского,* цит. соч., гл. VII, у *Пешковского,* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2-е. 1920. Гл. I. „Понятие о форме слова" (стр. 3—18).

В „Грамматическом словаре" *проф. Н. Н. Дурново* проводится понимание формы такое же; несмотря на это, некоторые морфологические категории описываются несколько иначе, чем в этой книге, напр., категория *залога.*

В упомянутой уже лекции *акад. Фортунатова* указаны крупные ошибки в школьных учебниках, трактующих морфологию русского языка. У *проф. В. А. Богородицкого,* цит. сочин., см. „Классификация склонений имен существительных; типы ударений" (гл. VIII), суффиксы имен существительных (в IX гл.), „Классификация спряжений и ударение в них" (гл. XI). Такие морфологические категории, как, напр., залог, вид, наклонение и др. определяются на иных основаниях, чем в этой книге. Пользуясь книгой проф. Богородицкого, необходимо это учесть.

б) Синтаксис.

„Историческая грамматика русского языка", составленная *Ф. Буслаевым.* Синтаксис. Изд. 5-е. 1881.

Синтаксис Буслаева может служить образцом логического синтаксиса—по направлению, к которому он примыкает; по системе—он, согласно классификации Рпса, относится к группе смешанных синтаксисов.

Образцом логического синтаксиса может служить также любой школьный синтаксис.

Потебня, „Из записок по русской грамматике". I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. Харьков. 1888. III. Об изменении значения и заменах существительного. 1899.

У Потебни очень важно познакомиться с критикой логического синтаксиса, и именно — синтаксиса Буслаева. По пониманию синтаксиса, Потебня примыкает к Миклошичу (см. выше).

Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе.

Для синтаксиса в этой статье можно познакомиться с понятием *словосочетания,* с определением *предложения,* с различием грамматических и психологических категорий и с обычными школьными ошибками в области синтаксиса.

Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка.

Овсянико-Куликовский и Сакулин, Практический курс синтаксиса русского языка. 1912.

Обе книги, опираясь на критику логического синтаксиса, сделанную Потебней, стремятся избавиться от обычных недостатков школьного синтаксиса. Система их в общем мало отличается от школьного синтаксиса, но в некоторых отношениях они, несомненно, сделали шаг вперед: в определении второстепенных членов предложения, в отказе от теории сокращения придаточных предложений.

Довольно подробный разбор второй книги появился в „Родном языке в школе", 1925 г., кн. 7, стр. 101 — 102., в моей статье — „Старый и новый синтаксис".

Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, Изд. 2-е. 1920.

Пешковский сделал попытку примирить системы Потебни и Фортунатова. По моему, это автору не удалось, да и не могло удаться: Потебня и Фортунатов совершенно различно понимают форму слова и предмет синтаксиса. В самом синтаксисе Пешковский придерживается традиционной школьной схемы с некоторыми поправками, отчасти уже сделанными до него Овсянико-Куликовским, а отчасти внесенными им самим.

См. мою рецензию в журнале „Печать и Революция". 1921 г., кн. 3 стр. 230—232.

Гиппиус, Учебник синтаксиса современного русского языка. 2-е изд. 1922.

Гиппиус вполне примыкает к Пешковскому, несколько его упрощает, вводит несколько новых терминов. См. мою рецензию в том же журнале, стр. 232 сл., а также в сборнике „Русский язык в школе"—„К вопросу о предмете и объеме синтаксиса. I. Доклад М. Н. Петерсона о книге В. Гиппиуса... II. Из прений по докладу". Стр. 44 слл.

Проф. Н. Н. Дурново, Грамматический словарь. 1924. В словаре дается определение синтактических терминов с точки зрения Фортунатовской школы. Автор словаря приходит часто к иным выводам, чем автор этой книги, для которого идеи Фортунатова тоже служили основой. С этой точки зрения очень интересно обе книги сопоставить.

Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка. 1923. [1])

---

[1]) См. статью Н. Н. Дурново: „Что такое синтаксис?" (по поводу книги М. Н. Петерсона: Очерк синт. русск. яз.). Родной язык в школе. Кн. 4-я. 1923 г.

Я надеюсь, что автор этой статьи найдет в этом „Пособии" ответы на многие свои возражения. Так, напр., он увидит, как с точки зрения, которой я придерживаюсь, распределяется материал между морфологией и синтаксисом. Этот пункт, как мне кажется, вызывает у него наибольшие сомнения. Ответ мой на рецензии Н. Н. Дурново и А. М. Пешковского см. в 8 кн. „Родного языка в школе" за 1925 г.

В этой книге делается попытка построить синтаксис, как учение о формах сочетания слов. Книга состоит из „Введения“ и самого „Очерка“. Содержание „Введения“: I. Из истории разработки синтаксиса русского языка 1. Буслаев 2. Потебня. 3. Фортунатов. 4. Пешковский. II. Предмет синтаксиса. III. Паратаксис и гипотаксис. IV. Форма и Функция. В „Очерке“ — обзор синтактических явлений русского языка.

Этот „Очерк“ лег в основание отдела, посвященного синтаксису в данном „Пособии“.

В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики. Стр. 280 слл. Синтаксис. (Гл. XIII).

Предмет синтаксиса составляет — рассмотрение „типов сочетания слов для выражения наших мыслей“ (280). Это определение через несколько строк заменяется другим, где задачей синтаксиса считается уже „последовательное рассмотрение типов предложения“. Дальше и идет речь о предложениях, а в следующей главе (XIV) — о главных и второстепенных членах предложения и о сложных предложениях. Схема, как видим, обычная, но в понимании отдельных явлений много нового и подчас интересного. Очень интересны, напр., нотные записи интонаций. Впрочем, со многим согласиться нельзя, напр., с тем, что сложные предложения могут состоять из равноправных и неравноправных (главных и придаточных) предложений (см. выше), с классификацией придаточных предложений, с делением их на полные и краткие и мн. др.

5. Орфография.

Д. Ушаков, „Русское правописание. Очерк его происхождения отношения его к языку и вопроса о его реформе“. Изд. 2-е. 1917 г.

Здесь подробно освещается вопрос об отношении русского правописания к русскому (литературному) произношению. Книга давно стала библиографической редкостью и непременно должна быть переиздана, конечно, применительно к новому правописанию.

О принципах, лежащих в основе русского правописания, очень хорошо говорится в книге *Томсона,* „Общее языковедение“ Особую главу этому вопросу посвящает и *Богородицкий,* цит. соч. (Гл. III. „Принципы русского правописания“). См. также книгу *Бодуэна-де-Куртэнэ,* „Об отношении русского письма к русскому языку“, которая, надо заметить, неискушенного читателя может затруднить своей сложной терминологией.

а) Пунктуация.

Я. К. Грот, Русское правописание. 5-е изд. 1886 г.

Дается сводка употребления знаков препинания с иллюстрацией примерами из литературных произведений.

Д. Н. Овсянико-Куликовский и П. Н. Сакулин, Практический курс синтаксиса русского языка. 1912.

В „Сводке правил о знаках препинания“ делается попытка разгруппировать знаки препинания в зависимости от цели, которой они служат.

А. М. Пешковский, Школьная и научная грамматика. Изд. 2-е 1918 г.

Знакам препинания посвящены две статьи: „Знаки препинания и научная грамматика“, „Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания“.

В первой статье подробное перечисление случаев употребления знаков препинания. Новое в этом перечислении то, что автор связывает многие знаки препинания с интонацией. Вторая статья основана на положении, что знаки препинания отражают „в огромном большинстве случаев не грамматическое, а *декламационно-психологическое* расчленение речи". В ней в гораздо большей степени, чем в первой статье, знаки препинания приводятся в связь с интонацией, что и побуждает автора выдвигать, как основной способ изучения знаков препинания,— выразительное чтение. Приложение этих мыслей автора мы находим в его книге „Наш язык".

6. Учебники.

В настоящее время вышло уже довольно порядочное количество учебников, стремящихся устранить недочеты старых учебников, давно уже осознанные и отмеченные как в научной, так и в методической литературе. К сожалению, у меня под рукой только четыре учебника подобного рода; о них я и поделюсь с читателями некоторыми замечаниями.

Н. С. Державин, Маленькая грамматика. Петроград, 1918.

Этот учебник уже свободен от многих обычных недочетов школьных грамматик. Так, совершенно верно в нем определяется различие между гласными и согласными звуками (15 стр.), а также слог, ударение. В морфологии уже не говорится о неопределенном *наклонении,* а о неопределенной форме, не имеющей ничего общего с „наклонением". В синтаксисе автор стремится давать обычным школьным терминам формальное определение: сказуемое — глагол, подлежащее— именительный падеж существительного, дополнение — все косвенные падежи существительного, обстоятельства — все наречия и деепричастия. Это уже большой шаг вперед. Но, к сожалению, без недочетов дело не обошлось и в этом учебнике. В фонетике очень часто звуки смешиваются с буквами. Напр., вот перечисление гласных звуков русского языка (13): „а, о, у, ы, е (э), и" Во-первых, здесь перечислены не все гласные звуки, а во-вторых, написание „е (э)" указывает на то, что автор будто бы отожествляет звуки, изображаемые этими двумя знаками. В дальнейшем разъясняется, что это не так, но и здесь надо было бы избежать этой неправильности. На следующей странице (14) приводятся такие примеры на твердые и мягкие согласные: „раб, рябь" и „цеп, цепь", как будто в обоих случаях не одинаково звучит „п" твердое и мягкое.

Есть недоразумения и другого рода. На стр. 20, напр., говорится: „слово *богат* можно было бы написать так: *богат* и *багат,* т.-е. с буквою *о* или *а* после *б,* потому что после *б* мы произносим не то *о,* не то *а,* скорее всего какой-то неопределенный звук, средний между *о* и *а*"... В литературном произношении, о котором только и может итти речь на уроках родного языка, в предударном слоге произносится звук *а.*

Сомнительные гласные и согласные школьных грамматик заменяются гласными (31) и согласными (33) звуками, которые якобы *произносятся неясно,* чего на самом деле нет: это просто факты расхождения правописания с произношением.

Частей речи насчитывается *одиннадцать*: к школьным девяти прибавляется— неопределенная форма, причастие и деепричастие, но устраняется междометие. Определяются части речи точно так же, как в школьных грамматиках. Причастия (105) почему-то совсем не определяются. При выделении окончаний совершенно не принимается во внимание их звуковой вид.

Схема синтаксиса — обычная: Предложение. Члены предложения—главные и второстепенные. Сложное предложение: сложно-сочиненное и сложно-подчиненное. Придаточные предложения (133) приравниваются членам предложения. Поэтому различаются придаточные предложения *дополнительные*, *определительные* и *обстоятельственные*.

В конце излагаются правила употребления знаков препинания (135 слл.).

Надо признать, что недочеты этого учебника перевешивают его достоинства, Его надо было бы подвергнуть радикальной переработке.

А. М. Пешковский, Наш язык. Учебная книга по грамматике. Выпуск I. 1922. (Интонация, риты, звуки). Выпуск II. (Элементы морфологии и синтаксиса). 1923. Методическое приложение к книге „Наш язык“ (вып. 1 и 2). 1923.

Наиболее спорна в этих книгах — первая часть первого выпуска. Здесь автор делает попытку во что бы то ни стало к каждому знаку препинания прикрепить интонацию или несколько интонаций. Я думаю, что такая попытка вообще обречена на неудачу: в сложившейся исторически пунктуации нашей перекрещивается несколько принципов. Целесообразнее вскрыть, по возможности, все эти принципы, чем отдать предпочтение одному; при чем выбор, по необходимости, произволен. Для иллюстрации приведу наиболее простой случай— интонацию перечисления. Вот что говорится о ней в Метод. прилож. (41): „Основные признаки: полная *однотонность* перечисляемых величин“... „Однако тон *последнего* члена ради произнесения точки обыкновенно идет *вниз*. Таким образом, если членов только два (второй сказ рассказа), то однотонности быть не может. В этом случае остается все-таки признак лишнего ударения (2 ударения) и добавочный признак протяжности. Последний, впрочем, не обязателен и является преимущественно при *сугубо-выразительном* чтении“. Что же остается за вычетом основного признака (однотонности), которого может и не быть и добавочного признака (протяжности), который не обязателен? Остается только перечисление, и на него прежде всего и следовало бы обратить внимание.

В этой части вызывает также сомнение термин *„сказ“*. Несмотря на предупреждение в Мет. прил. (33) „Важнее всего, чтобы учитель ни на одну минуту не смешивал сказа с предложением“..., уберечься от этого невозможно. Да и определение предложения (частичные сказы, имеющие свое подлежащее и сказуемое), даваемое во II выпуске (203), не выдерживается автором последовательно: „такие сказы, как: „Покойной ночи!“ „До свиданья!“ „Добро пожаловать!“ „Вперед!“ и т. д. называются и у меня условно „предложениями“. (Мет. пр. 97). Это еще больше затрудняет различение сказа и предложения, а также обнаруживает неудовлетворительность самого определения предложения. Выход из этого затруднительного положения есть, и очень простой: стоит только предложение определить, как интонационное единство, а в основу синтаксиса положить словосочетание.

Вторая часть первого выпуска посвящена звукам русского языка. Это, надо думать, первая школьная фонетика русского языка, совершенно чуждая обычных школьных недостатков. Второй выпуск посвящен морфологии и синтаксису. Морфология, в основных своих положениях, не возбуждает возражения, но с некоторыми отдельными случаями согласиться нельзя. Так неудачен, по-моему, термин *„изменение“* в двойном значении. Сам автор сознает (Мет. прил. 76) неудовлетворительность этой двойственности, но она ему кажется неустранимой.

Не могу согласиться с определениями залога и вида. Значение залога мне совсем не представляется слишком затруднительным: наблюдения над тонкостями

интонаций гораздо сложнее. Форма совершенного вида совсем не обозначает оконченности (см. у Фортунатова).

Не удачно определение спряжения, как изменения по лицам и временам. У александрийских грамматиков под спряжением (declinatio verbi) разумелось изменение по лицам, с которым связываются в древне-греческом языке и временные различия. У нас в прошедшем времени формы лица нет, и само прошедшее время, собственно, старое причастие.

Не удачно также название среднего рода неживым. Здесь для определения категории современного языка, автор обращается к генезису этой категории и заходит за эпоху распадения индоевропейского праязыка, в которую форма среднего рода существительных уже не имела того значения, которое автор думает найти в современном русском языке. Кроме того, и для более древних эпох индо-европ. праязыка это значение категории среднего рода спорно и устанавливается некоторыми исследователями только гипотетически.

Относительно инфинитива (Мет. прил. 82) говорится: „Ученику необходимо осознать, что форма эта относится: 1) ко всем трем лицам, 2) к обоим числам, 3) ко всем трем родам, 4) ко всем временам"... Я считаю это совершенно ошибочным: инфинитив никакого отношения ни к лицам, ни к членам, ни к родам, ни к временам не имеет. Нельзя считать удачным различение падежной формы и падежа (Мет. прил., 87).

Синтаксис автор понимает, как учение о предложении. Из разложения сказов на пары, которое он рекомендует делать во все продолжение курса, по моему, не делается всех выводов, которые можно сделать.

Эти частные замечания не умаляют огромных достоинств книг А. М. Пешковского. Они, несомненно, много помогут преподавателю русского языка.

Н. Бельчиков и А. Шапиро, Грамматика в школе для взрослых. (1923.)

Грамматика предназначается для взрослых, но, конечно, может быть полезна и преподавателю первой ступени. Авторы прекрасно знакомы с методической и научной литературой, что между прочим доказывает „хронологический перечень методических сочинений за 1914—1923 г. г.", в котором, кажется, ничто не упущено. Грамматика совершенно свободна от обычных недостатков школьных учебников. Мне придется остановиться только на некоторых частностях, которые легко могут быть исправлены в последующих изданиях.

Определение грамматики (9) слишком широко: „Грамматика... дает описание некоторых сторон языка". Дальнейшее пояснение — не верно: „Предметом изучения грамматики является внешняя сторона человеческого языка, выражающаяся в звуковых фактах его". Благодаря этому в грамматику неправильно включается фонетика.

Не правильно, будто в предложениях „Мать любит дочь" и „Дочь любит мать" — порядок слов „является одним из способов связывания слов". (19).

Нельзя признать удачным определение падежа, как формы слова, „окончание которого вызывается требованием другого слова, которое этой формы *может и не иметь*". Это определение настолько туманно и противоречиво (Ср. подчеркнутые мною слова — „может и не иметь", но может и иметь!), что никому и ни в чем не поможет, а ляжет тяжелым грузом на память.

Определение глагола, — „слова, изменяющие свои окончания по лицам, временам и числам — *глаголы*" — отрывает от глагола неопределенную форму, причастие и деепричастие, хотя сами авторы сознают их близость к глаголу (Ср. стр. 33 и 53).

Термин *внутренняя форма*, употребляемый вместо *форма словообразования*, напр., в применении к залогу и виду (34 слл.), мне тоже представляется неудачным.

Утверждение (58)—„Все слова со стороны звукового состава распадаются на две части“:— корень и суффикс — не верно. Определение этих частей как раз и показывает, что распадение звуковой стороны неразрывно связано с распадением по значению; но, впрочем, это скорее неудачная формулировка.

Предложение определяется, как „сочетание именительного падежа+личная форма глагола, согласованного с словом, стоящим в им. пад“ (65). Это определение далеко не охватывает тех фактов, которые авторы помещают в синтаксисе, и им приходится говорить о „группах слов в роли предложения“, где у предложения выступают совсем иные признаки, чем те, которые положены в основание определения, а именно гл. обр. интонация. Благодаря неудовлетворительности определения предложения, у самих авторов (86) возникает сомнение, „считать ли словосочетание: „дорога мощена камнем, но кажется мягкой, как бархат,“ одним предложением с двумя однородными членами или двумя предложениями, из которых второе неполное“.

Не понятно, почему авторам кажется, будто „основная задача при наблюдениях над словосочетанием—установление понятия *предложения*“ (70). Я думаю, что установить понятие предложения можно только, наблюдая над предложениями, а наблюдение над словосочетаниями может привести только к установлению способов сочетания слов в русском языке — задача почтенная, и место осуществления ее, несомненно,— синтаксис. В будущем авторы, надеюсь, обратят на нее больше внимания.

С. И. Абакумов, Учебник русской грамматики. Часть I. 1923. Фонетика и Морфология.

Этот учебник, по словам автора, „является опытом применения к школьно-грамматической практике основ научной грамматики“.

И действительно, автор в „Предварительных сведениях“ сообщает вкратце о диалектах русского языка, о литературном говоре; в „Фонетике“ дает сведения из физиологии звуков речи и физиологическую классификацию звуков русского языка. В „Морфологии“ дается понятие о форме слова и формальная классификация слов (части речи); в образцах склонения обращается внимание на положение ударения и в некоторых случаях (46 сл.) — на звуковой вид безударных окончаний. Все это объясняется стремлением внести научность в школьно-грамматическую практику, и можно только приветствовать.

Есть, конечно, и недочеты. Перечислю наиболее крупные. „Два принципа, по словам автора (3),—легли в основу учебника. Прежде всего—строгое разграничение языковой *формы*, с одной стороны, и значения этой формы для нужд практической жизни — с другой“. Это — очень распространенное заблуждение, будто форма в языке может быть без значения. Совсем не понятно также, при чем здесь „практическая жизнь“.

В Фонетике очень неудачны выражения: „Буквы *е, ю, я* не обозначают *самостоятельных* гласных звуков“ и „равным образом и буквы *ц, ч, щ* не обозначают *самостоятельных* звуков“ (подчеркнуто мною). Кроме того, этот неудачный термин применяется к совершенно различным явлениям, одно явление графическое, другое — фонетическое.

Не удачно определение слога (14).

„Слияние звуков в слоги“ и „слияние слогов в звуки“ (15) совершенно не верно передают характер языковой деятельности.

В главе „Законы изменения звуков“ (15 слл.) смешивается историческая точка зрения с описательной. Так, о чередовании *г*, *з*, *ж* можно говорить только с описательной точки зрения, а с исторической — здесь изменение *г* в *ж* и *г* в *з*, происшедшее в различные эпохи.

Никак нельзя к чередованию звуков относить полногласные и неполногласные формы (17).

В „Морфологии“ *глагол* определяется как „слова, изменяющиеся по лицам и числам“ (29). Конечно, выделить группу слов с формами лица необходимо, но едва ли целесообразно только ее называть глаголом. В научной литературе издавна принято под глаголом разуметь словообразовательную группу слов, в которую входит как verbum finitum (личная форма глагола), так и verbum infinitum (причастия, неопределенная форма). Так, форма вида присуща в русском языке не только личному глаголу, как это можно было бы подумать по изложению автора, а глаголу в более широком его понимании.

Гораздо хуже, что автор к „несклоняемым причастиям“ наряду с *ходил* и *сделан* причисляет *добр* и *синь*. Здесь автор покидает реальную языковую почву и витает в области фантазии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Фонетика 5

I. *Органы речи и их функции* 5

1. Дыхательный аппарат . . . . . —
2. Гортань . . . . . —
3. Надставная труба 6

II. *Звуковой состав русского языка* 9

1. Гласные звуки . . . . . —
   а) Зависимость качества гласных от положения их по отношению к ударению . . . . . —
   б) Дифтонги 11
2. Согласные звуки 12
   а) долгие и краткие согласные 13
   б) твердые и мягкие согласные 14
   в) звонкие и глухие согласные . . . . . —
3. Чередование звуков 15
   а) гласных . . . . . —
   б) согласных . . . . . —

III. *Главнейшие особенности русской орфографии* 16

IV. *Образец фонетической транскрипции* 18

Грамматика 19

I. *Морфология* 22

1. Слово 23
2. Форма слова 24
3. Способы образования форм слов в русск. яз. 26
4. Формы словоизменения и ф. словообразования 27
5. Формы словоизменения 29
6. Классификация слов по значению 30
7. Части речи школьных грамматик 31
8. Падежные слова 33
9. Родовые слова 39
10. Личные слова 43
11. Формы словоизменения „другого рода“ 46
12. Слова, не имеющие форм словоизменения 50

Стр.

13. Формы словообразования 51
а) Глагол . . . . . —
б) Падежные слова 59
в) Родовые слова 65

II. *Синтаксис* 68

1. История развития синтаксиса . . . . . —
2. Синтаксис в школе 80
3. Синтаксические явления русского языка 81
а) Словосочетания . . . . . —
б) Соединения словосочетаний 95

Пунктуация 107

Список пособий с пояснительными указаниями 111